И. С. Тургенев в Тульском крае

Василий Анисимович Новиков

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге краеведа В. А. Новикова рассказывается о пребывании И. С. Тургенева на тульской земле, его окружении и связях, так или иначе отразившихся в его жизни и творчестве. Книга адресована широкому кругу читателей.

- От автора
-
- ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО
- НА РОДИНЕ «ПЕВЦОВ»
- ПОБЫВАЙТЕ НА БЕЖИНОМ ЛУГУ
- ВСЕМОГУЩИЙ ЖИКИН»
- НА БЕРЕГАХ КРАСИВОЙ МЕЧИ
- ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОСВЯЩЕНИЯ
- ДОМИК В ПОКРОВСКОМ
- ТАМ, ГДЕ ЖИЛ ОДНОДВОРЕЦ ОВСЯНИКОВ
- «САМЫЙ БЛИЗКИЙ ЧЕЛОВЕК»
- НА ИСТЕ, У МАЛИНОВОЙ ВОДЫ
- МЕЛКОПОМЕСТНЫЕ СОСЕДИ
- ТУЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ
- ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

От автора

Посвящается светлой памяти моих родителей — земляков Тургенева — Анисима Гавриловича и Ольги Николаевны Новиковых.

Тульский край богат литературными памятниками. Особенно много на его территории мест, связанных с творчеством великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева.

Чем дальше от нас уходит эпоха, в которую жил и творил Тургенев, тем становятся более понятны и близки для современников чувства и мысли писателя по отношению к России, к ее народу.

У Тургенева было много встреч с людьми разных сословий, населявших наши места. Это помогало ему создавать героев своих произведений.

В 1853 году, когда писатель находился в деревенской ссылке, он писал С. Т. Аксакову: «Я познакомился с великим множеством новых лиц и ближе стал к современному быту, к народу». В другом месте он говорит: «Чтобы у меня что-нибудь вышло, надо мне постоянно возиться с людьми, брать их живьем… Так я всегда писал, и все, что у меня есть порядочного, дано жизнью…»

В публикуемых очерках рассказывается о связях Ивана Сергеевича Тургенева с тульским краем, который сыграл особую роль в его творчестве.

Поискам и сбору материалов о Тургеневе автор посвятил более тридцати лет. Кроме произведений и писем писателя, литературоведческих работ, воспоминаний современников Тургенева, использовались материалы многих архивов Москвы, Ленинграда, Тулы, рассказы старожилов тургеневских мест, исследования местных краеведов, совершены многочисленные поездки по «тургеневским местам».

В сборник вошло несколько ранее публиковавшихся очерков, переработанных и дополненных, а также вновь, написанных.

За помощь в розыске архивных материалов и це ные указания приношу искреннюю благодарность со рудникам Государственного архива Тульской области и преподавателю Тульского пединститута кандидату исторических наук 8. И. Крутикову.

ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО

«Я, дворянин Тульской губернии, отставной коллежский секретарь, называюсь Иван Сергеев Тургенев, имею от роду 44 года…», — так сообщал о себе великий писатель в 1863 году.

Тургенев родился 28 октября (9 ноября) 1818 года в Орле. Ему не было пяти лет, когда родители переехали в поместье матери, в село Спасское-Лутовиново Мценского уезда. Здесь прошли детские годы Тургенева. И потом, когда Иван Сергеевич стал писателем, приезжая из-за границы, он жил в Спасском.

В таком случае почему писатель подчеркнул: «Я, дворянин Тульской губернии…», а не Орловской. Может быть, это ошибка? Нет, не ошибка. Все правильно. Дело в том, что родовое имение Тургеневых (не Лутовиновых), принадлежавшее отцу писателя Сергею Николаевичу Тургеневу, находилось в селе Тургеневе Чернского уезда Тульской губернии1.

Село Тургенево сыграло особую роль в творчестве Ивана Сергеевича. Об этом биографы писателя часто умалчивают или упоминают вскользь.

Прежде всего остановимся на истории возникновения села.

В Государственном архиве Тульской области, наряду с другими редкими документами об И. С. Тургеневе, заслуживает внимания «Дело Тульского дворянского депутатского собрания по внесению в дворянскую родословную книгу Тульской губернии рода Тургеневых».

Первый документ дела составлен владельцем села Тургенева 14 марта 1810 года. Это прошение лейб-гвардии прапорщика Николая Алексеевича Тургенева. Документ написан на шести листах гербовой бумаги с печатями. В конце его собственноручная подпись деда писателя.

Н. А. Тургенев самым подробнейшим образом излагает свою родословную, начиная с того, как мурза Лев Тургенев выехал из Золотой Орды в Московское государство «и крестился в царствующем граде Москве, и во святом крещении наречено ему имя Иоанн»2.

Из родословной видно, что Тургеневы служили больше по так называемому московскому списку, то есть принадлежали к столичным служилым людям: стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам. Все эти четыре «чина», или общественных слоя, составляли второй из трех крупных разрядов, на которое делилось тогдашнее дворянство.

Тургеневы встречаются на воеводствах в XVI веке в Рыльске, Дедилове, Каргополе, в XVII веке — в Калуге, Осколе, Торжке,

Муроме, Саратове, Туле, Царицине, Орле и в других городах. Некоторые находились при Персидском, Шведском и других посольствах.

Иван Сергеевич хорошо знал родословную своих предков.

В письме к писателю и историку литературы П. Н. Полевому 17 октября 1873 года Тургенев писал, что из исторических лиц, принадлежащих к его фамилии, он дорожит особенно двумя: «Тем Петром Т[ургеневым], который обличил Лжедмитрия и за это обличение был в тот же день казнен на лобном месте в Москве — и тем шутом Петра Великого, Яковом Тургеневым], которому пришлось в новый 1700-й год обрезывать ножницами бороды бояр: он по-своему тоже служил делу просвещения»3.

Предки писателя (по отцовской линии) в основном были военные. Прапрадед Роман Сергеевич Тургенев дослужился до чина полковника.

Но особенно много легенд ходило о прадеде Ивана Сергеевича Алексее Романовиче, который был пажем при императрице Анне Иоанновне. Как рассказывают биографы, из-за ревности Бирон удалил его, послал в армию на опасный участок войны с турками. Вскоре молодой офицер был ранен, попал в плен. Вернулся после заключения с Турцией перемирия. В отставку он ушел в чине подполковника. За службу в гражданском ведомстве Екатерина II присвоила ему чин статского советника. Умер А. Р. Тургенев в 1777 году.

Но к биографии прадеда следует добавить еще одну деталь, имеющую прямое отношение к истории села Тургенева. Женившись на Прасковье Михайловне Сухотиной, он получил в приданое деревню Вязовну с крепостными и землей, находившуюся в Чернском уезде Тульской губернии.

Впоследствии эта деревня перешла к Николаю Алексеевичу Тургеневу — деду писателя. О себе он пишет: «Я, Николай, в военную службу вступил в 1766 в артиллерию, в 1773 переведен в лейб-гвардии Семеновский полк в фурьеры, в 1777 — сержантом»4. Прослужив много лет в армии, Николай Алексеевич в 1780 году вышел в отставку в чине прапорщика и занялся устройством хозяйства. Под свою усадьбу владелец Вязовны выбрал живописный уголок на правом пологом берегу реки Снежедь, что было в трех верстах от принадлежавшей ему деревни. Николай Алексеевич писал, что доставшиеся ему от отца имения он продал, а имеет «ныне во владении своем Чернской округи в бывшем прежде сельце Вязовне, а ныне село Тургеневе»5.

Место это было очень красивым. Петлявшая между крутых холмов, поросших лесом и кустарником, между заливных зеленых

лугов и обрывистых каменистых скал река вдруг резко поворачивала на юг. Здесь она утихала и спокойно текла по прямой, словно прочерченной линии, больше полуверсты. А потом, дойдя до крутого каменного холма, делала большую петлю, устремившись на запад.

Здесь и обосновался Николай Алексеевич Тургенев. Вскоре был выстроен барский дом. Правда, вначале он не очень отличался от обычных крестьянских домов, может, только по размерам. Крыша дома была покрыта обычной ржаной соломой. Возле дома стали появляться различные службы, амбары, скотные дворы, конюшни, помещения для барской обслуги.

В те времена ни одна дворянская усадьба не мыслилась без фруктового сада, кустов сирени, цветников. Тургеневская усадьба не являлась исключением. Владелец ее приложил много старания и выдумки, чтобы как-то по-особому все разместить, спланировать и посадить. И это ему удалось. Фруктовый сад был размещен на четырех прямоугольных куртинах, разделенных липовыми и сосновыми аллеями. Северная и северо-восточная окраины сада со стороны крутого берега реки ˚ыли обсажены соснами и елями. Эти посадки стали впоследствии продолжением небольшого, но красивого Парка. Южную и западную стороны сада окаймляли липовые аллеи.

Парк и сад занимали большую часть территории усадьбы, раскинувшейся на обширном пологом южном; склоне. С южной стороны от берега реки к барской ' усадьбе примыкал зеленый луг, который назывался Са-желкой. Во время половодья, когда река выходила из берегов, луг заливало. Потом река спадала, но на лугу долго еще оставалась, поблескивавшая на солнце вода.

Вокруг барского дома росли кусты сирени, размещались цветники. От усадьбы на север и на запад уходили две дороги, с обеих сторон они были обнесены валом, обсажены ракитами и акацией.

Одновременно с устройством своей усадьбы, ее владелец подумал и о том, где поселить крепостных. До этого они жили в Вязовне (она носила еще название Вязовка, видимо, от лесистой местности, где росли вязы), много времени тратили на то, чтобы добираться на барщину. Помещику это было невыгодно. И он начал переселять крестьян поближе к своей усадьбе.

Так на левом возвышенном берегу Снежеди возникли первые крестьянские домики. А напротив, за рекой, раскинулась барская усадьба. Отсюда, с деревенской улицы, она была видна как на ладони.

Переселенные крестьяне из Вязовны, а потом и из некоторых других деревень уезда, принадлежавших деду писателя, явились

первыми жителями села Тургенева (Введенского тож).

Обнаруженные документы свидетельствуют, что село это возникло между 1781-м и 1784 годами.

В Тульском областном краеведческом музее хранится редкостная карта Тульской губернии. Год ее издания — 1781-й. На карту нанесены населенные пункты всех двенадцати уездов губернии. В Чернском уезде мы находим и Вязовку (или Вязовну). Село Тургенево на карте не помечено. Оно, очевидно, только зарождалось.

В Центральном государственном архиве древних актов (Москва) удалось обнаружить интересную запись, относящуюся к первым годам существования этого села. Приводим текст ее:

«Село Тургенево, что была пустошь Лепеховская вдовы действительного статского советника Прасковьи Михайловны Тургеневой 30 дворов, 95 мужчин, 93 женщины. Всего 77 десятин 96 сажен. Крестьяне на пашне — (барщина. — В. Н.). Церковь каменная Введение пресвятой богородицы. Вокруг оной ограда. Дом господский деревянный, а при нем сад. Река Снежедь. В жаркое время глубиной бывает поларшина, шириной 10 сажен. В ней рыба: щуки, окуни, плотва, пескари, ерши, язи, головли. Мельница мучная о четырех поставах»6.

В 1800 году П. М. Тургенева все лично принадлежавшие ей имения передала во владение сыну, в том числе и «село Тургенево, что прежде именовалось сельцо Вязовна»7. Часть земель потом Н. А. Тургенев купил у своего соседа Сухотина, значительно расширив свою усадьбу.

О возникновении села мы можем судить по записям, взятым из книги «Приходы и церкви Тульской епархии». Вот содержание этих записей: «Во второй половине XVIII столетия в селе Тургеневе была деревянная церковь во имя Введения во храм пресвятой богородицы… Каменный храм в селе, существующий в настоящее время, заложен был, как видно из надписи на хранящейся в церкви библии, в 1795 г. и окончен в 1806 г., на средства прихожанина, помещика Николая Алексеевича Тургенева, по фамилии которого и село получило свое название»8.

Если в селе была церковь, значит, существовало и само село. Свое второе название — Введенское — оно и получило по церкви.

У Николая Алексеевича Тургенева было пять сыновей и три дочери. Второй сын — Сергей Николаевич — отец писателя, родился 15 декабря 1793 года в селе Тургеневе.

Шестнадцатилетним юношей Сергей Николаевич поступил на службу в Кавалергардский полк, а через год был произведен в юнкера. В 1812 году он был участником боев против французов

под Витебском и Смоленском, Бородинского сражения, где «храбро врезался в неприятеля и поражал врага с неустрашимостью», был ранен картечью в руку и награжден знаком отличия военного ордена Георгия и серебряной медалью на голубой ленте.

В Госархиве Тульской области хранится копия с указа о службе полковника С. Н. Тургенева. В этом Документе подробно описан служебный путь отца писателя до ухода в отставку.

В марте 1814 года С. Н. Тургенева командировали с резервным эскадроном за границу. Свой полк он встретил около Вюрцбурга в Саксонии на обратном походе из Франции и вместе с ним возвратился в Россию.

Осенью 1815 года Сергей Николаевич прибыл в свое село в отпуск. Являясь одним из восьми наследников, он получил от отца село Тургенево, за которым числилось 130 душ.

В это время состоялось знакомство Сергея Николаевича с богатой соседкой Варварой Петровной Лутови-новой, проживавшей в 18 километрах от Тургенева в селе Спасском Мценского уезда Орловской губернии. Двадцатитрехлетний, стройный, красивый офицер произвел неотразимое впечатление на Лутовинову. Вскоре состоялась их свадьба.

Много лет спустя Иван Сергеевич так рассказывал о своем отце: «В «Первой любви» я изобразил своего отца. Меня многие за это осуждали, а в особенности осуждали за то, что я этого никогда не скрывал. Но я полагаю, что дурного в этом ничего нет. Скрывать мне нечего. Отец мой был красавец; я могу это сказать потому, что я нисколько на него не похож, — я похож лицом на мать. Он был очень хорош — настоящей русской красотой. Он обыкновенно держал себя холодно, неприступно, но стоило ему захотеть понравиться, — в его лице, в его манерах появлялось что-то неотразимо очаровательное. Особенно становился он таким с женщинами, которые ему нравились»9.

После женитьбы Сергей Николаевич стал владельцем огромного состояния. Появилась возможность укрепить расстроившееся хозяйство тургеневского имения. На усадьбе стали возводиться прочные кирпичные здания. Рядом с барским домом была построена и вскоре пущена в ход бумажная фабрика. Ее механизмы приводились в движение колесом, вращавшимся водой реки Снежедь. В конце села, где река суживалась, ее перегородили земляным валом, а в центре сделали деревянную плотину, которая на время половодья разбиралась. Запруда преграждала путь реке, образуя большое водохранилище, огибавшее полукольцом тургеневскую усадьбу. Почти к самому зданию фабрики от водохранилища крепостные прорыли канал.

От него по деревянному желобу вода направлялась на огромное деревянное колесо со специальными ячейками. Под тя-Ц жестью падавшей воды колесо вращалось, приводя движение металлический вал и затем — механизмы ь фабрики.

В. Колонтаева, одна из воспитанниц В. П. Тургене вой, в своих воспоминаниях подтверждает, что инициатором строительства бумажной фабрики был отец писателя. Она сообщала, что «после женитьбы Сергея Николаевича… в селе Тургеневе была открыта бумажная фабрика, и Иван Сергеевич свои первые литературные произведения писал на бумаге фабрики села Тургенева»10.

Бумажная фабрика существовала несколько десятилетий. Во всяком случае в 50-е годы прошлого столетия о ней упоминалось как о действующей. В газете «Тульские губернские ведомости» во втором номере за 1850-й год опубликована статья «Город Чернь и его уезд». В статье говорится, что в уезде насчитывалось 14 фабрик и заводов. В списке этих предприятий мы находим и бумажную фабрику села Тургенева. По всем данным, не позднее 1861 года она была закрыта братом писателя, которому принадлежала тогда тургеневская усадьба. К этому времени в России появились более крупные предприятия по производству бумаги. А главное, после реформы 1861 года владельцу фабрики не выгодно было иметь наемных рабочих. Почти все процессы здесь выполнялись ручным способом, крепостные работали по многу часов в сутки без всякой оплаты.

Один из бывших тургеневских крепостных много лет спустя вспоминал, что провинившихся посылали дополнительно на самые тяжелые работы, например, резать тряпку на писчебумажную фабрику.

Основатель тургеневской усадьбы Николай Алексеевич Тургенев умер в Москве летом 1833 года и был похоронен на кладбище Донского монастыря. А через год не стало и отца писателя Сергея Николаевича.

Незадолго до своей кончины Сергей Николаевич написал в Тульское дворянское собрание прошение (1832) о внесении в родословную книгу сыновей Николая, Ивана, Сергея и жену Варвару Петровну. В Государственном архиве Тульской области имеется копия метрического свидетельства о рождении Ивана Сергеевича, выданная Орловской духовной консисторией Тургеневым «на случай представления сына их Ивана в военную службу…»11

Сергей Николаевич Тургенев в последние годы своей жизни страдал по утверждению врачей «каменной» оолезнью. После второй операции 30 октября 1834 года он умер в Петербурге.

После смерти Сергея Николаевича село Тургенево перешло к матери Ивана Сергеевича.

Тургенев много раз бывал в отцовской усадьбе еще в детские и юношеские годы. О связях писателя с селом, о его посещении этих мест больше известно из последующих лет жизни Тургенева, начиная с 40-х годов прошлого века.

Тургенев как-то сказал: «Вся моя биография в моих произведениях». И действительно, писатель хорошо знал историю своих предков как по линии отца (Тургеневых), так и по линии матери (Лутовиновых).

Один из известных исследователей жизни и творчества Тургенева Н. М. Гутьяр пришел к выводу, что прототипами добродушных героев, вроде Фомушки и Фимушки («Новь») или Телегиных («Старые портреты»), явились преимущественно Тургеневы, а жестокие и крупные характеры, вроде дедушки рассказчика («Однодворец Овсяников»), Лутовиновы. Среди Тургеневых также встречались личности, вызывавшие негодование у Ивана Сергеевича.

Об одном из них — Федоре Михайловиче Тургеневе — Иван Сергеевич писал А. И. Герцену 28 декабря 1860 года: «Это был величайший сукин сын и грабитель. Помнится, мы к нему от этого не ездили, даром что он был нам родственник. А ведь и мои родные не были из числа самых беспорочных»12.

В первой половине прошлого века Ф. М. Тургенев был владельцем села Липицы Чернского уезда (ныне эта территория относится к совхозу «Липицы» Чернского района).

Село Тургенево и его окрестности, людей, населявших эти места, писатель очень хорошо знал. Об этом прежде всего свидетельствует переписка писателя. И неудивительно, что все это нашло отражение во многих его произведениях.

Когда умер отец Тургенева, будущему писателю было всего 16 лет. «Ненависть к крепостному праву уже тогда жила во мне, — вспоминал много лет спустя Иван Сергеевич, — она, между прочим, была причиной тому, что я, возросший среди побоев и истязаний, не осквернил руки своей ни одним ударом — но до «Записок охотника» было далеко. Я был просто мальчик — чуть не дитя».

«Имение моего отца, — писал он далее, — слилось с имением моей матери, женщины своевольной и властолюбивой, которая одна давала нам — а иногда и отнимала у нас — средства к жизни. Ни ей, ни нам в голову не приходило, что это ничтожное имение (я говорю про отцовское) не ее. Я прожил три года за границей, не получая от нее ни копейки — и все-таки не подумал потребовать свое наследство…»13

Характеристика, которую писатель дает в этих словах своей матери, подтверждается ее письмами к сыну. В отделе рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) хранятся письма В. П. Тургеневой — матери писателя — к сыновьям. Письма пока мало изучены и почти не использованы тургеневедами. Переписка охватывает период с 1838-го по 1844 годы. Значительное число писем было написано, когда Тургенев находился в Германии в Берлинском университете. Это письма-дневники, и они представляют большой интерес не только как биографические документы, но и как источники, свидетельствующие о начальном периоде литературной деятельности Тургенева. Многие факты из писем матери Иван Сергеевич использовал потом в своих «Записках охотника», особенно о мелкопоместных соседях Тургеневых.

Вот, например, что сообщала в своем письме от 30 июля 1838 года Варвара Петровна сыну: «Губарев напакостил. Этому человеку хлеб не сладок, ежели он его съест неукраденный… О, какие есть скверные люди — не щадят ни отца, ни матери. Таков Губарев…» Речь идет о мелкопоместном дворянине Чернского уезда. Эта фамилия встречается у Тургенева в его романе «Дым».

Часто сын поступал не так, как хотела мать. Это вызывало недовольство со стороны Варвары Петровны. «Богатырь ты стал с виду, а душой — баюшки, баю…» — упрекала она в одном из писем Ивана. В другом говорит: «Я, по совести тебе сказать, более тебя не за науками посылала, а чтобы ты почерпнул пристойность».

Особенно негодовала Варвара Петровна, когда долго от сына не получала писем. И тут она прибегала даже к жестоким угрозам, используя свои права крепостницы. В письме от 25 ноября 1838 года к Николаю и Ивану Варвара Петровна писала: «…Я непременно пиколашку высеку (крепостной мальчик. — В. Н.). жаль мне его, а он прехорошенький и премиленький, так что я им занимаюсь он здоров и хорошо учится. Что же делать бедный мальчик будет терпеть… Смотрите. не доводите меня до такой несправедливости».

Мать желает знать, кто товарищи Ивана, достойны ли они его дружбы. В Берлинском университете Тургенев слушал лекции вместе с Михаилом Бакуниным. Варвара Петровна писала: «Познакомь меня заочно с Бакуниным, скажи ему, что я очень желаю его видеть в Москве… Опиши мне его, что такое он, каких лет, примет и дородства».

Иногда, когда у Варвары Петровны бывало хорошее настроение, она в письмах рассказывала сыну о довольно любопытных наблюдениях. «Я все занимаюсь пчелами, —

сообщала она 30 июля 1838 года. — Стеклянные ульи на своем месте. А как нынче гречишный год, то меду они нанесли очень много. Я видела матку… когда она было вылетела погулять, и захватил ее дождь, как она обсушивалась и как ее пчелы облизывали, обтирали, и как она важно протягивала лапки, кокетство-вала, притворялась едва дышащею. О, женщины, во всяком создании одинаковы…»

Долгое время Варваре Петровне не давала покоя мысль о разделе имений между сыновьями. Наконец, она решила провести такой раздел. В письме к Ивану Сергеевичу от 4 октября 1841 года она писала: «Твое Тургенево и Слободка. 10 тысяч доходу, да конный завод тысячи на три, да дядя (Н. Н. Тургенев. — В. Н.) с фабрики (в Тургеневе тогда действовала бумажная фабрика), что получит, его…»

В другом письме мать вновь напоминает младшему сыну: «Твое Тургенево и Слободка под надзором дядиным…»

На самом же деле раздел имений при жизни В. П. Тургеневой так и не был осуществлен.

В 1843 году Тургенев издал поэму «Параша» (рассказ в стихах). Поэма получила высокую оценку Белинского. Это льстило Варваре Петровне. И она пишет Ивану Сергеевичу: «Пришли мне несколько книжек «Параши» и напиши у кого в типографии ее печатали». Но она была категорически против того, чтобы ее сын избрал себе профессию литератора. Во всех поступках и действиях ее были видны черты ярой крепостницы. Будучи в гневе, 11 июня 1843 года она писала сыну: «Русский должен быть в черном теле или пьяница. Чуть облагородится — уже более не слуга господину»-

Большинство писем Варвары Петровны написаны в Спасском. Некоторые посылались из села Тургенева. Это свидетельствует о том, что она бывала здесь не только наездами, но и оставалась на продолжительное время.

28 марта 1843 года из Тургенева она пишет в Петербург на имя сыновей Николая и Ивана: «Мои милые, гнев матери — дым, малейший ветерок, и пронесло его. А любовь родительская неограничена. Сквозь этот дым, как бы он ни ел глаза, надо видеть любовь, которая с колыбели вкоренилась в сердце»14.

Черты характера В. П. Тургеневой как помещицы-крепостницы использованы писателем в создании образов барынь-помещиц в таких произведениях, как «Му-му», «Собственная господская контора», «Степной король Лир», «Пунин и Бабурин», в повести «Первая любовь».

О многом, что происходило в родовой усадьбе Тургеневе, писатель узнавал от своего дяди Н. Н. Тургенева, который после

смерти брата заведовал имениями Варвары Петровны. В годы детства и юности Иван Сергеевич очень любил своего дядю.

В рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), Институте русской литературы (Пушкинский дом), Академии наук СССР (Ленинград), Центральном государственном архиве литературы и искусства (Москва) и в других архивах хранятся 30 неизданных писем Н. Н. Тургенева к Ивану Сергеевичу. Некоторые из них отправлялись из города Черни и села Тургенева.

«Милый друг Ваня я жив и здоров, за хлопотами опоздал писать… Спешу отправить письмо. Почтмейстер наш с благополучной фигурой, как ты его помнишь, у дверей дожидается запаковать почтовый чемодан», — сообщал дядя племяннику в письме от 7 декабря 1841 года. Из слов Николая Николаевича Тургенева можно заключить, что будущий писатель был знаком с черн-ским почтмейстером. На чистой стороне письма он был нарисован Иваном Сергеевичем, а ниже — подпись: «Почтмейстер в затруднении». Несколько писем дядя написал племяннику из села Тургенева, где он в это время жил.

С 1841-го по 1846 год дядя писателя был предводителем дворянства в Чернском уезде. Это обязывало его часто наведываться в уездный город, бывать в Туле. На это требовались средства, которых Николаю Николаевичу постоянно не хватало. Тургеневская бумажная фабрика и конный завод оказались без присмотра и дохода не давали. Все это вызывало недовольство Варвары Петровны. В одном из писем она сообщала сыну: «Дядя в Туле — встречает и провожает царя. Европейский человек». В другом письме она иронизировала: «Дядя теперь, слава богу, здоров. А было даже несколько дней болел и пускал себе пиявочную кровь, потому что, встречая губернатора (тульского. — В. Н.) и давая ему пир, несколько шампанского перепил».

Хозяйство Н. Н. Тургенев вел бестолково, все больше влезал в долги. Это выводило из себя Варвару Петровну, и она в гневе пишет сыну: «Дядя постарел 20-ю годами и совсем оглупел». Какие-то черты своего дяди Тургенев использовал для создания образов помещиков в произведениях «Контора», «Завтрак у предводителя» и в других.

Вокруг села Тургенева много было дворянских гнезд, владельцев которых хорошо знал писатель и которые впоследствии нередко становились прототипами тургеневских героев.

В начале 1842 года Иван Сергеевич находился в Москве. Здесь он получил несколько писем от брата Николая из

Петербурга. Одно из них — от 26 января 1842 года. На обороте второго чистого листа письма — портретные зарисовки карандашом и пером, принадлежавшие писателю. Под зарисовками подписи: «Хозиков» и другие.

Вот что известно об этом человеке. Петр Иванович Хозиков, капитан в отставке, имевший чин коллежского асессора, в 30-е годы прошлого столетия был предводителем дворянства в Чернском уезде. Его усадьба находилась на левом крутом берегу Снежеди в версте от села Тургенева. Умер Хозиков в 1861 году в возрасте 72 лет. Сосед Тургеневых был немногим старше отца писателя и, несомненно, был с ним хорошо знаком. Ясно и то, что какими-то чертами своего характера, своих действий этот помещик-крепостник николаевского периода обратил на себя внимание двадцатичетырехлетнего Тургенева, литературная деятельность которого в эти годы только начиналась.

Сам П. И. Хозиков в 1858 году сообщал о своих деревнях (кроме деревни Снежеди, ему принадлежало сельцо Гуньково и деревня Старая Вязовна, которые находились вблизи Тургенева), что в них насчитывалось 313 мужчин и 317 крепостных женщин. «Крестьяне состоят на барщине и обрабатывают на помещика в каждом поле по 135 десятин». В зимнее время некоторые «занимаются недельными извозами»15.

Деревня Снежедь, где проживал сосед Тургеневых, и поныне носит свое второе название Хозиково, по имени ее бывшего владельца.

Иногда о своих знакомых, проживавших вблизи отцовской усадьбы, Тургенев говорит очень кратко. И исследователям трудно установить, кто они.

В письме воспитаннице В. П. Тургеневой В. Н. Богданович-Лутовиновой от 11 ноября 1850 года Иван Сергеевич мимоходом упомянул: «Сухотина я видел». В указателе имен Полного собрания сочинений и писем Тургенева объяснение дано двумя словами: «Неустановленное лицо».

Много лет спустя в письме к брату от 3 июля 1876 года из Спасского Тургенев вновь упоминает имя Сухотина. Брат писателя Николай Сергеевич в это время находился в Карлсбаде. Иван Сергеевич сообщал ему о всех деревенских новостях: «У тебя в Тургеневе вследствие страшной грозы с ливнем прорвало плотину и унесло много сена. У Сухотина в Петровском утонули мельник и его работник. Гроза эта была и здесь в Спасском — третьего дня вечером. Я редко видывал нечто более сильное. К счастью еще, что граду не было"16

Деревня Петровское расположена на реке Снежеди, в трех километрах от села Тургенева. Владельцем деревни являлся в то

время Н. Н. Сухотин.

Под свою усадьбу он выбрал живописное место на крутом холме правой стороны Снежеди. Река, перегороженная у подножия холма плотиной, делалась широкой и глубокой. Барскую усадьбу она огибала большим полукругом. Рядом с домом помещика были цветники, кусты сирени, жимолости, распланирован фруктовый сад, окруженный с двух сторон земляным валом и обсаженный ракитами и акацией.

На левой, менее приглядной стороне реки, помещик поселил крепостных. Одним концом деревня упиралась прямо в берег реки, а другим на полверсты уходила в сторону двух больших оврагов, стиснутая со всех сторон барскими угодьями. Многие крепостные Петровского были переселены сюда владельцем из других, принадлежавших ему деревень. Домишки крестьян были маленькие, покосившиеся, приплюснутые к земле. А многие крестьяне вовсе жили в землянках. Деревня эта была одна из наиболее разоренных во всей округе, вроде Колотовки, описанной Тургеневым в рассказе «Певцы».

Сухотин всего лишь на год был старше Н. С. Тургенева. Усадьбы Тургеневых и Сухотиных граничили. Кроме того, обе семьи связывало старое родство. Надо полагать, что знаком писатель с Сухотиным был еще с детских лет. Сухотин быстро продвигался по служебной военной лестнице. К 1851 году он был уже полковником. Служил на Кавказе, был ранен. Затем чин генерал-майора, губернаторство в Каменец-Подольске. Вышел в отставку в чине конной артиллерии генерал-лейтенанта. К этому времени Н. Н. Сухотин имел изрядное состояние. Он приобрел в Москве на Малой Дмитровке собственный дом, выделил большую сумму на отделку тургеневской церкви.

Отставной генерал завел в своем поместье довольно крутые порядки. В донесении предводителю Черненого дворянства в 1858 году Сухотин сообщал, что его крепостные три дня в неделю обрабатывали господскую землю, выполняли целый перечень других барских и казенных повинностей и вдобавок платили ежегодно помещику «с тягла одного барана, 1 гуся, 25 фунтов свинины, 2 курицы, 1 поросенка, 50 яиц, 2 фунта коровьего масла и 2 фунта овечьей шерсти»17.

Надо полагать, что личность Сухотина не могла не интересовать писателя. В описании отставных генералов Тургенев мог воспользоваться какими-то чертами и своего соседа генерал-лейтенанта Сухотина.

В письме к М. А. Бакунину и А. П. Ефремову от 15 сентября 1840 года Тургенев упоминает своего соседа «кривого Чапкина». Сельцо Кудиново Чернского уезда, где проживал А. Н. Чапкин,

находилось в семи километрах от села Тургенева и в шести — от Спасского. Соседка Тургеневых О. В. Аргамакова, выступавшая после смерти писателя с воспоминаниями, сообщала, что А. Н. Чапкин, ее дядя, хорошо знал основателя спасской усадьбы И. И. Лутовинова и много рассказывал о его жизни.

В окрестностях села Тургенево и вообще в Чернском уезде, в самой Тульской губернии Тургенев был знаком с очень широким кругом лиц из дворянской среды: с богатыми и разорившимися, с военными и штатскими, идеалистами-мечтателями и ярыми крепостниками, крупными чиновниками и канцелярской мелюзгой.

И не этим ли объясняется, что в черновом автографе повести «Затишье» деревня Сасово, куда приехал молодой помещик Астахов, находилась в Тульской губернии. А «Гамлет Щигровского уезда» первоначально назывался «Гамлетом Чернского уезда».

Трудно сказать, сколько раз бывал писатель в Тургеневе. Во всяком случае в каждый свой приезд в Спасское он посещал и родовую усадьбу отца. Но самое длительное пребывание Тургенева в этом селе было в 1850 году (с середины июля до конца сентября). А когда он собрался ехать в Петербург, написал (26 сентября 1850 года) письмо Полине Виардо. В нем объяснял причину своей задержки: «Необходимо было оставаться здесь, чтобы окончательно устроить дела моего брата. Только вчера я закончил их. Слава богу, теперь он вполне независим и спокоен; я уступил ему свою половину Тургенева, и теперь он — владелец очень хорошенького маленького имения, которое в хороший год может приносить ему до 20-ти тысяч франков».

После смерти матери село Тургенево окончательно перешло к Н. С. Тургеневу, а в 1879 году (когда скончался Николай Сергеевич) усадьба досталась родственникам его жены — Маляревским. Последним владельцем усадьбы был зять Маляревских, Лауриц.

Николай Сергеевич построил себе в Тургеневе новый дом, а домик деда с соломенной крышей передал под прачечную и баню. Молодой владелец всерьез занялся благоустройством усадьбы. Старый сад был значительно расширен. На южной его стороне крепостные вырыли водоем. Вода поступала сюда из Снежеди по каналу. Построили оранжерею, в которой садовники выращивали персики, вишни, южные яблоки, цветы, овощи.

Весной 1852 года за печатание некролога по случаю смерти Гоголя, а фактически за «Записки охотника», Тургенев по приказу царя был отправлен в деревенскую ссылку. Поселился он в Спасском. Во время своего житья здесь писатель был частым

гостем села Тургенева. Продолжал посещать он эти места и в последующие годы. Об этом писатель упоминает в своих письмах.

26 июля 1852 года Иван Сергеевич писал жене брата А. Я. Тургеневой, которая находилась в это время в Тургеневе: «Когда я Вам обещал вчера у Вас обедать, любезная Анна Яковлевна, я не знал, что Тютчев (управляющий Спасского. — В. Н.), по непредвиденным обстоятельствам, уезжает сегодня вечером в Москву — и поэтому позвольте мне отложить мое посещение до завтрашнего дня»18.

А вот еще одно подтверждение. В письме к Некрасову от 29 октября 1854 года Тургенев сообщал: «Завтра я с графиней Толстой крещу у тургеневского попа, покумлюсь с ней. Жаль, что отсюда до них около 25 верст»19.

Не забывал писатель дворянское гнездо Тургеневых и в более поздние годы. В начале июня 1876 года Иван Сергеевич из Парижа возвратился в Спасское. Вскоре он был в Тургеневе. «Любезный брат, — писал он Николаю Сергеевичу в Карлсбад 17 июня 1876 года, — с тех пор как я писал тебе отсюда, я успел побывать у тебя в Тургеневе, где любовался новыми постройками и заведениями — и твое все семейство было у меня и обедало».

Подробнее о посещении Тургеневым отцовской усадьбы рассказывает родственник Николая Сергеевича П. К. Маляревский в письме к нему. Иван Сергеевич приехал в Тургеневе в субботу. До обеда осмотрел весь дом, многое хвалил. Но наружною окраскою дома остался недоволен, в особенности не мог помириться с зеленым цветом крыши. Осмотр тургеневского сада вызвал у писателя много воспоминаний, особенно напомнил ему детство. Потом Тургенев побывал на гумнах, осмотрел сушилку. Ему понравилось простое без ухищрений ее применение. С гумна поехали на пасеку. Оказалось, что писатель хорошо был знаком с жизнью пчел. Уехал Иван Сергеевич из Тургенева поздним вечером и заверил, что он еще побывает здесь до своего отъезда во Францию.

Это и другие письма Маляревского хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (Москва).

Между писателем и его братом велась постоянная переписка. Много писем Иваном Сергеевичем написано в село Тургенево. Опубликовано 156 писем И. С. Тургенева к его брату Николаю. Нельзя согласиться с некоторыми утверждениями, что Н. С. Тургенев «был далек» от литературных и общественных интересов своего брата и что их переписка «касалась преимущественно денежных и семейных вопросов».

Многие современники рассказывают о большой начитанности и литературном чутье старшего брата писателя.

Жена управляющего Спасским С. Г. Щепкина в своих воспоминаниях записала со слов Ивана Сергеевича, что его брат, обладая тонким юмором, читал замечательно хорошо юмористические рассказы. «Когда они оба были еще молодыми, кто-то пригласил Ивана Сергеевича на литературный вечер послушать искусного чтеца: по обыкновению своему он опоздал, взошел в залу, когда все общество было в сборе. Увидав читающим своего брата, Николая Сергеевича, был очень удивлен. В зале стоял неумолкаемый хохот, но до этого случая Иван Сергеевич не подозревал в брате юмориста»20.

О литературных вкусах Н. С. Тургенева рассказывают в своих воспоминаниях А. А. Фет, Я- П. Полонский и другие.

В 1862 году по настоянию Ивана Сергеевича владелец села Тургенева уехал за границу на лечение. После встречи с братом он писал жене:

«Я нашел Ивана очень изменившимся: он выглядел гораздо старше меня. Он поверил мне такие тайны, которые доверяют только брату»21.

Перечитываем письма Ивана Сергеевича брату периода, когда писатель работал над «Новью». Большая часть их была послана в деревню. Почти в каждом из них Тургенев касается своего творчества, дает в связи с этим различные поручения брату и находит с его стороны отклик.

Писатель посвящает брата в парижские литературные новости, рассказывает об истории написания стихотворения «Крокет», о печатании «Нови», пишет о том, чтобы он не верил газетным и журнальным сплетням, касающимся его имени, о подготовке к опубликованию писем Пушкина к жене, редактировать которые дочь поэта графиня Меренберг доверила Тургеневу, и о многом другом.

Николай Сергеевич очень внимательно следил за откликами в печати, которые вызывал новый роман Тургенева. Газетные и журнальные вырезки высылались в Париж почти с каждой почтой.

Но Ивану Сергеевичу не нравились отдельные стороны жизни брата, особенно его стремление к наживе за счет всевозможных спекуляций и ростовщичества, его скупость. В своих письмах Тургенев открыто выступал против этого.

Земли села Тургенева и Спасского почти граничили. Став владельцем Спасского, И. С. Тургенев многое сделал для облегчения положения своих крестьян. Этого нельзя сказать о его брате.

Владелец родового села и других деревень больше думал о своей выгоде.

В Государственном архиве Тульской области хранится

интересный документ. Это «Подробные сведения о состоянии имения надворного советника Николая Сергеевича Тургенева». Написаны они по доверенности владельца управляющим села Тургенева Преображенским 1 сентября 1858 года на 12 страницах. Все описание села — образец установленных крутых крепостных порядков. Владелец Тургенева считал, например, невыгодным для себя переводить крестьян на оброк, что делал Иван Сергеевич в своих имениях.

В селе Тургеневе, деревне Слободке и хуторе Велевашеве, принадлежавших Н. С. Тургеневу, насчитывалось всего 323 мужчины и 329 женщин. «Так как земли по праву законной собственности принадлежат все владельцу имения, а крестьяне не что иное, как работники его, то они пользуются (землей) только за работу на него». А за «нерадения… в экономии вредные и нетерпимые» владелец отдавал крепостных в рекруты.

В документе дан подробный перечень повинностей, которые должны были нести крестьяне на казну и на помещика. Для большей выгоды хозяин ежедневно на разных работах крестьянам устанавливал «урок». Они обязаны были «обрабатывать на владельца землю, вывозить на оную навоз, сеять зерновой хлеб, косить оный и траву по лугам, сено убирать своевременно и дружно…» Эти «обязанности» крестьян перечисляются на пяти страницах.

Владелец села из всего пытался извлекать для себя выгоду. С крестьян брал изрядную плату даже за то, что их скот и птица ходили по неугодным барским землям. Кроме всего прочего, они должны были платить еще натурой: баранами, птицей, яйцами, холстом. Составитель документа вынужден признать тяжесть крестьянского житья. Некоторые из жителей, чтобы не умереть с голоду, пытались дополнительно заниматься извозом. Но «занимаются более на изъян бесполезный, едва прокармливая в дорогах себя и лошадей…»22

Бывая в Тургеневе, Иван Сергеевич нередко становился на защиту крестьян и выговаривал брату за жадность и прижимистость.

Состояние Н. С. Тургенева особенно пошло в гору после реформы 1861 года и к концу жизни владельца считалось миллионным. Для большой наживы он давал деньги под залог и за высокие проценты. Узнав об этом, Иван Сергеевич писал Н. С. Тургеневу 11 февраля 1878 года: «Из прежних писем твоих я вижу, что ты разным лицам даешь деньги под залоги и, вероятно, за высокие проценты. Мне бы не следовало пенять на это — так как я сам получил деньги от тебя — и даже без залога… Но, воля твоя, как-то странно видеть человека с твоим именем предаваться

таким спекуляциям»23.

Последние два года своей жизни (1877–1878) брат писателя почти безвыездно находился в Тургеневе. Сюда приходили письма от Ивана Сергеевича. 1 июля 1878 года Тургенев из Франции писал брату: «В конце будущей недели я в Петербурге — а несколько дней спустя — в Спасском и в Тургеневе»24.

И вот Иван Сергеевич в Спасском. Отсюда 10 августа он извещает Николая Сергеевича: «Я сегодня рано поутру прибыл сюда — и намерен посетить тебя завтра, о чем тебя предуведомляю»25.

В деревне Иван Сергеевич прожил до сентября. В это время его встречи с братом были последними. Да и поездки его в Тургеневе в то лето, по-видимому, тоже были последними. До конца этого года в село Тургеневе от писателя еще продолжали поступать письма. Последним было письмо от 14 декабря 1878 года. Н. С. Тургенев умер 7 января 1879 года в своем доме в селе Тургеневе. Гроб с телом Николая Сергеевича был отправлен в Москву и поставлен в склепе Новодевичьего монастыря. О последних днях жизни брата писателя и церемонии его похорон подробно рассказывает в письме к Ивану Сергеевичу от 25 января

1879 года П. К. Маляревский, дочь которого стала наследницей усадьбы села Тургенево. Писатель не был извещен своевременно о кончине брата и сильно по этому поводу негодовал. Тургеневу было очень дорого все то, что напоминало о его родовой усадьбе. В письме к своему управляющему Н. А. Щепкину от 14 сентября 1879 года Иван Сергеевич просил хранить все вещи, «которые достанутся после брата (в тургеневском доме) — особенно его часы»26.

Как хорошо знал писатель места по Снежеди! И как тонко и красочно описал проживавших здесь людей своих произведениях.

Отдавая дань памяти основателю села Тургенева писатель в повести «Два приятеля» назвал одного из главных героев Вязовниным, а его деревню Вязовной.

Во время своей ссылки (1852–1853 годы) в Спасском Тургенев работал над романом «Два поколения». До нас дошел лишь план произведения и отрывок из него, известный под названием «Собственная господская контора».

В своем исследовании о романе «Два поколения» литературовед Л. Н. Назарова пришла к выводу, что автор в этом произведении намеревался изобразить прежде всего помещичье-крепостнический быт: «Мать писателя явилась прототипом Глафиры Ивановны Га-гиной, крутой и деспотичной помещицы, неограниченно властвующей не только над своими крепостными, но и над приживалками и мелкопоместными соседями

помещиками, а также над сыном, Дмитрием Петровичем, и двоюродным братом мужа — Василием Васильевичем. Прототипом последнего был, очевидно, дядя писателя — Н. Н. Тургенев, а прототипом Дмитрия Петровича в известной степени является брат писателя Н. С. Тургенев»27.

Многие нравы периода старого барства, описанные в «Собственной господской конторе», подмечены автором в родовой усадьбе. Например, героиня произведения богатая помещица Глафира Ивановна Гагина мечтает, чтобы «Введенские фабрики были известны в России…» Введенское — это второе название села Тургенева. Была и фабрика в селе — бумажная. Частично это здание сохранилось до наших дней.

О бумажной фабрике Тургенев говорит неоднократно. Мальчик Илюша из «Бежина луга» рассказывает о домовом, который водился в старой рольне. Упоминается об этой фабрике и в рассказе «Певцы». Но более подробно о жизни фабричных писатель сообщал С. Т. Аксакову из Спасского в письме от 16 января 1853 года: «У меня на праздниках были маскарады: дворовые люди забавлялись; а фабричные с бумажной фабрики брата приехали за 15 верст — и представили какую-то, ими самими сочиненную, разбойничью драму-Уморительнее этого ничего не возможно было вообразить — роль главного атамана исполнял один фабричный — а представителем закона и порядка был один молодой мужик; тут был и хор вроде древнего, и женщина, поющая в тереме, и убийства, и все, что хотите: _ язык представлял смешение народных песен, фраз… и даже стихов из «Дмитрия Донского». Я когда-нибудь опишу это подробнее. Впрочем, эту драму сочинили, как я потом узнал, не фабричные; ее занес какой-то прохожий солдат»28.

В одном из писем к Луи и Полине Виардо (от 18 сентября 1850 года) из села Тургенева писатель сожалел, что у него немного было времени для работы, хотя работать имел большое желание. И все же менее чем за три месяца своего пребывания в отцовской усадьбе он многое успел. Достаточно напомнить, что в это время им написан знаменитый рассказ «Певцы», который по праву считается лучшим произведением «Записок охотника». Здесь подготовлен и второй поэтический рассказ Тургенева — «Свидание», напечатанный Некрасовым одновременно с «Певцами» в ноябрьской книжке «Современника» за 1850 год. В Тургеневе и его окрестностях писатель встретился с крестьянскими мальчиками, ставшими прототипами его рассказа «Бежин луг». Подробнее с историей создания этих рассказов мы познакомим читателя в других очерках.

В то же время у Тургенева родился замысел о написании

рассказа «Касьян с Красивой Мечи» и комедии «Провинциалка».

А разработка нового проекта издания «Записок охотника», в котором предусматривалось разделить их на две части? Над ним тоже писатель работал в Тургеневе.

Приезд писателя в Тургенево остался памятным еще и потому, что в это время велась самая оживленная переписка с любимой женщиной — Полиной Виардо. Тургеневым отсюда было послано во Францию более Десяти писем-дневников. «Ваши письма сделали меня счастливейшим из людей», — писал Тургенев П. Виардо 19 сентября 1850 года из деревни. «Я так нуждаюсь сейчас в душевном сочувствии, я так здесь одинок», — тосковал он.

Отсюда Тургеневым было отправлено несколько писем композитору Гуно, слава которого только начинала Расти. Писатель высоко ценил дарование композитора. * уно со своей стороны также питал к Тургеневу самые искренние чувства и охотно отвечал на все его письма. *v сожалению, эта переписка до нас не дошла.

В ту осень, после серьезного разговора с матерью, иван Сергеевич взял из Спасского свою дочь Полину (Пелагею, 1842–1919) и привез в Тургеневе Отсюда она была отправлена в Париж, где сначала воспитывалась у Полины Виардо вместе с ее старшей дочерью.

В десятках произведений писателя рассеяны названия сел и деревень, рощ и урочищ, расположенных в окрестностях села Тургенева: Бежин луг, Парахинские кусты, Синдеевская роща, Слободка, Шаламово, Красные Холмы («Бежин луг»), Колотовка («Певцы»), Никулино, Голоплеки («Однодворец Овсяников»), Кабылий Верх («Бирюк»), Вязовна, Лапино («Два приятеля»), Ветрово («Нахлебник»), Юдины выселки («Касьян с Красивой Мечи»), Рябово («Бурмистр»), Троицкое («Малиновая вода»), Чаплыгино («Смерть»), Кукуевка («Петр Петрович Каратаев»), Ерино, Белино, Беськово («Степной король Лир»), Борзенки («Новь»), Покровское («Дворянское гнездо»). Эти населенные пункты и урочища отстоят от села Тургенева Чернского района Тульской области не далее как в радиусе десяти километров.

Прошло более ста лет, с тех пор как Тургенев последний раз был в своей родовой усадьбе. Из местных жителей уже никого не осталось в живых, кто знал и — встречался с писателем.

Старожилом здешних мест является старейший учитель Анатолий Федорович Поляков. Более сорока лет Анатолий Федорович учительствовал в родном селе.

Неоценимая заслуга старого учителя в том, что он с группой энтузиастов, подобных ему, стремился сберечь все, что здесь, в

селе, связано с именем великого писателя.

Тургенев был страстным ревнителем народного просвещения. При его непосредственном, участии в 1861 году в селе было открыто народное училище. Но получить образование в эпоху царизма могли только избранные. И как порадовался бы писатель, если бы он жил в наше время и видел бы, как крестьянские дети, деды и прадеды которых были крепостными, получают среднее и высшее образование, становятся образованными людьми.

Прошло уже более четырех десятков лет, как в селе действует средняя школа. Почти все это время Поляков директорствовал в ней. Помнится, как в предвоенные годы Анатолий Федорович уговорил колхозников окружающих деревень строить школу собственными силами. И кирпичное здание было воздвигнуто. Оно стоит на том месте, где находился тургеневский дом, в котором бывал писатель. Об этом говорит мемориальная доска, установленная на здании.

Два месяца тургеневские места были заняты гитлеровцами (с 25 октября по 25 декабря 1941 года), но и за этот срок оккупанты причинили много горя и страданий нашим людям. Советские воины вскоре отогнали отсюда врага. Зацепившись за левый берег Зуши, немцы еще долго удерживались там. А села Спасское-Лутовиново, Тургенево и их окрестности стали прифронтовыми. Тургеневская школа была оборудована под военный госпиталь.

Многие защитники дорогих нам мест пали смертью храбрых и похоронены в братской могиле, которая находится в тургеневском парке. Воспитанники школы ухаживают за этим священным местом, ведут поисковую работу. Благодаря этому большому числу родственников павших воинов стало известно место их захоронения. Так, например, ребята разыскали родственников офицера Игната Давыдовича Попова, прах которого покоится в тургеневском парке. Побывавшая в Тургеневе дочь воина была тронута доброжелательностью и душевным отношением к ней коллектива школы, местных жителей, их умением хранить память о павших. Это побудило Светлану Игнатьевну передать несколько писем отца в школьный музей.

А недавно жители колхоза имени Тургенева с хлебом-солью встречали большую группу ветеранов войны, воевавших в тургеневских местах.

Тургеневская средняя школа стала культурным центром села. Здесь трудится большой коллектив учителей. Крестьянским детям школа дает путевку в жизнь. Многие из них стали агрономами, зоотехниками, офицерами Советской Армии, врачами, педагогами, журналистами, поэтами, художниками, артистами.

о послевоенные годы коллектив школы взялся за восстановление парка, пострадавшего во время оккупации этих мест фашистскими захватчиками.

Особенно многое сделано в последние годы. Рядом с вековыми деревьями вверх взметнулась молодая поросль. Хороша стала главная аллея. Она проходит через весь парк. С северной его стороны до южной,

От старогоТургенева осталось одно название. В густой зелени садов утопают аккуратные домики с шиферными крышами, телевизионными антеннами. От дома к дому тянутся нити электрических проводов. На окраине раскинулись животноводческие постройки.

Это меньшая часть села. За рекой, на правом берегу Снежеди, возникло Новое Тургенево, центр переместился туда. Блестящей серой лентой пролегла бетонка. То и дело в обоих направлениях идут автомашины. По обеим сторонам дороги раскинулись здания средней школы, интерната, клуба с библиотекой, двух магазинов, правления колхоза, механической мастерской, молочного завода, механизированного тока, гаража, бани, водокачки, скотных дворов. Немного поодаль разместились сельский Совет, почтовое отделение, медицинский пункт, общежитие, колхозная столовая. Метрах в пятистах от правления колхоза около самого леска Стрелицы ровной линией выстроились дома нового поселка.

Это и есть село Новое Тургенево — центр колхоза имени Ивана Сергеевича Тургенева. Колхоз объединяет пятнадцать населенных пунктов. Это крупное в Чернском районе хозяйство, экономика которого быстро поднимается в гору. А вместе с нею неизменно растет и благосостояние членов колхоза.

Местные жители гордятся тем, что колхоз носит имя их великого земляка. Своим самоотверженным трудом они умножают артельное богатство, делают свое село все краше и привлекательнее.

Каждое лето через село проходят тысячи экскурсантов. Ежегодно приезжают сюда и поселяются лагерем пионеры из Мурманска и других дальних городов.

Много хлопот в эти дни бывает у местных старожилов и краеведов, учителей школы. Это они вместе с учащимися и широкой общественностью прикладывают много сил и старания для открытия краеведческого музея в помещении бывшей бумажной фабрики, где в 1850 году жил писатель. Исполкомом Чернского районного Совета народных депутатов на этом здании установлена мемориальная доска.

Коллектив учителей и учащихся средней школы продолжает

вести большую работу по восстановлению и охране тургеневского парка и сада. Правление колхоза в свою очередь проявило хорошую инициативу, решив сделать на Снежеди запруду.

С окончанием работ по перекрытию реки возникнет большой водоем. Он полукругом будет огибать парк.

Сельский Совет в свою очередь развернул работу среди местного населения по охране всего того, что связано с именем великого писателя.

Прошли многие годы. Один век сменился другим. В селе Тургеневе выросло новое поколение людей. Пройдут еще столетия, но имя великого писателя всегда будет чтимо.

Недавно напротив нового здания правления колхоза жители села в торжественной обстановке открыли памятник Ивану Сергеевичу Тургеневу. На митинг, посвященный этому событию, собрались жители сел и деревень со всей округи.

Благодарные потомки постоянно будут с гордостью произносить имя своего выдающегося земляка Ивана Сергеевича Тургенева.

НА РОДИНЕ «ПЕВЦОВ»

Летом и осенью 1850 года, находясь в селе Тургеневе, Иван Сергеевич с большим вдохновением работал над «Записками охотника».

Последние три года писатель прожил за границей. Ненавистное русское рабство, которому, казалось, не будет конца, породило решение навсегда оставить Россию. К счастью, это намерение потом им было отвергнуто. Вскоре он пришел к другому выводу. И в этом убеждал своих друзей-политэмигрантов, убеждал в том, что человек всегда работает плодотворнее на родной почве, а не вдали от нее.

И вот он в доме, в котором жили его дед и отец. Петербургские и московские друзья были искренне рады его возвращению. После кратковременной остановки в Петербурге, он приехал в Москву. Старинный приятель Тургенева литератор Василий Петрович Боткин все дни, которые пробыл здесь Иван Сергеевич, не давал ему покоя. Он возил его на всевозможные вечера, в театры, в салон писательницы графини Е. В. Салиас де Турнемир…

Боткин помог Тургеневу свести знакомство со многими новыми людьми. Одним из них был литератор Евгений Михайлович Феоктистов. Много лет спустя Феоктистов в своих воспоминаниях писал, что Тургенева он впервые увидел в 1850 году. Тургенев только что вернулся из-за границы, где был свидетелем февральской революции и последовавших за нею событий. Его рас сказы, по словам Феоктистова, были очень интересны-

И не успел еще Тургенев отъехать от Москвы, как Боткин поспешил уведомить П. В. Анненкова (литературный критик и мемуарист, первый научный издатель Пушкина): «А вот вам сладкая душе вашей новость: Иван Сергеевич приехал. Он прожил в Москве дней десять, дела его с матерью пошли было хорошо, но потом он не выдержал, рассорился с нею решительно, переехал от нее в гостиницу и на другой день уехал в деревню. Вы знаете, что у него есть небольшое имение: туда он и поехал. Воротился он самым милым, любезным и самым добродушнейшим человеком в мире. Это — сама простота. Я обрадовался ему как родному брату. В Москве будет он в начале октября, а потом в Петербург»1.

Боткин условился с Тургеневым о том, чтобы он из деревни писал. И Иван Сергеевич сдержал свое слово. Об этом мы узнаем из второго письма Василия Петровича к тому же адресату от 26

сентября 1950 года: «Иван Сергеевич теперь в деревне: адреса его я вам не посылаю, потому что на днях я получил от него письмо, где он пишет, что непременно будет в Москве к концу сентября, а потом, кажется, будет собираться в Петербург.

Я вам, кажется, писал, что с матерью он опять поссорился, и на этот раз, кажется, очень сильно. Представьте: он сделался еще более милейшим, и я жду опять свидания с ним, как с любимой женщиной»2.

Вслед за Боткиным пишет Анненкову и Некрасов: «Летом был у нас Тургенев, чему я очень обрадовался, — на мои глаза, он нисколько не переменился и все такой же милый человек, как был. Теперь он у себя в деревне». (Письмо от 30 сентября 1850 года.) Некрасов тоже говорит о ссоре Тургенева с матерью, о том, что «написал он и прислал небольшую вещицу»3.

В Тургенево писатель приехал вместе с братом Николаем Сергеевичем и его семьей во второй половине июля 1850 года. Его приезд был вызван семейными дрязгами и ссорой с матерью. Это решение окончательно было принято после того, как разгневанная Варвара Петровна перестала принимать сыновей в своей московской квартире. Два дня добирался писатель на почтовых по тульскому тракту до отцовской усадьбы. Вслед за сыновьями выехала из Москвы и Варвара Петровна. Проживая лето в Спасском, она и здесь не желала встречаться с сыновьями. И они вынуждены ей из Тургенева писать письма, которые оставались без ответов. Потом, не сообщив им, она уехала в Москву.

О своем приезде в Тургеневе, расположении села, о местных жителях и окружающей природе писатель сообщает Полине Виардо в письмах-дневниках. «Возьмите атлас, — писал Тургенев 21 июля 1850 года, — найдите на карте России дорогу, которая ведет из Москвы в Тулу, а из Тулы в Орел, и если между этими двумя городами Вы обнаружите местечко, именуемое Чернь (немного не доезжая до города, называемого Мценском), представьте себе, что я нахожусь в двух французских лье (10 верст) от этого местечка. Маленькое имение, где я сейчас живу, принадлежало прежде моему отцу…

Местоположение Тургенева довольно веселое. Холмы, леса, очень приятно вьющаяся река, большие ярко-зеленые луга…».

Дом в Тургеневе был очень маленький. В нем поселилась семья брата. А Ивану Сергеевичу «устроили маленькую комнату в помещении бумажной фабрики…».

Из окон своей комнаты Тургенев видел большой луг, омываемый речкой, деревню, расположенную на противоположном, очень крутом берегу. Писатель сообщал далее,

что он «уже принялся за работу».

Через несколько дней, 3 августа 1850 года, из Тургенева Полине Виардо было отправлено второе письмо. «Я много и, кажется, хорошо работаю. К сожалению, моя комната — маленькая и поэтому очень душная», — пишет Иван Сергеевич.

В первое воскресенье после приезда писателя с братом в Тургеневе, все его жители собрались принаряженные к барскому дому. «Мы, — сообщает Иван Сергеевич, ¦— торжественно явились к ним и стали целоваться. (Признаюсь, я не знал, что с собою делать: нет, не «общественный» я человек!) К моим щекам приложились более трех сотен бород».

Перед окнами тургеневского дома началось веселье. Здесь до самого вечера пели и плясали: «Некоторые женщины танцевали очень грациозно, — подметил писатель, — одна из них в особенности была очаровательна. Она часто приподымала немножко свой передник и опять опускала, не можете себе вообразить, как это было изящно».

Нельзя без волнения читать такие строки из письма: «… Воздух родины имеет в себе что-то необъяснимое, он хватает вас за сердце. Это — невольное, тайное влечение плоти к той почве, на которой мы родились». Состояние писателя, так говорившего и чувствовавшего, можно было понять. Ведь последние годы он провел вне России.

Много пришлось писателю исходить в это лето и осень со своим неизменным спутником, крепостным охотником, выведенным в «Записках охотника» под именем Ермолая, Афанасием Тимофеевичем Алифановым, по окрестным лесам, рощам и болотам с охотничьим ружьем за плечами. Во всех многоверстных походах Ивана Сергеевича сопровождал его четвероногий друг— знаменитая собака Дианка.

В один из знойных июльских дней писатель забрел в Притынный кабачок, стоявший на окраине небольшого сельца Колотовки. Тургенев был поражен видом «бедной деревушки».

В Притынном кабачке писатель наблюдал состязание певцов — рядчика (мелкий подрядчик) из Жиздры и крепостного Якова Турка, легшее в основу рассказа, первоначально так и названного: «Притынный кабачок». За работу Иван Сергеевич принялся сразу же. Пожалуй, ни над одним произведением он не работал с таким самозабвением и любовью, не отделывал так тщательно, как этот рассказ. «Я своих «Певцов» как бисером вышивал», «как мозаику составлял», — рассказывал потом Иван Сергеевич о работе над «Певцами».

В течение августа и первой половины сентября — времени своего пребывания в Тургеневе — писатель в основном был занят

«Певцами». Тургенев утверждал, что вдохновение не исключает долгой и кропотливой работы, неоднократного исправления написанного.

В конце сентября писатель покинул Тургенево. Он вез рукопись двух рассказов, которые обещал Некрасову для «Современника»: «Певцы» и «Свидание».

После остановки в Москве, писатель выехал в Петербург. Вскоре окончательно отделанные рукописи рассказов лежали на столе редактора журнала.

«Работа моя для «Современника» окончена и удалась лучше, чем я ожидал, — писал Тургенев Полине Виардо 26 октября 1850 года. — Это, в добавление к «Запискам охотника», еще рассказ, где я немного в прикрашенном виде изобразил состязание двух народных певцов, на котором я присутствовал два месяца назад. Детство всех народов сходно, и мои певцы напомнили мне Гомера. Потом я перестал думать об этом, так как иначе перо выпало бы у меня из рук. Состязание происходило в кабачке, и там было много оригинальных личностей, которые я пытался зарисовать…»4

Переданные Тургеневым для напечатания рассказы были опубликованы в ноябрьском номере «Современника» за 1850 год и отнесены к лучшим произведениям года. Особенно восторгался ими Некрасов: «Приехал Тургенев (уже давно), написал два рассказа, которые найдете в 11 № «Современника]», — писал он литератору П. В. Анненкову 16 ноября 1850 года в Симбирск. — Один из них, «Певцы», — чудо! И вообще это отличная поправка бедному «Современнику», который в нынешнем году не может-таки похвалиться беллетристикой»5.

Вся литературная Россия не могла не откликнуться тогда на это удивительно поэтическое, неповторимое по своему изображению русских людей, на редкость талантливое произведение.

«Тургенев удивительно передает впечатление от пения, но здесь автор заехал в область другого искусства — музыки»6, — отзывался о «Певцах» много лет спустя Л. Н. Толстой.

На рассказ Тургенева были самые разные отклики. Но большинство из них сводилось к одному, что в «Певцах» в художественной форме наиболее ярко нашло изображение сдавленных, скрытых и не находивших выхода могучих сил русского народа, что писатель реалистически раскрыл трагедию духовно одаренных людей из народа в условиях крепостничества.

Очень высокая оценка дана «Певцам» и в советской литературе. Хорошо об этом сказал известный советский критик и литературовед И. В. Сергиевский. «Обращаясь к изображению

крестьянского мира, — пишет он, — Тургенев увидел не только его нищету и обездоленность, его подавленность и забитость, не только его теневые стороны, порожденные крепостническим произволом и угнетением, но еще что-то: его внутреннюю красоту, внутреннее благородство чувствований и переживаний, поступков и действий людей». Автор делает вывод, что если «выбросить из «Записок охотника» «Певцов» или «Бежин луг» — значит обезглавить их»7.

Общепризнано, что «Певцы» стали шедевром всей русской художественно-фольклористской литературы. В выборе песен, в исполнении их певцами Тургенев показал свои исключительно глубокие знания народного пения. И это не случайно.

Еще до Притынного кабачка писателю, совершавшему свои многодневные охотничьи походы, часто приходилось слышать русские народные песни, которые пели крестьяне окрестных сел и деревень: «Действительно, в наших краях знают толк в пении, и недаром село Сергиевское (ныне город Плавск), на большой орловской дороге, славится во всей России своим особенно приятным и согласным напевом», — замечает Тургенев в «Певцах». А в черновой рукописи далее шли слова: «Я бы… каждому музыканту посоветовал съездить послушать хор сергиевских мужиков; я ему отвечаю, что он бы не раскаялся в своей поездке и, может быть, вынес бы оттуда не одну мысль, и не одно замечание»8.

Сам писатель неоднократно бывал в этом селе и много раз слушал хор крестьян.

Местные старожилы рассказывают, что в дореволюционные годы в Сергиевском широкой известностью и популярностью пользовался хор, созданный здешним учителем Сергеем Васильевичем Ступиным, что в репертуаре хора была и песня, исполнявшаяся тургеневским певцом Яковом Турком «Не одна во поле дороженька пролегала».

Но настоящий простор для расцвета народных талантов в Сергиевском, как и во всей нашей стране, открылся после Великой Октябрьской социалистической революции.

Писатель не раз слышал, как крестьянскими певцами исполнялось множество песен в разных вариантах. В них воспевалась народная мечта, радость и горе, вера в светлое будущее. Некоторые песни хватали прямо за сердце, столько в них было грусти и безысходной тоски. Но нередко исполнялись и такие песни, которые заставляли почувствовать могучую скрытую силу, таившуюся в народе.

Даже тяжкое, унизительное рабство, в котором находились русские люди, не могло погасить родники народного творчества.

Тургенев, как настоящий художник и летописец своего времени, не мог этого не видеть.

Характерная деталь. В первоначальном тексте «Певцов» Яков пел не «Дороженьку», а другую песню:

При долинушке стояла, ' Калинушку ломала. «Дороженька» появилась лишь в первом отдельном издании «Записок охотника». Как произошла эта замена, чем она вызвана? А между тем это еще одно подтверждение, свидетельствующее о широких познаниях писателем народного творчества.

В нашем крае во времена Тургенева много было записано песен собирателями народного фольклора П. И. Якушкиным и уроженцем Белевского уезда П. В. Киреевским. С творчеством обоих писателей Тургенев был хорошо знаком.

В своих мемуарах собиратель украинских песен и сказок Л. М. Жемчужников рассказывает, что он был участником одного из состязаний певцов, устроенного на квартире у Тургенева.

«Как Тургеневу, так и Анненкову пение русских песен пришлось более по душе»9, — писал автор воспоминаний. Один из участников вечера, К. А. Горбунов, исполнял песни «Ох, да не одна-то во поле дороженька пролегала» и «Ох ты, степь моя, степь Моздокская».

В газете «Тульские губернские ведомости», в 24-м номере за 1852 год опубликована статья, которая называлась: «Загадки, собранные в Черни и Чернском уезде и 17 песен». Эти песни записаны почти одновременно с выходом в свет тургеневских «Певцов». Тут протяжные и плясовые, грустные и веселые, хороводные и патриотические. Думается, что если не все, то многие из них писатель мог слышать, как их пели крестьянские девушки нашего края. Песни эти близки по содержанию и направленности тем, которые Тургенев услышал в Лритынном кабачке.

Тургенев положил начало художественному изображению исполнения народных песен. Вслед за ним подобные изображения появились в произведениях писателей А. И. Левитова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. Г. Короленко, А. М. Горького и других.

Местные краеведы детально обследовали то место, где находилось описанное Тургеневым сельцо Колотовка. Ими обнаружено много предметов, подтверждающих, что здесь было крестьянское жилье вместе с подсобными пристройками для скота и с плетневыми сараями для кормов.

«У самой головы оврага, — говорится в рассказе «Певцы», — в нескольких шагах от той точки, где он начинается узкой трещиной, стоит небольшая четверо-угольная избушка, стоит одна, отдельно от других. Она крыта соломой, с трубой; одно

окно, словно зоркий глаз, обращено к оврагу и в зимние вечера, освещенное изнутри, далеко виднеется в тусклом тумане мороза и не одному проезжему мужичку мерцает путеводной звездою. Над дверью избушки прибита голубая дощечка: эта избушка — кабак, прозванный «Притынным»10.

В рассказе Тургенев упоминает, что деревня состоит «за каким-то петербургским немцем». Фамилия этого немца была Пейч. Его дочь О. А. Пейч вышла замуж за чернского помещика П. Н. Карпова. Колотовка была отдана ей в приданое.

Как видно из дневниковых записей Л. Н. Толстого за 1856 год, он был знаком с Карповым. Эта фамилия упоминается Толстым несколько раз. Так, 9 июля 1856 года в Покровском (усадьбе сестры писателя М. Н. Толстой, которая находилась в Чернском уезде — в пяти верстах от Колотовки) Толстой записал: «Были Карпов, Шеншин и Беер».

В Покровское, к Марии Николаевне Толстой в это время часто наведывался и Тургенев. С Толстой он познакомился еще в 1854 году, а через нее с ее братом Львом Николаевичем. Надо полагать, что Тургенев был знаком и с новым владельцем Колотовки.

Вторично фамилия Карпова упоминается в дневнике Толстого от 13 октября 1856 года, в записи, сделанной в Покровском11.

Тургенев подметил страшную разоренность жителей Колотовки (по официальным источникам, она называлась Чаплыгино, Никольское тож).

О жизни крепостных этого сельца можно иметь некоторое представление, познакомившись с донесением самого владельца деревни.

30 августа 1858 года П. Н. Карпов сообщал о своем имении Чаплыгино (она же Колотовка) следующие данные.

В сельце проживали 63 мужчины и 58 женщин. За крестьянами числилось всего 114 десятин земли. За помещиком в два раза больше. Крепостные обязаны были выполнять повинности: казенные — платить подати, чинить мосты и дороги, отбывать подводную повинность; господские — «Четыре дня в неделю для обработки господских полей». Заметим, что во всей округе помещики заставляли работать крепостных на себя три дня в неделю, а в Колотовке — четыре.

На вопрос о грамотности владелец деревни ответил: «Грамотных нет».

Основное занятие крестьян — земледелие, в свободное время — извоз. Владелец признавал, что он получил «средний валовой доход с десятины пахотной земли 5 руб. 50 коп., до 7 рублей при крепостной обработке». Господский хлеб возили для продажи в

Белев и Мценск.

Из этих, хотя и скудных, данных о положении крестьян, значительно автором записей завуалированных, все же проглядывала страшная эксплуатация и бесправие жителей Колотовки.

Под этими сведениями стояла подпись: «Чернский помещик неслужащий дворянин Петр Николаевич Карпов». Этот документ находится в Государственном архиве Тульской области в фонде Тульского губернского правления. Дело называется «Подробные сведения о состоянии имений разных владельцев Тульской губернии». Сведения потребовались губернским властям накануне царской реформы 1861 г. Данные были собраны в спешном порядке в течение 1858 года12.

«Всем окрестным жителям хорошо известна дорога в Колотовку: они ездят туда охотно и часто», — говорится в рассказе Тургенева. Дело в том, что вблизи Колотовки в те времена проходил большак из Черни в Белев. Он пролегал через село Белино и деревню Ери-но, возле которых остатки большака сохранились и поныне, как и населенные пункты с таким названием. Они находятся в пяти-шести километрах от Колотовки. Недалеко от Колотовки был маленький поселок, носивший название Еськово. Он не сохранился. А вот деревня Беськово, что находилась в нескольких верстах от Притынного кабачка, хорошо в округе известна. Она перестала существовать только в наши дни. Мы останавливаем внимание читателя на этих названиях потому, что Тургенев о них упоминает в своих письмах и некоторых произведениях. А ведь это окрестности Колотовки.

Критикуя некоторых литераторов, Тургенев в письме к издателю «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу от 5 января 1879 года писал, что в наших местах «живет старинная поговорка: «бойся Еськова, Беськова, Ерина, Белина» (в этих 4 деревнях происходили когда-то грабежи)», — поясняет писатель. В конце письма он вновь напомнил: «Оканчиваю повторением: «бойтесь (литературных) Еськова, Беськова, Ерина, Белина!»13

А еще раньше писатель говорил об этих деревнях в повести «Степной король Лир». Один из героев этого произведения Слеткин, сокрушаясь по поводу того, что у него целый полуосьминник овса «какой-то злодей выкосил», восклицал: «Вот уж точно правду говорят, что не верь Еськову, Беськову, Ерину, Белину»14.

В исследовательской литературе можно встретить разные высказывания о том, кто явился прототипом Якова Турка.

В некоторых мемуарных свидетельствах есть прямое

отождествление Якова Турка с Яковом Пасынковым, потомки которого и сейчас живут в Спасском. Крепостной Варвары Петровны, имя которого не было указано, в своих воспоминаниях, опубликованных в 1885 году, говорил, что Яков Пасынков еще жив. Он работал в Москве у какой-то знаменитой купчихи в кучерах. Автор воспоминаний узнал от своего отца, что происходил Пасынков от пленной турчанки. Отсюда и получил прозвище Турка. Некоторое время еще при жизни Варвары Петровны Тургеневой Пасынков работал на бумажной фабрике в селе Тургенево.

Конечно, Тургенев не фотографировал своих типов с натуры. Но какие-то черты он мог взять у Якова Па-сынкова для своего героя. Писатель, например, отметил в рассказе, что «Яков, прозванный Турком, потому что действительно происходил от пленной турчанки, был по душе — художник, во всех смыслах этого слова, а по званию — черпальщик на бумажной фабрике у купца».

Известно, что бумажная фабрика, основанная отцом писателя в селе Тургеневе, упоминается Иваном Сергеевичем в ряде его произведений. Не случайно писатель говорит: «на бумажной фабрике у купца». И тургеневская фабрика, и мельница зачастую сдавались в аренду купцам.

Что же касается Турка, то Тургенев изобразил era не только в «Певцах». Он упоминает его и в другом произведении — в «Собственной господской конторе». В этом отрывке из неизданного романа главная героиня произведения помещица Глафира Ивановна — представительница старого барства — владелица села Введенского (второе название села Тургенево) приказывала своему секретарю Левону: «Турка никогда и никуда не отпускать от скота; но только чтобы он никогда не был начальником над оным, а просто назвать его: Турок и пастух»15. Как видим, здесь Турок выступает в новой должности. В «Певцах» он черпальщик на бумажной фабрике, а теперь — скотник. Такова воля господская, такова судьба крепостного человека.

«Певцы» значительно больше, чем другие рассказы «Записок охотника», подвергались инсценировкам. Тургенев публично читал своих «Певцов» зимой 1880 года в Петербурге на литературном вечере в пользу Высших женских курсов.

Участница этого вечера, знакомая Тургенева, С. И. Лаврентьева вспоминала потом: «Его, Тургенева, оставили на закуску, чем он очень стеснялся. Тут до него читали и другие корифеи, пострадали мы душой и над отрывком сочинения «мучительного» таланта Достоевского, на долю которого выпало не мало шумных оваций, и вот после него на эстраде появился

этот русский богатырь огромного роста, широкоплечий, с румяным лицом чисто русского склада, обрамленного снежно-белыми волосами, одна прядь которых упрямо падала на его умный, высокий лоб. Ничто не могло сравниться с тем громом долго не смолкавших аплодисментов и восторженных криков, что выпали на его долю, сконфузив его до слез! Но вот все стихло, и он начал свое чтение… Оно лилось так мягко, понемногу разливаясь той волной, той ширью наших степей, тем мягким дыханием белогрудой чайки, озаренной алым закатом, над засыпающим морем, — чем дышала песня Якова в его «Певцах». — ¦ Так же, как там все минутно стихло, когда он кончил и — так же, как там, — когда он после слов «он увидел, что победа за ним», мягко взглянул на всю наполнявшую зал толпу. — Он увидел, что победа за ним!..»16

Об этом вечере рассказывал в своих воспоминаниях и писатель П. Д. Боборыкин: «В Петербурге самыми страстными восторгами заявила себя женская публика, на одном из публичных вечеров вся почти состоявшая из слушательниц высших курсов. Сам Тургенев рассказывал нам про этот вечер с особым одушевлением»17.

Вслед за написанием «Певцов» (август — первая половина сентября), здесь же, в селе Тургеневе, Иван Сергеевич принялся за второй свой рассказ — «Свидание».. Черновая рукопись его к отъезду писателя из деревни (конец сентября 1850 года) была закончена.

Окончательное написание рассказа определяется временем, указанным в письме Тургенева к артистке Н. В. Самойловой. Черновик письма сохранился на обороте вставки в автограф «Свидания». Это относится к октябрю 1850 года.

«Я сидел в березовой роще…», — начинает свой рассказ Иван Сергеевич. Такая роща подходила к самой тургеневской усадьбе, с ее северо-западной стороны и до ручья Азарки. Лес неоднократно спиливался и вновь вырастал. Сейчас на этом месте разместились животноводческие постройки колхоза и поселок Нового Тургенева. А березовая роща, несколько отступившая от села, вновь выросла. Всем местным жителям она известна под названием Стрелица.

Сентябрь — первый месяц осени. Тургенев показал эту пору нашего края в «Свидании» так поэтически, как никто до него и после не показывал.

В письме к Полине Виардо от 9 сентября 1850 года Иван Сергеевич описывает начало тургеневской осени: «Дождя нет, но небо серое и холодное…, а в промежутках между порывами ветра слышится кислое чириканье синиц на березах; появление синиц,

подобно отлету журавлей и диких гусей, предвещает холод.

Кстати о журавлях, мы каждый день видим их стаи, уходящие своим правильным и медленным полетом к югу… Я не знаю ничего торжественнее журавлиного крика, который, кажется, падает вам на голову с облаков. Этот крик раскатист, звучен, могуч и очень меланхоличен. Он словно говорит вам: «Прощайте, жалкие, маленькие пешки-люди, вы, которые не можете передвигаться с места на место; мы летим на юг, туда, где теперь будет хорошо и тепло. Вы же оставайтесь в снегах и в нищете!»18

В 1983 году почитатели таланта Тургенева не только в нашей стране, но и за рубежом отмечали 165-летие со дня рождения писателя и 100-летие со дня его смерти.

Жители Чернского района решили тогда юбилей любимого писателя отметить по-своему. Был объявлен месячник «Тургеневское лето», завершившийся праздником песни, на который собрались не только жители тургеневских мест, но и многочисленные гости из соседних районов, из Москвы, Тулы, Орла и других городов.

Началом праздника было открытие мемориальных досок на здании Тургеневской средней школы, где стоял дом Тургеневых, в котором много раз бывал писатель, и на бывшем здании бумажной фабрики, в одной из комнат которой в 1850 году все лето жил Иван Сергеевич. Здесь им был написан рассказ «Певцы».

Затем к бюсту писателя, установленному на центральной усадьбе колхоза имени Тургенева, были возложены цветы, после чего участники праздника направились в Колотовку.

Начинаются выступления фольклорных коллективов. Показывается инсценировка по рассказу «Певцы». В роли Якова Турка выступил местный самодеятельный артист. С большим подъемом он исполнил «Не одна во поле дороженька пролегала…», другие русские народные песни. Хоровое пение сменяется сольным исполнением русских народных и советских песен, выступлением чтецов, декламаторов.

Еще более интересно праздник песни «тургеневское лето» прошел 23 июня 1985 года. На этот раз в представлении принимали участие не только фольклорные ансамбли Чернского, но и многих других районов Тульской области.

В газете «Коммунар» от 29 июня 1985 года был опубликован очерк Ф. Гусева о празднике песни «Луга поют». «Ах, как встрепенулись, замерли и оживленно заговорили между собой зрители, — писал автор очерка, — когда увидели въезжающие на луг разукрашенные подводы с парнями и девушками! И среди них двуколку, в которой рядом с кучером сидел… И. С. Тургенев, роль которого исполнил главный режиссер областного театра кукол И.

М. Москалев.

Спрыгнули на землю парни и девчата, ступил Тургенев, и зазвучала в честь него величальная песня. А потом он читал свои стихи, отдавая дань уважения землякам. Словно продолжение их, поплыли в хороводе по лугу девушки с расписными русскими платками. И снова песня… Это поистине народное гулянье стало светлым праздником, который переполнил сердца людей гордостью за нашу прекрасную землю».

Праздник фольклорной песни стал традиционным. Он отмечается ежегодно на земле Тургенева в Черн-ском районе.

Земляки великого писателя, освобожденные Октябрем от оков рабства, поют о радости своего труда, о человеческом счастье.

ПРИМЕЧАНИЯ

I П. В. Анненков и его друзья. Спб, 1892. С. 559.; 2 Там же. С. 560.

3 Некрасов Н. А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Худож. лит., 1967. Т. VIII. С. 99.

4 Тургенев И. С. Письма. М; Л.: Изд. АН СССР, 1961. Т. I. С. 401.

5 Некрасов Н. А. Собрание сочинений. Т. VIII. С. 101.

6 Толстой С. Л. Тургенев в Ясной Поляне//Голос минувшего. 1919. № 1–4. С. 221–235.

7 Сергиевский И. Избранные работы. М.: Худ. лит., 1961. С. 156.

8 Тургенев И. С. Сочинения: В XV т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1963. Т. IV. С. 582–583.

9 Жемчужников Л. М. От кадетского корпуса к Академии художеств. 1828–1852. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1926. С. 101–102.

10 Тургенев И. С. Сочинения: В XV т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1963. Т. IV. С. 225.

II Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.: Худож. лит., 1937. Т. 47. С. 85–87.

12 ГАТО, ф. 51, оп. 26, д. 405, св. 33, л. 198–206.

13 Тургенев И. С. Письма. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1967. Т. XII. Кн. 2. С. 9.

14 Тургенев И. С. Сочинения: В XV т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1965. Т. X. С. 200.

15 Тургенев И. С. Указ. соч. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1963. Т. VI. С. 10–11.

16 Лаврентьева С. И. Пережитое (Из воспоминаний). Спб., 1914. С. 138–147.

17 Боборыкин П. Д. Воспоминания. Худож. лит., 1965. Т. II, С. 385.

18 Тургенев И. С. Письма. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1961. Т. I. С. 502–503.

ПОБЫВАЙТЕ НА БЕЖИНОМ ЛУГУ

В один из прекрасных июльских дней 1850 года Тургенев охотился «за тетеревами в Чернском уезде Тульской губернии». Тогда-то он и забрел на Бежин луг.

Но попал сюда писатель не сразу. Увлекшись охотой на дичь, он зашел слишком далеко и не заметил, как вечерняя заря стала погасать. Заблудившись и изрядно поплутав, писатель начал припоминать, куда же он попал: «Э! да это Парахинские кусты! — воскликнул я наконец, — точно! вон это, должно быть Синдеевская роща… Да как же это я сюда зашел?»

Парахинские кусты, Синдеевскую рощу, как и Бежин луг, писатель не выдумал. Но расскажем все по порядку.

Парахинские кусты находятся на юго-западной границе Чернского и Арсеньевского районов.

Местные старожилы рассказывают, что те обширные лесные массивы, которые существовали во времена Тургенева, носившие названия Парахинских кустов, были значительно выкорчеваны и превратились в пашню. Но большие куртины их все же остались. Теперь это уже не кусты, а настоящий смешанный лес, состоящий иа березы, дуба, ясеня, клена, осины, ольхи. Есть и кусты орешника, ивы, жимолости. Эти лесные массивы тянутся с северо-востока на юго-запад. Парахинские кусты получили свое название от села Парахино, раньше находившегося на территории Белевского уезда, а сейчас — Арсеньевского района.

Хотя за последние годы дичи резко поубавилось, Парахинские кусты и сейчас являются излюбленным местом любителей охоты. Здесь водятся и тетерева, и вальдшнепы, и бекасы, и дикие утки находят себе пристанища в зарослях лесного пруда.

Что же касается Синдеевской рощи, находившейся рядом с селом Синдеево, ее уже нет. Деревья были вырублены, а территория стала пашней. Сейчас эти места входят в состав Чернского совхоза «Снежедь».

Но последуем за автором знаменитого рассказа. «Я узнал, наконец, куда я зашел, — воскликнул тогда писатель. — Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина луга…»

Вид Бежина луга поражал каждого, кто сюда попадал, своей особой, неповторимой красотой русской природы. Он занимает пространство, огибающее его с трех сторон рекою Снежедь, километра в три, а то и более.

Это — огромная долина. С северо-западной стороны луг окаймляют высокие холмы, оканчивающиеся на большом

пространстве оголившимися, почти отвесными уступами известняка. При солнечном свете они кажутся белыми, словно обсыпанными мелом.

С восточной, южной и западной сторон луг омывает Снежедь. Омутистая, а на перекатах говорливая речушка берет свое начало километрах в тридцати от здешних мест. По пути она собирает ручейки и ручьи, все многочисленные прозрачные ключи, что пробиваются из каждого овражка, из каждой прибрежной каменной расселины. У Бежина луга Снежедь, собравшись с силами, становится шире и глубже. И течет она здесь плавнее и спокойнее. Ее прозрачные, немного синеватые воды кажутся неподвижными.

Правый берег реки — естественная граница луга — сплошь покрыт ивняком. Местные умельцы используют лозины для плетения корзин. Левый берег — крутой, холмистый. В давние времена здесь был лес, а теперь кое-где уцелели лишь отдельные деревья. Берег и его склоны на большом пространстве изрезаны тропинками, протоптанными колхозным стадом. Тут проходит путь на пастбище и водопой.

В месте, где река делает крутой изгиб и поворачивает на запад (отсюда берет начало Бежин луг), сохранились остатки действовавшей когда-то водяной мельницы, а ниже разрушенной плотины — омут, или бучило, как называют у нас такие места.

Теперь о самом слове Бежин.

Местный краевед В. П. Крылов установил, что жители, проживающие вблизи Бежина луга, пользовались многими словами с корнем «беж». Теперь эти выражения забыты. Осталось слово «Бежино», да и то помнят его пожилые люди. Ясно только одно, что в выражениях вроде «уходили бежью», «бежка», «бежком», «беж-ма», есть один и тот же корень, что все слова происходят от старинного русского существительного «беж» (бег) … Суффикс «ин», означающий принадлежность, добавленный впоследствии к корню «беж», и образовал новое слово — «бежино», что означало пристанище беглых1.

К сказанному хотелось бы добавить еще одну деталь. Во времена Тургенева в нескольких километрах от Бежина луга было сельцо, носившее название Бежина (ныне территория совхоза «Полтевский» Чернского района). По утверждению местных старожилов, название его ясно говорит о том, что его первыми жителями были беглые люди.

Вспомните, как в ночном на Бежином лугу ребята вели разговор о Тришке, лукавом человеке, который будет ходить по селам да по городам «соблазнять народ христианский…» Тришка — это не мифическое, а вполне реальное лицо. Об этом

свидетельствует хотя бы следующий отрывок из письма В. П. Тургеневой от 7 февраля 1839 года к Ивану Сергеевичу: «Тришка у нас проявился вроде Пугачева, — то есть он в Смоленске, а мы трусим в Волхове»2.

О Тришке-Сибиряке шли разговоры не только среди крестьянских детей, но и взрослого населения. Это был один из крестьянских предводителей-антикрепостников. В первом издании рассказа «Бежин луг» упоминание о Тришке цензурой вычеркнуто. В 1861 году в «Современнике» были опубликованы «Путевые письма» писателя-демократа П. И. Якушкина. В них подробно рассказывалось о Тришке-Сибиряке и других «благородных разбойниках».

Тургеневу хорошо было известно, как среди местных крестьян из поколения в поколение передавались рассказы о Кудеяре, Ваньке Козяеве и других. Помещенные в газете «Тульские губернские ведомости» (№ 2–6, 1850) народные предания об этом серьезно встревожили специальный цензурный комитет и даже самого царя.

Вот почему в книге известного тульского исследователя И. Сахарова «Памятники Тульской губернии», изданной в Петербурге в 1851 году, имя Кудеяра уже не упоминается, хотя автор рассказывает о тех же народных преданиях, о которых сообщалось в «Тульских губернских ведомостях».

Сахаров пишет о Чаплыгинском городище в Черн-ском уезде при речке Снежедок (в четырех километрах от Бежина луга. — В. Н.): «Это городище, виденное мною в 1832 году, поросшее березняком, было изрыто кладоискателями. Окрестные жители верят в какое-то предание, что в Чаплыгинском городище скрыты несметные богатства. По рассказам их, часто находили здесь старые деньги, военные доспехи… Близ сего городища, на западной стороне есть могильное поле… Близ этого поля есть Боянов овраг»3.

Много лет спустя о сокровищах Чаплыгинского городища в книге «Приходы и церкви Тульской епархии» говорилось, что «их закапывал тут разбойник Кудеяр, имевший свой притон в городище. Боянов овраг, правильнее Буянов, как он значится в плане владений помещицы Маляревской (наследовавшей с. Тургенево после смерти брата писателя Н. С. Тургенева), прилегавший к городищу, может быть, и получил свое название от буйств, производимых разбойничьего шайкою Кудеяра».

В другом месте этой же книги вновь упоминается о Кудеяре и его последователях: «В народной памяти и > доселе хранится имя разбойника Кудеяра, но уже во времена не столь отдаленные, о которых помнят старожилы из рассказов отцов своих, в д.

Круговой жил крестьянин по прозванию «Носок», с шайкой бродяг, наводивший ужас на всю окрестность, да и вообще вся эта деревня не пользовалась доброю репутацией»4.

Конечно, во всех случаях, когда в печати речь заходила о Кудеяре и ему подобных, их именовали разбойниками. Но в народной памяти они оставались «благородными разбойниками», которые разоряли богатых и наделяли бедных.

Герои рассказа Тургенева и сам автор говорят о действительно имевших место событиях, фактах, называют деревни, урочища, даже фамилии, не вымышленные, а существовавшие. Попробуем немного в этом разобраться.

Несколько раз в рассказе упоминается Слободка. Вот она, рядом с Бежиным лугом. На левом берегу Снежеди. Когда-то эта деревня принадлежала владельцу Спасского И. И. Лутовинову. Отсюда второе название деревни — Лутовиново. Думается, что в ночном Тургенев встретил мальчиков из этой деревни. Хотя могли туда водить лошадей ребята и из самого Тургенева.

После встречи писателя на Бежином лугу с крестьянскими детьми Слободка вместе с другими деревнями вскоре перешла к брату писателя Н. С. Тургеневу. Нам удалось в Государственном архиве Тульской области обнаружить некоторые данные об этом сельце. В нем насчитывалось 27 крестьянских дворов, в которых проживало 135 мужчин и 135 женщин. Крестьяне обязаны были «обрабатывать на владельца землю» и выполнять многочисленные казенные и барские повинности, отбывать рекрутчину, обслуживать барский двор. До 1858 года в деревне не было ни одного грамотного. Крестьяне занимались в основном земледелием, а в зимние месяцы некоторые извозом «более на изъян бесполезный»5.

Сейчас Стекольная Слободка, так же, как и соседняя деревня Бежин луг, возникшая уже в годы Советской власти и раскинувшаяся на противоположной стороне реки, где Снежедок впадает в Снежедь, входят в состав колхоза имени Тургенева.

Один из мальчиков рассказа Федя ведет такой диалог с другим, Павлом:

«— А скажи, пожалуй, Павлуша, что, у нас тоже в Шаламове было видать предвиденье-то небесное?

— Как солнца-то не стало видно? Как же.

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Барин-то наш, хоша и толковал нам напредки, что, дескать, будет вам предвиденье, а как затемнело, сам, говорят, так перетрусился, что на-поди. А на дворовой избе баба стряпуха, так та, как только затемнело, слышь, взяла да ухватом все горшки перебила в печи: «Кому теперь есть, говорит,

наступило светопрестановление». Так шти и потекли»6.

Шаламово находилось в нескольких километрах от Тургенева и совсем рядом со Спасским. Несколько лет назад эта деревня перестала существовать. Иван Сергеевич часто посещал Шаламово в молодости. Хорошо знал и владельца усадьбы.

Вот что об этом рассказывает в своих воспоминаниях воспитанница В. П. Тургеневой В. Колонтаева: «…Степан Данилович Шаламов, мало занимаясь своим поместьем, находил более выгодным сочинять разного рода проекты, намереваясь отправить их в Петербург, в надежде получить большие деньги. Очень часто являлся он в Спасское с толстой объемистой тетрадью в руках и, показывая ее Ивану Сергеевичу, просил посмотреть его новый проект и сказать ему свое мнение. Более всего он затруднялся в том, что не знал, в ведомство какого министерства ему следовало отправить свой проект. Уезжая из Спасского, он оставлял свой проект на столе, где он и лежал нетронутый до следующего приезда Степана Даниловича, и тогда Иван Сергеевич, вручая обратно проект автору, говорил, что он хорош и следует его принять во внимание, но что необходимо его переделать. Иван Сергеевич очень любил Степана Даниловича, находил его личностью чрезвычайно типичной, во время наших прогулок всегда первый предлагал нам заехать к нему. Прогулки эти мы совершали или пешком, или на лошадях в следующем порядке: Николай Сергеевич — верхом, Иван Сергеевич — на беговых дрожках, а мы, барышни, в старомодной линейке, которую Иван Сергеевич называл «Колымага с дышлом»7.

Владелец сельца Шаламово, как «личность чрезвычайно типичная», несомненно, отмечен писателем и в других произведениях при изображении мелкопоместных дворян. Особенно это прослеживается в таких рассказах, как «Чертопханов и Недопюскин» и «Конец Чертопханова».

Сам С. Д. Шаламов в донесении на имя уездного предводителя дворянства 27 августа 1858 года писал, что в имении его насчитывалось всего 24 крепостных. Из них 12 работников. Грамотных нет. Земли имелось 124 десятины.:

А вот еще одна деталь, характеризовавшая соседа Тургенева, которая, несомненно, писателю была известна.

В делах губернского предводителя дворянства есть список дворян Чернского уезда, находившихся под судом и следствием с 1849 по 1852 год. В нем мы находим и губернского секретаря С. Д. Шаламова. «Оный господин Шаламов за разные противузаконные и за нанесенную им обиду дворянскому заседателю сего суда (Чернского уезда. — В. Н.) титулярному советнику Алексею Петровичу Шаламову, которое дело судом сим

14-го июля сего года решено, коим определено: подвергнуть Степана Шаламова заключению в смирительный дом на полгода, а у обиженного Алексея Шаламова испросить христианское прощение». Дело находилось на ревизии в Тульской уголовной палате и возвращено в Чернь обратно для пересмотра. Чем оно кончилось — неизвестно8.

В беседе между собой тургеневские мальчики упом-минают село Шашкино. Село это находится от Бежина луга километрах в пятнадцати, на левом берегу Зуши. Сейчас в этих местах раскинулись земли одного из колхозов Мценского района Орловской области.

Владельцы Шашкинской усадьбы Бееры были хорошо знакомы с Михаилом Бакуниным. Сюда, в этот удивительно красивый уголок Средней России, к Беерам часто наведывался кто-нибудь из сестер или братьев Бакуниных. Летом 1842 года Тургенев в Шашкино встречался с Татьяной Бакуниной, с которой у писателя были сложные отношения. Поездка Тургенева в Шашкино, его встречи с Бакуниной нашли определенное отражение в ряде произведений писателя.

Один из мальчиков — Илюша — рассказывает о работе крестьянских ребят на бумажной фабрике. Остатки кирпичного здания, в котором размещалась фабрика, сохранились и до сего времени. Сейчас на этом месте размещается школьная столовая.

Не случайно крестьянские дети из «Бежина луга» ведут разговор и о «старом барине».

В Госархиве Тульской области хранится «прошение покойного гвардии капитана поручика Петра Ивановича Лутовинова дочери девицы Варвары».

В этом прошении Варвара Петровна Лутовинова отстаивает свои права на земли, расположенные по Сне-жеди. В прошении есть ссылки на купчую, составленную 30 апреля 1737 года между помещицей П. Е. Лу-киной и лейб-гвардии Преображенского полка сержантом Иваном Андреевичем Лутовиновым на покупку последним земель. Согласно этой купчей И. А. Лутовино-ву вместе с землями была «дана река Снежедь от устья Большого Снежеда, до устья малого Снежедка»9.

Таким образом, Бежин луг и места окрест его принадлежали Лутовиновым более чем за сто десять лет до написания рассказа.

«Сухоруков», «Назаров», «Федосеев», — фамилии, которые встречаются в рассказе. Такие фамилии есть и поныне в самом селе Тургеневе и окрестных деревнях. Не выдумал писатель и Красных Холмов. Этот небольшой поселок находится в километре от села Тургенево на правом возвышенном берегу Снежеди.

Бежин луг, многие ли о нем знали, пока не был опубликован

рассказ Тургенева с одноименным названием? Кроме местных жителей — единицы. Знаменитым луг стал после опубликования «Записок охотника». О нем узнали во всех уголках нашей земли.

Путешествовавший вокруг света Гончаров в письме Языковым от 15 декабря 1853 года писал: «Иногда мне бывает просто лень писать, тогда я беру — как вы думаете что? — книжку Ивана Сергеевича: она так разогревает меня, что лень и всякая другая подобная дрянь улетучивается во мне и рождается охота писать. Но тут другая беда: я зачитаюсь книги, и вечер мелькнет незаметно. И вчера, именно вчера, случилось это: как заходили передо мной эти русские люди, запестрели березовые рощи, нивы, поля и — что всего приятнее — среди этого стоял сам Иван Сергеевич, как будто рассказывающий это своим детским голоском, и прощай Шанхай, камфарные и бамбуковые деревья и кусты, море, где я — все забыл. Орел, Курск, Жиздра, Бежин луг — так и ходят около».

Рассказ «Бежин луг» задуман писателем во время его пребывания в Тургеневе летом 1850 года.

Наблюдая жизнь крестьянских детей, Иван Сергеевич намеревался написать об этом рассказ вслед за «Певцами» и «Свиданием» здесь же, в Тургеневе. Не случайно в черновом автографе «Певцов» после подписи Тургенева им написано: «Описать, как мальчики гоняют лошадей в пустыри на ночь. Огни»10.

А на полях против этого места — знакомое название: «Бежин луг». Но скорый отъезд из Тургенева не дал писателю возможности сразу осуществить свой замысел. Рассказ писался в Петербурге в начале 1851 года и впервые опубликован в февральской книжке «Современника» за этот же год.

С этого времени с неимоверной быстротой стала разрастаться известность Бежина луга.

Очень высоко ценил тургеневские рассказы «Певцы» и «Бежин луг» один из видных представителей революционного движения П. Л. Лавров: «Для живых портретов стоит открыть «Записки охотника» и можно привести множество примеров из «Певцов», «Бежина луга» и т. д., — писал он в 1860 году. — Кто не помнит, например, четырех мальчиков на Бежином лугу?»11

Один из первых русских художников, создавший серию картин на сюжет тургеневского рассказа «Бежин луг», был В. Е. Маковский.

Во втором номере журнала «Нива» (1874 год) была воспроизведена одна из картин. Она называлась «Крестьянские дети в ночном» («Бежин луг»). Ниже шло пояснение: «Это высокохудожественная иллюстрация к одному из наиболее

поэтичных произведений И. С. Тургенева… От всей картины так и дышит прелестью летней ночи»12. В этом же журнале (№ 4, 1875) была помещена и вторая картина художника.

«В начале прошлого года мы поместили снимок с картины даровитого московского художника В. Е. Маковского «Бежин луг», исполненный для нас самим автором, теперь спешим приложить новое его произведение на ту же тему, — сообщалось в пояснительном тексте. — Первая картина представляла крестьянских детей, расположившихся на ночлег среди пасущегося табуна в ночном. Прилагаемая в настоящем номере, изображает их на возвратном пути домой. На сереньком фоне рассвета мчится веселая ватага, наперегонки понукая лошадей. Впереди всех — Павел, герой этой повести-поэмы о маленьких людях… Посмотрите, каким неподдельным оживлением дышат эти детские лица! Как старательно обгоняют друг друга мальчуганы-наездники, колотя босыми ногами своих шаршавых буцефалов!.. Дома, в теплой избе ждет их награда за все неудобства «ночного» с его голодухой и холодным утренником, — награда в виде чашки молока с накрошенным хлебом…»13

Одна из картин В. Е. Маковского из этой серии вскоре была увезена в Англию. А случилось это так. Летом 1869 года в Баден-Бадене с Тургеневым познакомился видный английский государственный деятель Чарлз Дилк. Получив от Тургенева рекомендательные письма, Дилк вскоре отправился в Россию, намереваясь написать об этой стране книгу. Из России Дилк вернулся осенью 1869 года и привез с собой картину В. Е. Маковского на сюжет рассказа Тургенева «Бежин луг». Картина была вывешена на видном месте в лондонском доме Дилка.

Бежин луг продолжает приковывать к себе внимание писателей, художников, работников кино и в наши дни. Константин Паустовский Бежин луг относил к числу великих мест Родины: «Такие места наполняют нас душевной легкостью и благоговением перед красотой своей земли, перед русской красотой».

Земляк Тургенева поэт Иван Александров посвятил этому уголку земли русской такие строки:

Гляделись звезды робко в Снежедь, Дремали кони на лугу. Всю ночь, распугивая леших, Горел костер на берегу. Струился дым белесой лентой И уплывал по сторонам. Ребячьи сказки и легенды Мешались с дымом пополам. А у костра, поджав колени, Не опуская добрых глаз, Сидел задумчивый Тургенев И слушал будущий рассказ.

Не обошли вниманием Бежин луг и деятели кино. В 1935 году только что вернувшийся из Америки выдающийся советский

режиссер Сергей Эйзенштейн прибыл в село Тургенево и приступил к работе над картиной «Бежин луг». К сожалению, единственная копия фильма пропала во время войны.

В наши дни Центральное телевидение демонстрировало новый документальный фильм, посвященный великому русскому писателю И. С. Тургеневу. Фильм назван «Земля Тургенева». Съемки для него велись и на территории Тульской области. Прошли в кинокартине и кадры, показывающие Бежин луг и его окрестности, а пояснял их чернский краевед В. П. Крылов.

Во время минувшей войны фашистские оккупанты причинили огромный вред и тем местам, где жил и творил великий писатель.

Восстанавливая разрушенное, местные жители проявили заботу и о Бежином луге.

В одно время, правда, над этим литературным памятником нависла опасность. Некоторые малоразборчивые хозяйственники открыли у самой его границы гравийно-песочный карьер. Настойчивое вмешательство общественности предотвратило беду.

Чернским райисполкомом было принято решение, запрещающее всякие разработки возле Бежина луга. А некоторое время спустя Тульский облисполком принял документ «О мерах по восстановлению и благоустройству мест, связанных с жизнью и деятельностью И. С. Тургенева».

Отрадно, что намеченное, хотя и медленно, претворяется в жизнь. Как только наступает весна, школьники под руководством местного лесничества занимаются посадками деревьев вокруг Бежина луга. Правление колхоза имени Тургенева провело некоторые работы: подсев многолетних трав, уборку кустарников, выравнивание площади луга. Но это только незначительная часть намеченных мероприятий.

Каждое лето в одиночку и группами с рюкзаками за плечами в тургеневские места приходят туристы. Они обязательно посещают и Бежин луг, который стал заповедным местом, замечательным литературным памятником.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Крылов В. П. Бежин луг в прошлом//Заря (орган Чернского райкома КПСС и райисполкома Тульской области), 1969. 24 июля.

2 Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), (далее ГПБ), ф. 795, И. С. Тургенев, л. 85.

3 Сахаров И. Памятники Тульской губернии. Спб., 1851. С 22–23.

4 Малицкий П. Приходы и церкви Тульской епархии. Извлечение из церковноприходских летописей. Тула, 1895. С. 746–747, 761–763.

5 ГАТО, ф. 51, оп. 26, д. 405, св. 33, л. 542–547.

6 Тургенев И. С. Сочинения: В XV т., М.; Л.: Изд. АН СССР, 1963. Т" IV. С. 106.

7 Колонтаева В. Воспоминания о селе Спасском // История вестник. 1885. № 10. С. 41–65.

8 ГАТО, ф. 39, оп. 1, д. 955, св. 86, л. 35—36

9 ГАТО, ф. 24, оп. 1, д. 73, св. 13, л. 13.

10 Тургенев И. С. Указ. соч. Т. IV. С. 552–553.

11 Лит. наследство. Т. 73. Кн. 2, М, 1964 С 10

12 Нива. 1874. № 2. С. 22–23.

13 Нива. 1875. № 4. С. 52–53.

ВСЕМОГУЩИЙ ЖИКИН»

Так намеревался Тургенев назвать свой новый рассказ. Умевший пристально всматриваться и обобщать явления общественной жизни, писатель не мог не заметить изменений, происходивших в деревне после отмены крепостного права.

Журналист А. В. Половцев, встречавшийся летом 1876 года с Тургеневым в Спасском, рассказывал позднее о своей беседе с писателем. Тургенев обратил внимание на одно явление, стоящее литературной разработки, — на ростовщичество и кулачество, развившиеся в последнее время до колоссальных размеров. Ростовщиками становились и помещики, и купцы, и сами крестьяне-кулаки. При страшной непосильной тягости налогов, падавших на крестьянина, ему приходилось волей-неволей обращаться к ростовщику, который выжимал из него последние соки.

Анализируя факты, писатель приходил к выводу: «Крепостное право мы уничтожили, т. е. личную зависимость одного от другого, право Петра делать, что ему вздумается над Иваном, но крепостное право в других видах осталось еще в полной силе, крестьянин-должник находится в полнейшей зависимости от кулака, он делается его вещью»1.

Происходившие новые явления в деревне для писателя были во многом неясны. Пока он не понимал еще глубины данных процессов. Но он не хотел оставаться безучастным к этим явлениям.

«Если б я был помоложе и жил в деревне постоянно, — говорил Тургенев, — то непременно взялся бы за разработку в беллетрической форме этого важнейшего в настоящее время в России вопроса, вопроса экономического».

Вскоре Тургенев сам стал свидетелем одной характерной деревенской истории, еще больше подтвердившей его наблюдения.

В пяти верстах от Спасского, на левом возвышенном берегу реки Снежедь, в живописном месте располагалась небольшая деревня Кальна Чернского уезда Тульской губернии.

Крестьяне этой деревни раньше были крепостными Ивана Ивановича Лутовинова. «Имение Чернского уезда в деревне Кальна с принадлежавшими к ней в сельце Лобанове пустоши Польшаковой и деревнях Борзен-ках и Русиновой землями» И. И. Лутовинов купил в 1810 году у П. Н. Толстой (до замужества княгиня Горчакова, бабка Л. Н. Толстого по отцовской линии).

После скоропостижной смерти И. И. Лутовинова Кальна и

другие многочисленные владения стали наследством Варвары Петровны Лутовиновой — матери писателя, а с ее кончиной Кальна перешла к Ивану Сергеевичу.

Мать писателя нередко бывала в этой деревне. В письме от 11 июля 1842 года она писала Ивану Сергеевичу: «Мы ездили в Кальну убирать сено. Такой вдруг дождь полил, как из ведра — с градом. Мы совсем с экипажем въехали в ригу и там пили чай, который нам показался превкусным».

В Государственном архиве Тульской области сохранились подробные «сведения» об имении коллежского секретаря Ивана Сергеевича Тургенева — деревне Кальна, относящиеся к ноябрю 1858 года. Эти сведения были даны чернским уездным властям по доверенности писателя его дядей Н. Н. Тургеневым, являвшимся в то время управляющим имениями И. С. Тургенева.

В Кальне насчитывалось 22 крестьянских двора. В них проживало 183 человека мужского и женского пола. Всех земель числилось 587 десятин. Основное занятие жителей деревни — земледелие, а в зимнее время дополнительно извоз «с разными купеческими товарами, которые едва доставляют в дороге пропитание крестьянину и его лошаденке». Грамотных в деревне не значилось2.

Потом, после реформы 1861 года, писатель оказывал всяческую помощь своим бывшим крепостным.

Когда Тургенев приезжал из-за границы в Спасское, каленские мужики появлялись целой толпой поздравлять его. По старому обычаю они привозили пару уток и несколько возов песку, которым посыпали дорожки спасского парка.

В один из таких приездов писателя крестьяне пожаловались на грабительские повадки мельника Жикина.

В Государственном архиве Тульской области хранится дело, из которого видно, что в 1869 году была совершена «купчая крепость на проданную коллежским секретарем Иваном Сергеевичем Тургеневым государственному крестьянину Чернского уезда, села Бортнова Михаилу Петрову Жикину, незаселенную землю, состоящую Тульской губернии Чернского уезда при деревни Калька, и пустоши Жерловой, всего 55 десятин 132 сажени, с водяною мукомольного мельницею при деревни Кальна по обеим сторонам реки Снежеди…» За Тургенева документы о продаже земли и мельницы заверил управляющий Спасского Кишинский и «Михаил Петров Жикин руку приложил». Эти слова написаны новым владельцем мельницы каракулями, что свидетельствовало о неграмотности новоявленного купца.

Как видно, Жикин был государственным крестьянином, скопил всеми правдами и неправдами кругленькую сумму денег,

а затем купил на них землю и мельницу. Став владельцем мельницы, этот мироед всячески начал эксплуатировать крестьян, взимать с них разные поборы, загонять их скот и брать штрафы, запретил ездить по плотине, захватил даже землю, принадлежавшую деревне.

«Захватил, так жалуйтесь суду», — посоветовал писатель мужикам.

«Да жаловаться-то нельзя: уж жаловались, да ничего не выходит, потому что по плану-то по его выходит, а на самом деле по-нашему должно быть», — отвечали мужики.

Писатель велел принести план, поехал с ним на место и увидел, что границы в натуре совпадают с планом. Очевидно, крестьяне неправы. Так и сказал им. А они все свое твердят.

«Однако, представьте, что вышло: в позапрошлом году разбирали у меня в кладовых и на чердаках всякий хлам и старые бумаги, — рассказывал Иван Сергеевич, — и нашли старый план имения, где обозначены соседние границы и земля, отведенная потом крестьянам. Стал я сличать этот план с новым и убедился, что они не сходятся. Велел запречь дрожки и поехал на место: оказалось, что межа, действительно перенесена, и что крестьяне правы. Просто руками развел и окончательно стал в тупик, как это могло случиться. Ах, какая тут досада взяла меня»3.

Между тем, увидев, что в деревню приехал вторично Иван Сергеевич с планом и что-то смотрит, пришли и мужики. Всей деревней. Пришел и мельник. Узнав, что правда на их стор*Ьне, крестьяне стали наседать на Жикина. Сначала он отругивался. Но потом видит, что негодование растет, что толпа все больше его окружает, что дело его плохо — примолк.

«Был один момент, ¦— вспоминал писатель, — когда мне показалось, что вот еще одно какое-нибудь слово, одна какая-нибудь капля и все набросятся на него и растерзают в клочки».

Чтобы отвести от мужиков беду, писатель стал искать выход из создавшегося положения. Вдруг его осенила мысль, которая дала делу совершенно другой оборот. Он вышел вперед и напустился на Жикина, грозил ему, что в острог засадит, в каторгу сошлет, в кандалы закует.

А Жикин тем временем все пятился да пятился назад, дошел до дома, юркнул в него и запер дверь.

О столкновении каленских мужиков с мельником-мироедом и о том, что Тургенев вступился за крестьян, вскоре стало известно во всей округе. По этому поводу в письме к брату писателя Н. С. Тургеневу от 15 августа 1876 года его управляющий П. К. Маляревский из села Тургенева сообщал: «Вы знаете, что в Кальне все оставшееся за наделом Кишинский (управляющий

Спасского. — В. Н.) продал некоему Жикину, вот этот-то Жикин пририсовал на своем плане часть крестьянского надела, провел плетень и где его еще не устроил, загоняет скот и берет с крестьян штрафы, на плотине мельницы поставил шлагбаум и берет за проезд. Крестьяне жаловались И. С. (Тургеневу). Он был на месте с землемером и вернулся до того взбешенным, что Кривой Захар (слуга Тургенева. — В. Н.) рассказал, что он сроду не видел И. С. таким»4.

Дав обещание крестьянам наказать Жикина, Тургенев действительно решил не оставлять этого дела. Вначале он попытался припугнуть и усовестить самого притеснителя.

Внук известного актера Михаила Семеновича Щепкина, брат управляющего Спасским, М. А. Щепкин был свидетелем разговора писателя с кулаком Жикиным. Об этом он рассказывал потом в своих воспоминаниях.

По приказу Тургенева Жикин явился в Спасское.

«— Мельник приехал», — доложил слуга писателя Захар.

«— Пусть подождет», — последовал ответ.

Когда кончили обед, Тургенев велел позвать Жикина.

Тот вошел степенно и, поклонившись, поглаживая свою жиденькую бородку, подобострастно обратился к Ивану Сергеевичу:

«— Зачем изволили посылать?»

Едва только мельник произнес эту фразу, как Тургенев обрушился на него потоком таких грозных слов, что Жикин задрожал, как осиновый лист. Речь писателя лилась плавно. И чего только в ней не было — и сенатом-то он грозил мельнику и грозил, что доведет до сведения царя об его притеснениях. От таких слов Жикин стал бледен. И едва только кончил Тургенев, как мельник повалился к нему в ноги и стал умолять: «Не погубите!» Тут же он дал слово писателю, что притеснять крестьян больше не будет5.

Но увещевания Тургенева на Жикина мало подействовали. Он уже не мог изменить своей кулацкой натуре

«Понимаете, кланяется, а в то же время свое дело делает, — говорил Иван Сергеевич, — зацепил зубами, и не может разжать пасть-то».

И тогда Тургенев решил дать этому делу судебный ход. За помощью писатель обратился к тульскому губернатору.

Это было в конце 1876 года. Направляясь из Спасского в Москву, по пути Тургенев заехал в Тулу.

«В Туле я видел г-на Григорьева — отдал ему планы (Жикин), а из Москвы написал ему письмо со вложением подробного изложения дела для губернатора — будет что будет! А вы меня

все-таки известите, какой вышел результат», — так сообщал Тургенев управляющему села Спасского Н. А. Щепкину в письме от 1 августа 1876 года6.

Намерения Тургенева подтверждает и другой сохранившийся документ. Это письмо писателя одному из чиновников тульского губернатора В. Я- Григорьеву, который выполнял поручения Тургенева по делу его с Жикиным. Письмо датировано 30 июля 1876 года. Вот его содержание:

«Любезный Василий Яковлевич.

Прочтите прилагаемое письмо, вложите его в куверт с именем губернатора и, попрося у него от моего имени аудиенцию, вручите ему оное, а также и переданные мною Вам два плана и еще бумагу, которую Жикин не подписал. Потом, когда Вы эти бумаги получите обратно, доставьте их Ник. Ал. Щепкину и в воздаяние за свою доброту и услужливость примите искреннее спасибо, во-первых, от мужиков деревни Кальна — а во-вторых, и от меня!»7

Ну а как же Жикин? Зная, что дело дошло до губернатора, может быть, он раскаялся и вернул захваченную землю крестьянам? Как бы не так!

Зная доброту Тургенева, Жикин неоднократно пытался воздействовать на эту сторону писателя и использовать ее в свою пользу. «На Чернской станции Жикин, совершенно пьяный, опять лез ко мне в вагон с просьбой: не погубить!» — писал Тургенев управляющему Спасского Н. А. Щепкину 1 августа 1876 года8.

Позднее писатель рассказывал об этом случае более подробно: «Представьте, в прошлом году еду я по железной дороге, вдруг он на одной из станций откуда-то взялся, влетает в вагон и валится в ноги: «Сделайте божескую милость, не погубите, век буду бога молить» и т. д. Вы, может быть, подумаете, что он отказывается от захваченной земли и просит только, чтобы наказания ему никакого не было? Нет, он просит только, чтобы я отказался от дела и оставил его, как оно есть»9.

Но начатое Тургеневым дело в защиту каленских крестьян где-то застряло в губернских канцеляриях и не двигалось. Проходил год, второй, третий. Чтобы продвинуть дело, писатель обращался за помощью к новым чиновникам, платил им изрядные гонорары, нес судебные издержки, пригласил даже защищать жалобу крестьян известного адвоката. Но, казалось, все напрасно.

«Посылаю Вам письмо к Покатилло (один из тульских чиновников. — ¦ В. Н.) и еще раз прошу позаняться этим делом», — пишет Тургенев Н. А. Щепкину 17 сентября 1878 года из Петербурга. «Пошло ли в ход дело Жикина и получили ли Вы вовремя мое письмо к г. Покатилло?» — напоминает писатель Н.

А. Щепкину в письме от 25 сентября 1878 года уже из Бужеваля. Через два с половиной месяца, в письме к Н. А. Щепкину от 9 декабря 1878 года, писатель вновь обращается: «Дело жикинское подвигается — или нет?».

Несмотря на страшный бюрократизм, продажность чиновничества и многочисленной «канцелярской мелюзги» во всех инстанциях, писатель все еще надеялся, что справедливость должна восторжествовать.

«…Авось и Жикина можно будет доехать… Хоть надежда эта все еще порядком неверна», — разуверял сам себя Тургенев в письме к Н. А. Щепкину от 26 декабря 1878 года.

Так прошел еще год. Видя, что судебное разбирательство с жалобой на кулака Жикина зашло в тупик, Тургенев поручает своему управляющему Н. А. Щепкину нанять юриста. Вести дело был приглашен известный в то время в Туле юрист Н. П. Черносвитов.

«Сейчас получил я Ваше письмо — и немедленно отвечаю, — писал Иван Сергеевич Н. А. Щепкину 29 мая 1879 года. — Вполне согласен со всем, что Вы пишите — и прилагаю один экземпляр, присланный г. Черносвитовым с подписанным моим согласием». Но и эти меры не помогли. Прошел еще год, а судебное разбирательство продолжало затягиваться. Жикин по-прежнему пользовался отнятой у каленских крестьян землей и не собирался ее возвращать подлинным хозяевам.

Эта фигура казалась писателю характерной для эпохи разуваевых и колупаевых. Особенно подробно об этом Тургенев рассказал на встрече в феврале 1880 года в Петербурге с молодыми писателями-народниками, организовавшими в 1879 году журнал «Русское богатство». Среди участников этой встречи были Г. И. Успенский, Н. В. Шелгунов, Н. С. Русанов, Н. Н. Златовратский и другие. Один из них, публицист С. Н. Кри-венко, вспоминал: «Скоро разговор перешел на разные внутренние вопросы: на народ, экономическое его положение, замельное устройство, возрастание кулачества и проч. «Вот явление, — сказал Тургенев относительно кулачества, — с которым просто необходимо считаться и не оставлять его без внимания. Скоро не будет, кажется, деревни без кулака. Плодятся они положительно, как грибы, и черт знает, что делают. Это какие-то разбойники. Я думаю написать рассказ об одном таком артисте, который так и назову — «Всемогущий Жикин»10.

Далее Кривенко приводит подробный рассказ Тургенева о грабительских повадках кулака, о судебном деле, которое писатель ведет против него и никак ничего не может добиться.

Тургенев доверительно сообщил присутствовавшим на

вечере, как он просил всех, кого только можно было, обратить на это внимание, говорил при случае даже тульскому губернатору, которого хорошо знал, все обещали, но не тут-то было: по крайней мере, в прошлом году ничего еще не было сделано и все оставалось по-старому.

— «Вот интересно, что в нынешнем году найду, — продолжал Иван Сергеевич. — Очень возможно, что и до сих пор ничего не сделано. Просто удивительно, какими путями такие господа устраивают и обделывают свои дела: чтобы межу перенести и один план заменить другим, надо похлопотать, да похлопотать, и втихомолку ведь этого тоже нельзя сделать, с5 этом, вероятно, если не все, то многие знали или слышали. Затем тот факт как вам нравится, что я, крупный местный землевладелец, человек со связями и знакомствами, ничего не могу сделать в данном случае, не могу добиться никакого толку. Уверен ведь, что и губернатор на моей стороне и желал бы также, чтобы дело решилось в пользу крестьян, но и он, оказывается, не все может сделать! — Такие дела обделываются через всю эту канцелярскую многочисленную уездную мелюзгу, а с нею в тесной связи, конечно, и губернская мелюзга, вот и идут отписки, да переписки, справки да заключения, а губернатор тем временем ждет-ждет, да и забудет. Во многих случаях только этого и было нужно».

В 1881 году к началу лета Тургенев приехал в Спасское. Много гостей в эти месяцы побывало у Ивана Сергеевича. Среди них Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович, поэт Н. В. Гербель, тульский вице-губернатор Л. Д. Урусов. В Спасском доме поселилась на все лето семья поэта Я- П. Полонского. Приезжал навестить писателя публицист Е. М. Гаршин.

Свои воспоминания о встречах с Тургеневым в Спасском в его последний сюда приезд Е. М. Гаршин опубликовал через два месяца после смерти писателя. В беседах с Гаршиным Тургенев касался многих вопросов, в том числе и крестьянского.

Однажды Тургенев направился в Кальну на рыбную ловлю. В этой поездке сопровождал его и Гаршин. Гостю понравилась живописно раскинувшаяся на высоком берегу извилистой реки деревня. Из беседы с писателем он заметил, что Иван Сергеевич был хорошо расположен к каленским крестьянам и очень доброжелательно к ним относился. И они платили ему тем же.

Писатель рассказал, что крестьяне Кальны ведут непрестанную борьбу с усевшимся на реке кулаком-мельником. Принимал участие в этой многолетней борьбе и он. Но пока безуспешно.

«Мне остается против него одно орудие, — говорил Иван Сергеевич, — написать рассказ под названием «Непобедимый

Жикин»11.

Дело каленских крестьян продолжало волновать Тургенева до конца своих дней. Он никак не хотел смириться с тем, чтобы верх остался за плутом-мельником. Во время встречи в Спасском с тульским вице-губернатором Л. Д. Урусовым летом 1881 года Тургенев очень жарко спорил по поводу бессилия губернских властей. Задетый за живое, Урусов дал слово Тургеневу довести жикинское дело до конца. Иван Сергеевич надеялся иметь положительные результаты к следующему приезду в Спасское. Но поездка не состоялась. Вскоре его приковала к постели тяжелая болезнь. Казалось, до крестьянских ли дел писателю, которого терзал беспощадный недуг? Ан нет. Каждый день он ждал вестей из родных мест.

Между тем кулак Жикин продолжал пользоваться крестьянской землей.

И вот совсем недавно в Центральном государственном архиве города Москвы было обнаружено дело, проливающее свет на этот судебный процесс и отношение к нему великого писателя.

Любопытно, что документы пролежали в архиве более ста лет и никем из тургеневедов пока не были исследованы.

На титульном листе этого дела написано: «Московская судебная палата. Гражданский департамент. Тульского окружного суда по иску общества деревни Каль-на к купчихе Ф. Н. Жикиной о земле. Начато 10 апреля 1882. Кончено 21 сентября 1884».

Поясним. Чтобы не возвращать земли обществу, Жикин шел на всякие плутовские уловки. В Туле он нанял поверенного по судебному с обществом делу, а на все имущество (мельницу, земли) оформил фиктивную купчую на жену. Вот почему обществу деревни пришлось предъявлять иск на землю к купчихе Ф. Н. Жикиной. На самом же деле главным действующим лицом оставался все тот же М. П. Жикин.

Первым документом дела, написанным на десяти листах, является «Апелляционная жалоба». Она составлена «поверенным общества крестьян Чернского уезда Троицко-Бачуринской волости деревни Кальны коллежским секретарем Николаем Петровичем Черносвитовым, живущим… постоянно в Туле, на Киевской улице, в своем доме».

В письмах к управляющему Спасского Н. А. Щепкину Тургенев несколько раз упоминает имя Черносви-това. По рекомендации писателя он был нанят вести жикинское дело.

Черносвитов составил довольно обстоятельную и хорошо аргументированную «Апелляционную жалобу», направленную в Московскую судебную палату. Чтобы ускорить судебное разбирательство, он поселился на временное жительство в

Арбатской части Москвы.

Как следует из документов, дело было направлено в Москву после разбирательства его в Туле. 27 ноября 1881 года Тульский окружной суд вынес решение, которым отказал «обществу крестьян деревни Кальна в иске о признании за ним права собственности на четыре десятины луговой земли, находящейся в завладении у купчихи Жикиной».

Поверенный общества крестьян Черносвитов доказывал документами и фактами о неправильном решении Тульского окружного суда и требовал его отменить.

Интересная деталь. Черносвитов, кроме необходимых документов по делу, предъявил суду телеграмму, присланную Тургеневым о том, что он «не отказывается от показания в качестве свидетеля по настоящему делу…» и что готов выступить в защиту крестьян. Хотя хорошо известно, что писатель, находившийся в это время во Франции, был тяжело болен.

После многодневных разбирательств Московская судебная палата 28 сентября 1882 года вынесла решение: «…Признать за обществом крестьян д. Кальна Чернского уезда право собственности на участок луговой земли в количестве четырех десятин. Изъять означенный участок земли из владения Жикиной и передать во владение общества крестьян дер. Кальна. Взыскание судебных издержек обратить на ответчицу в пользу истцов. Копию сего решения препроводить при указе в Тульский окружной суд…»12

Как видим, справедливость все-таки восторжествовала.

Дошли об этом сведения и до больного Тургенева. 15 октября 1882 года Иван Сергеевич писал управляющему имениями Н. А. Щепкину: «Князь Урусов (тульский вице-губернатор) пишет мне, что дело с Жикиным кончено в Московской судебной палате в пользу кален-ских крестьян — и что Черносвитов поехал в Кальну объявить им решение Палаты. Известите меня, точно ли это совершилось — и какой окончательный результат и для плута Жикина, и для крестьян? Мне все еще не верится, что эту бестию наконец победили?»13.

Но Жикин с этим никак не хотел смириться. Пользуясь слухами о болезни Тургенева и надеясь, что в таком состоянии писатель не сможет заступиться за крестьян, он поспешил подать кассационную жалобу. Она разбиралась Московской судебной палатой 22 февраля 1883 года и была оставлена без последствий.

Плут Жикин продолжал тяжбу с обществом кален-ских крестьян и после смерти писателя. 15 октября 1884 года он обращался с кассационной жалобой даже в правительствующий сенат. Но дело это успело получить широкую огласку. Поэтому и

сенат принял решение об «оставлении без последствий кассационной жалобы».

Тип кулака-мироеда Жикина, нарисованный Тургеневым в его многочисленных устных рассказах, сродни купцу Рябинину, показанному Толстым в «Анне Карениной». Жикин был лишь «победнее». Он еще не мог ворочать тысячами, как это делал Рябинин, скупавший у разорившихся помещиков-дворян лес, зерно, землю, а потом и сами поместья.

В образе купца Рябинина Толстой показал типичного представителя нарождавшегося в России класса буржуазии.

«Анна Каренина» писалась с 1873-го по 1877 год включительно. Это была эпоха, когда «…старая патриархальная Россия, — по словам В. И. Ленина, — после 1861 года стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма. Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря «дешевому труду» разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность». (Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 20. С. 39.)

Наблюдения Тургенева за проходившим процессом разложения старой деревни, ростом там элементов буржуазии относятся также к этому периоду, к периоду 70—80-х годов.

Тяжелая болезнь и скорая кончина помешала Тургеневу осуществить свой замысел — написать произведение под названием «Всемогущий Жикин» или «Непобедимый Жикин», но его поддержка и доброжелательность к крестьянам остались в памяти народной и живут до наших дней.

Узнав о смерти Ивана Сергеевича, крестьяне деревни Кальна искренне скорбели о своем защитнике.

27 сентября 1883 года Петербург провожал Тургенева в последний путь. Похоронная процессия направлялась на Волково кладбище. 179 делегаций прибыли в столицу из разных уголков страны почтить память любимого писателя. За гробом покойного несли 179 венков. И в первой колонне венок, на котором была надпись: «Ивану Сергеевичу Тургеневу — от крестьян села Спасского и деревни Кальна».

Из районного центра Чернь в Кальну можно попасть тремя путями. Первый — по дороге с твердым покрытием, которая идет до центральной усадьбы колхоза «Родина», а потом по новому мосту, перекинутому через Снежедь. Второй — до деревни Долматово, по магистрали, а там проселком через Калиновку, Кудиново и Рябую. Третий — через Бастыево и тургеневскую усадьбу Спасское-Лутовиново.

Как обрадовался бы Иван Сергеевич, посмотрев на нынешнюю новую Кальну! На том месте, где когда-то хозяйничал кулак Жикин, вырос новый, благоустроенный поселок, с домами городского типа, с электрическим светом, радио, телевизорами, водопроводом. Рядом — магазин, почта, сельсовет, библиотека, клуб, прекрасные здания правления колхоза, восьмилетней школы.

В каждый дом, в каждую семью пришла новая жизнь. И название-то поселку какое дано: «Жизнь»!

Да, здесь все соответствует этому названию. До революции почти все жители деревни были неграмотными. Теперь в редкой семье нет собственной библиотеки. И на видном месте — книги выдающегося земляка — Ивана Сергеевича Тургенева.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 «С.-Петербургские ведомости». 1876. 29 июля.

2 ГАТО, ф. 24, оп. 1, д. 73, св. 13, л. 13, ГАТО, ф. 51, оп. 26, д. 405, св. 33, л. 663–670.

3 Кривенко С. Н. Из литературных воспоминаний // Историч. вестник. 1890. № 2. С. 269.

4 Тургенев И. С. Письма. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1966. Т. XI. С. 631.

5 Щепкин М. А. Воспоминания об И. С. Тургеневе и селе Спасском // Историч. вестник. 1898. № 9. С. 923–924.

6 Тургенев И. С. Письма. Т. XI. С. 297.

7 Там же. С. 297.

8 Там же.

9 Кривенко С. Н. Из Литературных воспоминаний // Историч. вестник. С. 270.

10 Там же. С. 270–272.

11 Гаршин Е, М. Воспоминания об И. С. Тургеневе//Историч. вестник. 1883. № 11. С. 378–398.

12 Центральный государственный архив г. Москвы, ф. 131, оп. 59, д. 1748, л. 2, 10, 62, 63.

13 Тургенев И. С. Письма. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1968. Т. XIII. С. 69.

НА БЕРЕГАХ КРАСИВОЙ МЕЧИ

«…У нас, на Красивой-то на Мечи, взойдешь ты на холм, взойдешь — и, господи боже мой, что это? а?.. И река-то, и луга, и лес; а там церковь, а там опять пошли луга. Далече видно, далече. Вот как далеко видно… Смотришь, смотришь, ах ты, право!» — эти слова тургеневского Касьяна известны каждому, кто хоть раз брал в руки произведения великого писателя.

Благодаря Тургеневу реку, не на каждой карте обозначенную, знают во всех уголках мира.

Красивая Меча берет начало в Тепло-Огаревском районе, недалеко от центральной усадьбы колхоза «Весна». Протекает она по узкой, сильно извилистой долине, среди высоких и крутых берегов по территории Воловского, Каменского и Ефремовского районов и за пределами Тульской области впадает в Дон. Места эти особенно живописны в среднем течении Красивой Мечи. Не случайно их называют «Русской Швейцарией».

«Река красивая, река живописная, очаровательная Мечь!.. В иную минуту ее небо примешь за небо Швейцарии, — так говорится о Красивой Мечи в произведении писателя Н. Ф. Павлова «Ятаган», опубликованном еще в 1835 году. — Студеная прозрачная река течет так же быстро, извивается так же неправильно, как летает над нею ласточка, беспокоясь о приближении тучи. Высокий тростник шумит по ее заливам. Круты, отвесны берега ее. По ним тянутся леса, кое-где возвышаются курганы, надгробные памятники безымянных людей, и кое-где мелькают разноцветные скалы: то бледные, то голубые, то желтые. Тут дико глядит природа…» Далее автор рассказывает о многих преданиях о Красивой Мече, передающихся из поколения в поколение.

В повести рассказано о протесте и трагедии бесправного солдата, зависевшего от произвола начальников. Познакомившись с произведением, Николай I написал резолюцию, что в повести «Ятаган» «смысл и цель прескверные». После такой «оценки» царя книгу было запрещено перепечатывать.

Зато это и некоторые другие произведения Павлова того периода были высоко оценены А. С. Пушкиным, В. Г. Белинским, П. Я. Чаадаевым, Ф. И. Тютчевым. О творчестве Павлова и повести «Ятаган», в которой описана Красивая Меча, хорошо знал и И. С. Тургенев. Но вернемся к теме нашего очерка1.

…У Кадного река становится широкой и многоводной. Село, раскинувшееся по обоим берегам реки, разрезает магистраль Тула

— Воронеж. Местные старожилы помнят то место, где находилась в Малом Кадном усадьба Тургеневых. Сохранились частично липовая аллея, которая вела к барскому дому, и кусты сирени, окаймлявшие когда-то всю усадьбу.

С этих мест писатель наблюдал окрестности Красивой Мечи, откуда «далече видно, далече!».

С холма видны на левом пологом берегу реки дома и сады Малого Кадного. А дальше за селом уходили за самый горизонт поля. Ниже села река круто поворачивала и плавно уносила свои воды на юг, к Ефремову и дальше.

От бывшей тургеневской усадьбы к реке идет крутой спуск, который выводит на обширную прибрежную долину, покрытую густым разнотравьем.

Родственник Тургенева по материнской линии Иван Иванович Лутовинов слыл одним из самых богатых помещиков во всей округе. Ему принадлежали земли в Орловской, Тульской, Калужской, Курской и Тамбовской губерниях. Многими деревнями он владел и в Еф-ремовском уезде. Они после его внезапной смерти перешли к племяннице Варваре Петровне Лутовиновой — матери писателя. Позднее Тургенев и сам стал владельцем сел Малое Кадное и Троицкое-Медведки.

В этих селах и в других местах на Красивой Мече Тургенев бывал в ранние годы.

Многое, подмеченное писателем на Красивой Мече, нашло отражение в его переписке и произведениях.

Особенно красочно Тургенев рассказывает словами своего героя о Красивой Мече, где «места привольные, речные», в произведении «Касьян с Красивой Мечи». Писателю, несомненно, были известны многие предания об этой удивительной реке. Знал он и историю заселения этого края, начало которого относится к XVII столетию, «когда Кадное и прилегающие к нему окрестности, как пограничные, безлюдные пункты, стали заселяться служилыми людьми низшего разряда и всякого рода безземельными пришельцами, избиравшими себе, сколько кто — мог, свободные земли и никем не занятые пустоши…» Один из таких поселенцев Сидор Фо-тиев Сопронов «за военные услуги государству был пожалован грамотой царевичей Иоана и Петра Алексеевичей при соправительнице, сестре их Софии, на владение пустошью в 4000 десят. земли»2.

В рассказе «Касьян с Красивой Мечи» есть такой диалог:

«— Давно вас переселили к нам? — спросил я после небольшого молчания.

Касьян встрепенулся.

— Нет, недавно: года четыре. При старом барине мы все жили

на своих прежних местах, а вот опека переселила. Старый барин у нас был кроткая душа, смиренник, — царство ему небесное! Ну, опека, конечно, справедливо рассудила; видно, уж так пришлось.

— А вы где прежде жили?

— Мы с Красивой Мечи. ¦— Далеко это отсюда?

— Верст сто.

— Что ж, там лучше было?

— Лучше… лучше. Там места привольные, речные, гнездо наше; а здесь теснота, сухмень… Здесь мы осиротели»3.

Писателю были известны многие случаи переселения крепостных крестьян из одной деревни в другую старыми владельцами Спасского, в том числе и его матерью. Рядом с селом Троицкое-Медведки, что недалеко от Кадного, находилась деревня Волховская. Жители деревни были переселены помещиком-крепостником из Волховского уезда Орловской губернии.

Рассказ «Касьян с Красивой Мечи» задуман Иваном Сергеевичем осенью 1850 года, когда писатель жил в селе Тургеневе, а напечатан был в третьем номере «Современника» за 1851 год. В произведении писатель использовал то, что видел и наблюдал во время своих поездок на Красивую Мечу.

Затем весной 1852 года по приказу царя Тургенев прибыл в Спасское отбывать ссылку. Находясь под надзором полиции, он негласно несколько раз выезжал и в свои дальние деревни. В это время писатель побывал и в Кадном. Подтверждением того, что Тургенев приезжал в это время на Красивую Мечу, служат письма к дальнему родственнику соседу по имению А. П. Свечи-ну, написанные в октябре и ноябре 1853 года. Но об этом мы расскажем ниже. А сейчас приведем еще одно доказательство того, что все характерное, подмеченное писателем в Кадном и на Красивой Мече, находило отражение на страницах его произведений.

Французский ученый, академик Андре Мазон — автор ряда работ о Тургеневе, еще много лет назад писал о парижских рукописях Тургенева. Ученому удалось заглянуть в лабораторию творчества Тургенева. В черновых тетрадях писателя были прямые указания на прототипов отдельных героев его произведений. В рукописях есть полный список действующих лиц повести «Степной король Лир». Затем следуют характеристики главных героев. Под номером три записано:

«Анна Мартыновна Слеткина.

Фигура и лицо как у той женщины, которую я однажды видел в Кадном: бледно-смуглая, темно-русая, а глаза фаянсово-голубого цвета, нос прямой, тонкие губы и все лицо злое и

приятное в одно и то же время; маленькая, живая; руки крошечные. Умна и проницательна.

Очень строгая хозяйка — сошлась с мужем характером. Голосок очень приятный и несколько жалобный, как у всех хищных птиц»4.

Эта характеристика Анны Слеткиной, фигура и лицо которой напоминали женщину, которую писатель «однажды видел в Кадном». Из черновой тетради Тургенева она полностью, только еще с большими подробностями, перешла на страницы «Степного короля Лира».

В пяти или шести километрах от Кадного, в гористой местности, по обоим берегам речушки Ситовой Мечи — притока Красивой Мечи, раскинулось старинное село Ситово. Здесь, как и в Кадном, Тургенев бывал еще в ранние годы. Тут ему принадлежала усадьба с землей, доставшаяся после смерти матери…

О селе и окружающей местности сохранились предания. Свое первое название село получило от реки, а река — от травы — «ситовника», росшей в изобилии по берегам, когда еще здесь не было мельниц и плотин. А Меча — от слова мечься, что соответствует извилистому и уклончивому направлению реки.

Наблюдения, полученные в этих местах, писатель отразил в ряде своих произведений, отмечает в письмах.

Один из героев «Записок охотника» Туман ведет рассказ о разорившемся графе и его любовнице — девке Акулине. «Девка была простая, ситовского десятского дочь, да такая злющая! По щекам, бывало, графа бьет. Околдовала его совсем. Племяннику моему лоб забрила: на новое платье щеколат ей обронил… и не одному ему забрила лоб. Да…»5

Если учесть, что этот рассказ был напечатан во втором номере «Современника» за 1848 год, то станет ясным, что эпизод о ситовской Акулине Тургеневу был известен в конце 40-х или в начале 50-х годов прошлого века.

Ситовка, или Ситово, упоминается и в других рассказах «Записок охотника», в частности, в «Конторе».

Соседями по имению в Ситове у Тургеневых были Свечины. С этой семьей Иван Сергеевич был хорошо знаком. Опубликовано несколько писем писателя к Све-чиным, относящихся к тому периоду, когда Тургенев стал владельцем земли в здешних местах.

Октябрь 1853 года. Несмотря на надзор полиции й запрет отлучаться из Спасского, Тургенев выезжал на несколько дней в Ситово. Это подтверждается самим писателем в письме к А. П. Свечину, посланном в октябре 1853 года: «Надеюсь увидеть Вас

весною, — писал Тургенев своему адресату, — но во всяком случае знайте, что я унес самое приятное воспоминанье о Ситове и его жителях. Впрочем, Вы это сами могли видеть».

Через месяц (письмо от 6 ноября 1853 года) Тургенев вновь писал А. П. Свечину: «Итак — я надеюсь увидеть Вас скоро. Пожалуйста, поклонитесь всем жителям Ситова и его окрестностей, о которых я сохраняю самое приятное воспоминанье».

В письме писатель рассказывает Свечину о житье в Спасском и намерениях передать управление своими имениями дяде Н. Н. Тургеневу. «Верно — щелкоперы должны оставаться щелкоперами, — шутя говорит писатель, — до конца дней своих».

Став владельцем крепостных, Тургенев предпринимал многое для облегчения положения крестьян, что в условиях николаевской России не всегда было возможным. Тургенев это очень хорошо видел. Досадуя на самого себя, писатель говорит в этом письме: «Я русского мужика знаю, но возиться с ним не умею и не могу — не так создан, что прикажете делать!»

А. П. Свечин много лет служил в николаевской армии, был участником похода в Польшу (1831 год), потом состоял адъютантом у князя Долгорукова. Ушел в отставку в чине майора. Очевидно, Тургеневу не раз приходилось слышать от Свечина «давнюю старину».

О своих поездках в Ситово Тургенев долго помнил и при случае очень тепло об этом говорил. В письме А. И. Свечиной 2 марта 1859 года Тургенев писал:

«С особенным удовольствием исполняю Вашу просьбу — и только сожалею о том, что прилагаемая карточка не вполне удовлетворительна; но другой у меня нет. Не считая нужным уверять Вас, что знакомство мое с Вашим покойным супругом и Вашим семейством — и вообще пребыванье в Вашем деревенском доме ¦— всегда было сохранено в моей памяти как одно из самых приятных впечатлений всей моей прошедшей жизни…»

А. И. Свечина была образованной женщиной, интересовалась литературой, много читала. По ее просьбе Тургенев выслал Александре Ивановне несколько номеров журнала «Отечественные записки». (Письмо к А. П. Свечину, октябрь, 1853 года.) В приведенном выше письме он уведомлял Свечину об исполнении ее просьбы — выслать ей свою фотографию.

В четвертом номере журнала «Отечественные записки» за 1850 год была опубликована новая повесть Тургенева «Дневник лишнего человека». Она начиналась словами: «Сельцо Овечьи Воды. 20 марта 18… года». Какое странное название, не правда ли? Но писатель его не выдумал. Деревня с таким названием

находилась верстах в двенадцати от Ситова, в степной местности. В повести это подчеркивается. Несомненно, Тургенев здесь бывал, знал и владельцев усадьбы Воейковых — дальних родственников писателя по матери.

По рассказу старожилов деревни, небольшой одноэтажный барский дом стоял на открытой непривлекательной местности, рядом с маленьким прудом. Немного поодаль, по обе стороны неглубокого, но довольно длинного оврага, жили крепостные крестьяне, в маленьких, полуразвалившихся, приплюснутых к земле домишках, смотревших подслеповатыми окнами в овраг. Такая безрадостная картина хорошо запомнилась автору «Дневника лишнего человека». И как бы отсылая читателя вновь к столь невеселой картине, в захолустье, писатель заканчивает свою повесть сообщением о смерти героя повести в его родовом «поместье Овечьи Воды».

В ситовском доме Свечиных Тургенев хорошо знал и имел переписку еще с одним членом семьи, ставшим в 70-е годы владельцем усадьбы — с Ф. А. Свечиным (1844–1894), сыном А. П. Свечина. Судя по письмам ¦писателя, с Ф. А. Свечиным Тургенев был знаком еще в 60-х годах. Впоследствии (1880–1895) Свечин был губернским предводителем дворянства в Туле.

Со Свечиным был знаком и Л. Н. Толстой.

Федор Александрович Свечин человеком был образованным. Он окончил Московский университет со степенью кандидата прав, был мировым судьей в Ефремове, потом несколько лет тульским губернским предводителем дворянства, дослужился до чина действительного статского советника.

Свечин — являлся автором нескольких рассказов и повестей. Среди них «Наброски из действительной охотничьей жизни», были опубликованы в 1879 году, еще при жизни Тургенева. Позднее, в 1891 году, эти наброски вошли в большой «Сборник охотничьих и других рассказов». Рассказы Свечина — в отличие от произведений И. С. Тургенева — «чисто охотничьи» — несут информацию только об охоте, о специальной стороне дела. И не случайно один из героев книги, Финоген Семенович, напоминающий тургеневского Ермолая, упрекал Ивана Сергеевича, что в его «Записках охотника» «про самую охоту-то и нету» ничего.

Взгляды Ф. А. Свечина во многом не совпадали со взглядами Тургенева. Но это обстоятельство не мешало писателю поддерживать с ним связь.

Любопытный факт. Письма И. С. Тургенева к Ф. А. Свечину были отысканы и переданы в Государственный литературный музей народным артистом СССР Игорем Владимировичем

Ильинским. Об этом сообщается в статье В. Д. Бонч-Бруевича «За создание центрального литературного музея в Москве», помещенной в «Литературном наследстве» (Т. III. М., 1932. С. 34).

16 июля 1881 года Тургенев писал Свечину из Спасского:

«В понедельник (в Ильин день) мне приходится быть в Кадном; и я хочу воспользоваться этим, чтобы побывать у Вас в Ситове — и вспомнить давнюю старину. Вы же были так любезны, что в бытность Вашу в Петербурге пригласили меня».

Через несколько дней Тургенев был в Кадном, а оттуда проехал в Ситово, но Свечина дома не застал. В оставленном письме, он приглашал своего знакомого посетить Спасское.

«…Я очень пороптал на судьбу, лишившую меня удовольствия, — писал Свечин Тургеневу, — видеть Вас в Ситове… Искренне благодарю Вас за память и внимание к нашей ситовской стороне…»

В письме от 10 августа 1881 года, отвечая Свечину, Тургенев писал:

«Я тоже очень сожалел, что не застал Вас дома, и если до сих пор не отвечал Вам, то это потому, что я все ждал улучшения погоды для того, чтобы зазвать Вас к себе».

После возвращения из Кадного и Ситова Тургенев сообщал артистке М. Г. Савиной: «Я только что вернулся из двухдневной поездки в Ефремовский уезд…»3 Тургенев рассчитывал вернуться в Спасское будущей весной и приглашал Свечина посетить его тогда. Но планам Ивана Сергеевича не было суждено осуществиться. Это была его последняя поездка на Красивую Мечу и в Ситово.

Там, где когда-то бывал Тургенев, где он встречался с героями своих произведений, широко раскинулись колхозные и совхозные поля, на которых живут и трудятся наши современники.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Павлов Н. Три повести. М., 1835. С. 177–183.

2 Малицкий П. Приходы и церкви Тульской епархии. Извлечение из церковноприходских летописей. Тула. 1895. С. 347.

3 Тургенев И. С. Сочинения: В XV т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1963. Т. IV. С. 123–127.

4 Мазон А. Парижские рукописи Тургенева. М.; Л.: Академия, 1930. С. 96–97.

5 Тургенев И. С. Сочинения. С. 39–40.

6 Здесь и ранее письма цитировались по книге: Тургенев И. С.

Письма. В XIII т. Кн. I. Л., 1968. Т. XIII. С. 102, 103, 107, 108.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОСВЯЩЕНИЯ

В журнале «Вестник Европы», в ноябрьском и декабрьском номерах за 1879 год, была опубликована повесть «Варенька Ульмина». Ниже названия строка: «Посвящается Ивану Сергеевичу Тургеневу». Повесть подписана буквами «Л. Я. С».

Необычный сюжет повести, острые для того времени вопросы, поднятые в ней, вызвали в большинстве своем недоброжелательные отклики московских и петербургских газет. Но кто же, в таком случае, автор произведения, посвященного великому писателю? Каким образом эта повесть попала на страницы солидного журнала?

«Вестник Европы» — один из немногих журналов второй половины XIX века либерального направления, имевший широкое распространение как в России, так и в европейских странах, издавался в Петербурге. На его страницах печатались произведения не только виднейших русских писателей, но и западных.

Издателем и редактором «Вестника Европы» долгие годы являлся М. М. Стасюлевич. Тургенев, много лет печатавшийся в журнале, так отзывался об издателе: «Я не знаю за ним никакой «брезгливости» — и он, конечно, примет с охотою всякое произведение, в котором признает печать таланта».

Что касается повести «Варенька Ульмина», то в ней такая «печать таланта» присутствовала.

…В 1903 году в рукописный отдел Одесской городской публичной библиотеки поступила объемистая пачка писем Тургенева. Почти все они (55) были адресованы тульской писательнице Любови Яковлевне Стечькиной, а остальные (10) — матери писательницы Любови Николаевне Стечькиной.

Стечькины проживали в селе Плутнево Алексинско-го уезда, в версте от станции Суходол. По этому адресу часто приходили письма из Парижа, Буживаля, Петербурга, Москвы и Спасского, написанные рукой великого писателя.

Переписка между Тургеневым и Стечькиной началась с марта 1878 года и продолжалась почти до самой кончины писателя.

Писательницей Стечькина стала не вдруг. Она много и настойчиво работала над собой. В Государственном архиве Тульской области хранится «Дело о выдаче девице Стечькиной свидетельства на звание домашней учительницы». Экзамены, к которым она была допущена в Тульской гимназии, выдержала успешно. По истории, географии, французскому и немецкому языкам Стечькина показала хорошие знания, и нужный документ

ей был выдан. Но вернемся к переписке между только что начинающей писательницей и И. С. Тургеневым.

Пожалуй, ни один русский писатель не имел столь обширной переписки, за исключением, может быть, Льва Толстого, какую вел Тургенев. Ни одно письмо, написанное Тургеневу, не оставалось без ответа. Переписка часто давала начало знакомству и затем длительным связям писателя с адресатом. Больше всего к Тургеневу поступало писем от молодых журналистов и писателей. Они обращались к автору «Записок охотника» и «Нови» за советом, рекомендациями и даже за материальной помощью. Так случилось и со Стечькиной.

Вот что потом вспоминал о писательнице ее брат журналист Н. Я- Стечькин: «Сестра моя, Любовь Яковлевна Стечькина (род. в 1851 г., умерла в 1900 [г.]), имея с раннего возраста склонность к изящной словесности, написала в 1874 году повесть «Первая гроза». Сестра жила в деревне, знакомств в журнальном мире не имела, в Петербург не ездила. Чисто переписанная повесть была отправлена в «Отечественные записки». Оттуда, после долгого молчания и неоднократных писем сестры, повесть вернулась, как признанная неподходящей для напечатания. Повесть, очевидно, и не развертывали, так как она вернулась в той же бумаге, в которую была заклеена сестрою»1.

Посоветовавшись с родными, Стечькина поехала в Москву. После некоторых колебаний она обратилась к издателю и редактору «Русского вестника» М. Н. Каткову. Прочитав повесть, издатель дал согласие на ее опубликование. Свое произведение Стечькина увидела в июльском номере «Русского вестника» за 1875 год. Но каково же было ее удивление, когда она нашла в повести грубые редакторские исправления и сокращения.

Стечькина была. неопытна и не знала укоренившихся правил в русских газетах и журналах, где издатель, он же, как правило, и редактор, волен был обращаться с поступившим произведением по своему усмотрению. Особенно бесцеремонно поступал с печатавшимися произведениями Катков.

Свои протесты автор «Первой грозы» выразила на страницах столичных газет. По этому поводу в печати, конкурировавшей с издательством Каткова, был поднят большой шум, вызвавший сильное раздражение издателя «Русского вестника». В сентябрьском номере журнала за 1875 год Катков выступил с ядовитой «отповедью» молодой писательнице, обвинив во всем только ее, назвав этот случай «литературным курьезом».

Через некоторое время Стечькина написала второе произведение — повесть «Кривые деревья». Она была в затруднении, как поступить с повестью. Скандал с Катковым еще

не был забыт. Писательнице пришла мысль обратиться за советом к Тургеневу. И вот из алексинской деревни отправлено первое письмо в Париж. А вскоре Л. Я. Стечькина с большим волнением вскрывала конверт с французским штемпелем.

«Спешу отвечать на только что полученное мною Ваше письмо, — писал Тургенев 30 марта 1878 года. — Я Вашей повести в «Русском вестнике» не читал — но помню — довольно, впрочем, смутно — что по ее поводу была полемика в газетах. Полемика эта, вероятно, теперь позабыта и не помешала бы появлению Вашего нового труда в одном из «толстых» журналов. Из всех этих журналов я состою в сношениях только с «Вестником Европы»… Но мне невозможно говорить о произведении, мне не известном…» — заключает Иван Сергеевич. Он предлагает Стечькиной выслать к нему рукопись.

Стечькина аккуратно переписала свою повесть и отправила Тургеневу. Прошло еще немногим более месяца, и на столе у Стечькиной лежало второе письмо писателя, датированное 3 мая 1878 года. Тургенев извещал о получении рукописи и добавлял: «Я получил также то письмо, в котором Вы так строго отзываетесь о собственном произведении. Буду стараться позабыть все, что вы сказали о нем — и приступлю к чтению безо всяких предвзятых впечатлений, насколько это возможно».

Так завязалась переписка между начинающей тульской писательницей Стечькиной и Иваном Сергеевичем Тургеневым, длившаяся несколько лет.

Тургенев сдержал свое слово. Он внимательно прочитал повесть «Кривые деревья» и сделал ее подробный разбор в следующем письме Стечькиной. Со всей откровенностью Иван Сергеевич писал 7 мая 1878 года: «Я прочел Вашу повесть и вот что имею сказать Вам: у Вас талант несомненный, оригинальный, живой и даже поэтический — но «Кривые деревья» печатать не следует — ибо я — извините резкость выражения — более уродливого, или, говоря точнее, более изуродованного, произведения не знаю!»

Продолжая разбор повести, он писал: «У вас есть несомненный дар психологического анализа; но он часто переходит в какую-то кропотливую нервозность, Вы хотите уловить все колебания психических состояний — и впадаете иногда в мелочность, в каприз — наконец, Вас понять невозможно или очень трудно — и без нужды, безо всякой пользы… И потом, как это у вас все беспрестанно плачут, даже рыдают, чувствуют страшную боль, потом сейчас необыкновенную легкость и т. д.».

Анализируя произведение молодой писательницы, Тургенев делает глубокий и всесторонний разбор повести. Вскрывая

недостатки, он показывает автору пути их устранения. Критика Тургенева носит правдивый и дружеский характер. Это совет старшего собрата по перу. Вместе с тем он обязательно подчеркивает все наиболее удачные стороны произведения, вызывая у начинающего писателя горячее желание продолжать работу.

Свое письмо заканчивает такими словами:

«Однако довольно я Вас бранил; надо ж и похвалить… оно же и веселее. Вы пишите славным языком, несмотря на изредка попадающиеся галлицизмы («фасон, которым было сшито это платье, давал чувствовать» и т. д.). Описания Ваши превосходны: рельефны, просты, жизненны. Всякий раз, когда Вы касаетесь природы, у Вас выходит прелестно — и тем более прелестно, что Вы всего кладете два, три штриха — но характерных… И в психологической работе надо так же поступать… В этом умении класть характерные штрихи я вижу Ваш поэтический дар. Словом — из Вас может выйти писатель очень крупный; у Вас на то все данные. Разве Вы сами возьмете да испортите себя».

Тургенев посоветовал Стечькиной сесть за переделку своей повести. Он предложил ей встретиться в Туле. И такая встреча состоялась 19 августа 1878 года в одной из тульских гостиниц. О своем приезде в Тулу Тургенев сообщал Стечькиной в письме от 4 августа 1878 года.

В личной беседе с писательницей он отнесся к ней еще более внимательно и сердечно и убедил ее, что над произведением следует еще основательно поработать.

Из Тулы Тургенев заезжал в Ясную Поляну к Толстым, а оттуда прибыл в Спасское. Возвращаясь в начале сентября этого же года из Спасского в Париж, писатель вновь встречался с тульской писательницей в ее усадьбе Плутнево.

«Я был в Туле по делам и, по приказанию матери должен был встретить Тургенева на тульском вокзале Сызрано-Вяземской железной дороги и ехать вместе с ним в деревню нашу Алексинского уезда, Тульской губернии, — вспоминает брат писательницы. — Мне было всего 24 года и, признаюсь, я до болезни робел первой встречи с Тургеневым.

Прибывши на вокзал, я сразу узнал рослую характерную фигуру Тургенева. Я представился, и робость как рукой сняло, вследствие простого и милого обращения Тургенева».

От Тулы до станции Суходол поезд шел полтора часа. Это время прошло в оживленной беседе с молодым Стечькиным. Редко можно было встретить более приятного собеседника, чем Тургенев. Он не позировал, но умел так разнообразить свою речь, что беседа его делалась красивой. Мало-помалу он вводил

слушателя в круг своих воззрений, но не навязывал их. Говоря о русской литературе, он вовсе не упоминал о своей деятельности. Как будто из-под его пера не вышло ни одного произведения.

Стечькину особенно запомнились слова Тургенева, сказанные по поводу творчества Льва Толстого: «Он теперь первый писатель не только в России, но и во всем мире, — говорил Тургенев. — Некоторые его страницы, например, свидание Анны Карениной с сыном, — какое совершенство! Когда я прочитал эту сцену, у меня книга из рук выпала. «Да! неужели, — говорил я мысленно, — можно так хорошо написать?»

В разговоре со Стечькиным Тургенев тепло отзывался о даровании его сестры: «Да! У нее есть талант. Хотелось бы помочь ей поместить ее роман, но не знаю, удастся ли. У меня ведь есть репутация, что я зауряд оказываю протекцию и рекомендацию всем, кто бы ко мне не обратился». Он помолчал и добавил: «А это неправда. Я бываю иногда очень строг. Ведь и сестру вашу я похвалил, критикуя ее».

На станции Суходол Ивана Сергеевича ожидала Стечькина. Чтобы сесть в экипаж, надо было перейти рельсы. Все удивились, когда увидели, что от рельсов был сделан деревянный, слегка наклонный помост, посыпанный желтым свежим песком. Оказалось, что это устроил начальник станции, узнав о приезде Тургенева из его телеграммы Стечькиной. Простодушный поклонник писателя хотел даже покрыть помост красным сукном, но Стечькина уговорила его этого не делать, чтобы не вышло смешно. Тургенев заметил внимание, понял его и был тронут.

У Стечькиных Тургенев пробыл полсуток (от поезда до поезда). Вместе с писательницей он ходил по старым липовым аллеям сада, по березовой роще, ведя разговор о литературе и искусстве. С большим домом, обширным садом и цветником усадьба Стечькиных напоминала Тургеневу чем-то Спасское. Он спорил о сортах яблок и фруктовых куртинах, искал «коричневых» и «воргулька». А найдя их, добродушно улыбался и с аппетитом ел яблоки, опасаясь за последствия своей невоздержанности.

Приезд великого писателя в алексинскую усадьбу к Стечькиным был большим событием для всей семьи. Тургенев много и охотно говорил. Он рассказывал о парижской жизни, о своих привычках.

Уехал от семьи Стечькиных Тургенев поздно. На вокзал его провожал брат писательницы. Карета катилась по грунтовой дороге. Тургенев опустил стекла. Был сентябрь, деревья только что начинали одеваться в свой золотистый убор.

«Как они хороши, — сказал мечтательно Тургенев. — Точно золотом их убрали перед смертью. У нас там, право, нет таких

видов. И грудь ровнее дышит среди этих родных равнин».

Подошел поезд. Тургенев простился со Стечькиным.

И уже с платформы вагона обратился к своему новому знакомому: «А сестре скажите, пусть пишет. Ей нельзя не писать».

В течение осени Стечькина усиленно работала над своим произведением. Она старалась осмыслить все сказанное Тургеневым. Многие главы были полностью переработаны, другие вовсе опущены. Обо всем этом она сообщала Тургеневу, который продолжал принимать самое горячее участие в ее писательской судьбе.

В письме от 12 октября 1878 года, которое Тургенев писал Стечькиной из Парижа, он вновь говорит о ее произведении, советует, ободряет. Он сообщает писательнице, что в беседе с редактором «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичем сумел заинтересовать его новым произведением Стечькиной.

«Мне кажется нужным напомнить Вам о сокращении вводных лиц, которыми изобиловал Ваш роман (впрочем, и Вы были того же мнения), — говорит в конце письма Тургенев. — Этюды эти могут Вам пригодиться впоследствии; а именно в таком произведении, каково Ваше, все, что не содействует прямо ходу Драмы, является излишним и даже утомительным для читателя. Ему некогда останавливаться: он должен быть увлечен неудержимо. Это не значит, чтобы Вам следовало писать вроде А. Дюма; впрочем, об этом много толковать нечего: Вы очень хорошо знаете, что я наме-: рен сказать.

Итак, мне отстается прибавить одно: работайте, работайте!»

«Работайте, работайте!» — эти слова присутствовали в каждом письме Тургенева.

Иван Сергеевич торопит писательницу, чтобы она быстрее заканчивала повесть. В письме Тургеневу Стечькина давала низкую оценку своему произведению. «Вы хотите, еще не окончив своего романа, уже судить о нем? — возражает Тургенев в письме от 12 декабря 1878 года. — При всей тонкости Вашего критического чувства — это невозможно. Вы слишком близко стоите к Вашей картине — надо отодвинуться… Молодой автор должен ставить себе самый высокий идеал и должен верить, что он его достигнет… А насколько это ему удалось — предоставьте судить нам, старикам».

Наконец, рукопись повести Стечькиной Тургеневым получена. Он прочел ее, пропустил день и перечел опять. Впечатление самое благоприятное. «Это очень странная, но живая вещь… а это главное, — отвечал он писательнице 5 января 1879 года. — Иное мне показалось до того «крутым» —¦ что так и летишь вместе с автором в какой-то овраг… Однако, упавши, чувствуешь, что

ничего не сломано — и опять спешишь вперед. Не могу вторично не выразить своего удивления, как это Вам, именно Вам, при Вашей обстановке, пришел в голову такой сюжет — и как это Вы с ним справились? Конец особенно очень хорош — или, говоря точнее, хорошо то, что нет конца… Я боялся, как бы Вы не сочли нужным округлить, примирить… но и тут Вас спас Ваш художественный инстинкт. Взят и поставлен перед читателем кусок жизни…»

Заглавие повести Стечькиной напоминало чем-то Тургеневу затейливые названия критических статей в журналах: «К тому же, — писал он 7 января 1879 года автору повести, — это название, по-моему, не совсем верно: не деревья кривы у Вас — т. е. не сами по себе они кривы — а какая-то стихийная сила их ломает и гнет». В письме от 31 января 1879 года Тургенев вновь возвращается к названию повести. Он предлагает дать ей заглавие «Варенька Ульмина» — по имени главной героини произведения. «Просто и беспритязательно. Очень много капитальных вещей озаглавлено таким образом: («Оливер Твист», «Адам Бид», «Евгений Онегин», «Анна Каренина» и т. п.)». Совет Тургенева писательницей был учтен. И повесть была потом опубликована под названием «Варенька Ульмина».

Тургенев привлекает внимание к работе молодой писательницы и других выдающихся литераторов. «Моя тульская знакомая Л. Стечькина, — пишет Тургенев 9 января 1879 года Льву Толстому, — прислала мне вторую часть своего романа, которою я остался так же доволен, как и первою. Вероятно, он будет напечатан в «Вестнике Европы». Мне любопытно знать, что Вы скажете?»

В Феврале 1879 года Тургенев собрался ехать в Россию. По пути из Парижа он остановился в Брюсселе, где находился в это время его давнишний друг П. В. Анненков — один из первых издателей биографии Пушкина. Тургенев считал Анненкова человеком одаренным, с «замечательно верным критическим взглядом». Иван Сергеевич давал Анненкову прочитывать почти все свои произведения до их печатания. Вот и на этот раз он привез в Брюссель рукопись. Только не свою, а Стечькиной. Повесть произвела на Анненкова «хорошее впечатление». Об отзыве и замечаниях, сделанных Анненковым, Иван Сергеевич сообщал писательнице уже из Петербурга 25 февраля. А через день Тургенев был в Москве. Как и раньше, он поселился у своего приятеля И. И. Маслова на Пречистенском бульваре.

Уведомленная писателем заранее, Стечькина приехала в Москву, вновь беседовала с Иваном Сергеевичем о своем произведении. Внесла в повесть некоторые поправки, после чего

рукопись была отправлена в Петербург в издательство Стасюлевича.

В Москве Стечькина была свидетельницей, как студенческая молодежь повсюду восторженно встречала Тургенева. Не менее восторженно проходили встречи писателя и в Петербурге. «Чтения, овации и т. д., — писал Тургенев Стечькиной 14 марта 1879 года, — продолжаются и здесь, как в Москве, но, между нами, как я им ни рад, а вздохну свободно, когда они кончатся…»

В этом же письме Тургенев рассказывал Стечькиной о своей встрече с редактором «Вестника Европы» и о тех условиях, на которых Стасюлевич был согласен печатать повесть. Он просил Тургенева передать Стечькиной, чтобы она не подписывалась своей настоящей фамилией, а выбрала бы какой-нибудь псевдоним. «Стасюлевич боится, — писал Тургенев, — что при появлении Вашего имени все старые дрязги зашевелятся — и «маленькая» пресса залает — тем более что само содержание Вашего романа даст ей повод к таким упражнениям».

Возвратившись во Францию, Тургенев не перестает обмениваться письмами с тульской писательницей. Тема этой переписки выходит далеко за рамки творчества Стечькиной. В письме от 14 июня 1879 года Иван Сергеевич с иронией сообщает, что Оксфордский университет производит его за литературные заслуги в доктора естественного права. «Честь велика — едва ли не я первый русский, ее заслуживший — но как, почему? я до сих пор понять не могу! То-то, я воображаю, на меня прогневаются иные господа в любезном отечестве».

Почти в каждом письме к Стечькиной он напоминает ей, чтобы она продолжала писать. «Мне очень хочется посмотреть, — говорил Иван Сергеевич, — как Вы напишите Вашу вторую вещь».

Видя исключительно большое и бескорыстное участие Тургенева в судьбе повести, Стечькина просит разрешения у писателя посвятить это произведение его имени. Иван Сергеевич с благодарностью принимает посвящение.

В октябре 1879 года Тургенев читает последнюю-корректуру повести, которая ему была прислана из Петербурга. Наконец, после больших хлопот Ивана Сергеевича в ноябрьском номере журнала (за 1879 год) была опубликована первая часть «Вареньки Ульминой», а в декабре — вторая.

Как предсказывал Тургенев, критика недружелюбно встретила повесть молодой писательницы. Получив номер журнала, Тургенев пишет 14 ноября 1879 года Стечькиной: «Я уже успел получить не только тот номер «Вестника Европы», в котором помещена первая часть Вашей повести — но и «Молву» и «Новое время», в которых Вас бранят, как оно и следовало

ожидать. Это Вас, вероятно, не смутило и не удивило — а я Вас поздравляю со вступлением на литературное поприще. Лиха беда, как говорится, начать. Собственное же мое впечатление при чтении корректурных листов не только не изменилось, но утвердилось, напротив». За день до этого по поводу повести Стечькиной то же самое Тургенев писал и П. В. Анненкову.

Тургенев следил за откликами в газетах на повесть Стечькиной: «Посылаю Вам, — писал он 7 декабря 1879 года из Парижа, — вырезок из газеты, где говорится о Вашей повести. Не знаю имени того корреспондента, который обратил внимание на Ваше произведение; но полагаю, что появление этой статейки будет Вам приятно, как доказательство успеха Вашей «Вареньки».

О своей поездке к Стечькиным в тульскую деревню, о творчестве молодой писательницы и ее последнем произведении Тургенев подробно рассказывал знакомой писательнице А. Н. Луканиной: «Эта вещь страстно написанная, — говорил он. — Когда ее читаешь, то оторваться не можешь».

Тургенева удивляло, как могла это написать девушка, находящаяся в той обстановке, в которой она жила: «Я был у них, провел короткое время в их деревне». И Тургенев подробно рассказал о членах семьи писательницы, о матери — доброй старушке, о брате-идеалисте. Подобных молодых людей писатель встречал в 40-х годах в кружке Грановского и Станкевича. Из всех членов семьи особенно поразила Тургенева младшая сестра писательницы: «Если бы мне пришлось описывать женщину-преступницу, убийцу, я непременно, — говорил он, — придал бы ей такую наружность: низкий лоб, огромные глаза почти на вершок друг от друга, какие-то ужасно красивые губы и маленький прямой нос с широко открытыми ноздрями».

Тургенев рассказал и о самой писательнице. Ей было 26 лет. Внешним видом она не поражала. И обстановка у ней самая обыденная. Чистенькая, уютная комната с цветами, с красивеньким письменным столиком, на котором она пишет. «Я думаю, — заключил он, — она в своей родне видела кое-что похожее на то, что описала. Знаете, нет ни одной русской дворянской семьи, где бы не было убийства или вообще какого-нибудь преступления»2.

Молодая писательница, по словам Тургенева, очень умная девушка. В своем произведении она описала то, что знала из знакомой ей жизни. Ее обвиняли в том, что она подражает Золя, а она его, вероятно, даже и не читала. «Когда я был у них, — вспоминал Тургенев, — ¦ она водила меня в сад, показывала мне свой цветник и его же описала. Многое она могла узнать из жизни своей родни».

Кому будет передана эстафета? Это для Тургенева было очень важно.

Десятки молодых писателей, кроме Л. Я- Стечьки-ной, посылали Тургеневу на суд свои произведения. И всегда получали самые искренние, дружеские советы. Со многими Тургенев вел переписку. Среди них были А. Н. Луканина, Е. И. Апрелева, П. А. Сергеенко, Н. Ф. Нелидова, В. В. Ладыженская и многие другие.

Молодой литератор П. А. Сергеенко написал Тургеневу письмо, в котором просил сказать о его творчестве прямо и откровенно. И вот какой получил ответ (письмо от 8 ноября 1879 года): «В ответ на Ваше последнее письмо ограничусь одним вопросом: с какой стати я не буду прям и откровенен с Вами? Я принимаю в Вас неподдельное участие, готов помогать Вам своими советами — и, если Вы мне доставите некоторые из Ваших произведений, обещаюсь высказать Вам с совершенной искренностью свое мнение о них. Очевидно, что Вы находитесь в периоде развития — и наше стариковское дело быть в этом случае, по мере возможности, полезным вам, молодым. Мне это не впервые — и я считаю это своей обязанностью».

Вот писательница Н. Ф. Нелидова обращается к Ивану Сергеевичу за советом, как лучше справиться с формой произведения. И получает обстоятельный ответ.

Пожалуй, как никто, Тургенев умел вовремя заметить новый талант. В письме Л. Н. Толстому от 28 июня 1880 года Тургенев писал из Спасского: «Я здесь на днях познакомился с Варварой Васильевной Ладыженской. Вы, кажется, встречали ее брата — он служит в Туле — да и ее, вероятно, видали. Она тоже занимается литературой — и, по-моему (не улыбайтесь!), у ней замечательный талант. Постарайтесь сблизиться с нею — я думаю, что она Вам понравится: уж очень мало она походит на обыкновенное литературное произведение».

Тургенева иногда упрекали, что в каждом начинающем он видел талант. Конечно, это не так. Летом 1880 года, находясь в Спасском, писатель получил рукопись А. М. Литвиновой. Начинающая писательница просила Тургенева прочитать ее произведение и высказать свое мнение. «Ну вот я и прочел Вашу повесть, — писал Тургенев автору 26 июня 1880 года, — и скажу Вам мое мнение: молодо-зелено, недостаточно жизненного опыта — и откуда Вам было его еще набраться? Характеры не довольно разработаны — изложение торопливое и, как говориться, скомканное; но все это живо, наивно, правдиво — и местами проглядывает искреннее чувство. Результат: Вам надо писать, работать, вдумываться и вглядываться и в жизнь, и в хорошие образцы — и Вы со временем можете дойти по этой дороге до

цели, которая и Вас порадует, и других удовлетворит…»

Вот какой совет молодым Тургенев выразил в письме Е. В. Львовой от 22 января 1877 года: «…Берегите чистоту языка, как святыню, — завещал писатель. — Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

Но вернемся к нашему рассказу… После выхода в свет повести Стечькиной «Варенька Ульмина» Тургенев при каждом случае напоминает писательнице, чтобы она не опускала пера. В конце января 1880 года Иван Сергеевич приехал в Петербург. Вскоре он пишет Стечькиной, что если она с задуманным новым рассказом справилась, то пусть пришлет ему. В начале марта писательница решила съездить в Петербург. Встреча с Тургеневым и его литературными друзьями для молодой писательницы была очень полезной. Возвратившись домой, она получает от Тургенева новое письмо (от 6 апреля 1880 года): «Дайте мне весточку о себе, — писал он. — Принялись ли Вы за работу — или только собираетесь?»

В июне 1880 года Плутнево, где проживали Стечь-кины, сильно пострадало от пожара. Писательница решила организовать лотерею, чтобы собрать какие-то средства для пострадавших. Тургенев сообщил Стечькиной из Петербурга 3 июля 1880 года, что он примет участие в лотерее. Писатель обещал выслать свои фотографии и автограф переписанных им двух стихотворений Пушкина, которые он читал на московских торжествах по случаю открытия памятника поэту.

Весной 1881 года Тургенев вновь возвратился в Россию. Это был его последний приезд на Родину. В Москве он встретился со Стечькиной и не узнал своей знакомой. Она уже была тяжело больна. Тургенев принял самое дружеское участие в ее судьбе. Он уговорил Стечькину поехать на лечение в Италию. Но за границу писательница собралась только на второй год. Она приехала прямо к Тургеневу в Париж и привезла свою новую повесть.

В письме к М. М. Стасюлевичу от 24 ноября 1882 года Тургенев писал с тревогой: «С нынешней же почтой отправляется к Вам повесть Л. Я. Стечькиной. Эта бедная девушка находится здесь в крайне тяжелом положении. У ней сильнейшая чахотка, ее доктора посылают на юг — а у ней гроша нет. Но рекомендуя ее повесть для «Вестника Европы» — я вовсе не руководим одним чувством сожаленья — и не милостыни прошу для нее. Повесть эта мне кажется весьма достойной появиться на страницах «Вестника Европы». Будьте так любезны, прочтите ее — и если Вы найдете ее оценку справедливой — и примите повесть — то вышлите часть гонорара теперь же (вот в чем состоит моя

просьба) — вперед. Этим Вы спасете эту девушку, которая заслуживает полной симпатии — и по таланту, и по характеру. Во всяком случае не мешкайте ответом — сделайте это для меня»3.

Положение Стечькиной было очень серьезным. Тургенев это видел. В своем дневнике от 17 декабря 1882 года он записал: «Стечькину — умирающую — отправил в Италию. Были другие полумертвые россияне…»4

Но и самому писателю оставалось несколько месяцев жизни.

В журнале «Литературный вестник» за 1901 год сообщалось: «30 декабря в Одессе, на 50-м году от рождения скончалась Л. Я. Стечькина. Злой грудной недуг (чахотка) подтачивал ее силы целые 30 лет. Блестяще образованная, знавшая языки немецкий и французский, как свой родной, обладавшая широкими познаниями в литературе, истории, психологии и философии, Л. Я- в 1875 году дебютировала в современной печати повестью «Первая гроза» («Русский вестник», июль 1875 г.). Второю и последнею ее работою был роман «Варенька Уль-мина», посвященный И. С. Тургеневу («Вестник Европы» — 1879 года, ноябрь и декабрь). Вскорости по выходе в свет этого романа Л. Я- сломала свое здоровье, ухаживая за больным ребенком, мать которого не желала о нем заботиться. После Л. Я. осталось большое количество писем к ней И. С. Тургенева, который был с нею очень дружен»5.

Во время болезни Стечькиной Тургенев вел переписку с ее матерью. Она касалась главным образом лечения дочери и пересылки денежных средств.

Иван Сергеевич переписывался и с братом писательницы. Известны семь писем, посланные ему Тургеневым. В 1881 году Н. Я- Стечькин посылал Тургеневу свою повесть «Из записок неудавшегося адвоката», про которую Тургенев сказал, что «эта вещь слишком личная». В ней «творчества или, говоря смирнее, обобщения мало».

Н. Я- Стечькин является автором брошюры «И. С. Тургенев и «Московские ведомости» и очерка «Из воспоминаний об И. С. Тургеневе».

Кроме писем, в семье Стечькиных хранились дарственные фотографии Ивана Сергеевича Тургенева и его автографы. Тургеневские письма опубликованы. Но судьба фотографий и автографов — неизвестна.

Прошло более ста лет с тех пор, как Тургенев побывал в алексинской деревне у Стечькиных. Дом в Плутневе, где жила писательница, не сохранился. Разрушен был фашистами в 1941 году и суходольский вокзал, где так радушно был встречен Иван Сергеевич. На этом месте выстроено новое красивое здание

станции Суходол.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Здесь и далее приведены выдержки из кн.: Стечькин Н. Я. «Из воспоминаний об И. С. Тургеневе». Спб., 1903. С. 7, 8, 9, 10.

2 Луканина А. Мое знакомство с И. С. Тургеневым // Северный вестник. 1887. № 3. С. 53–88.

3 Здесь и выше приведены выдержки из кн.: И. С. Тургенев. Письма. В XIII т. Т. XII. Кн. I. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1966. С. 199, 299, 314, 316–317, 359, 392, 408–409, 409–410, 413; кн. 2. С. 47, 89, 163, 180, 183, 274, 299.

4 Лит. наследство. Т. 73. Кн. 1. М., 1964. С. 398.

5 Лит. вестник. 1901. Т. I. Кн. 3. С. 398.

ДОМИК В ПОКРОВСКОМ

На границе колхоза «За власть Советов» с артелью имени Тургенева Чернского района, там, где река Снежедь делает большую петлю и устремляется на юго-запад, на возвышенном ее берегу раскинулось небольшое сельцо Покровское.

Неподалеку от него стоит одноэтажный кирпичный старинный домик. Отсюда взору открываются живописные картины среднерусской полосы с широкими полями, зелеными лугами, перелесками и холмами, рекой, змейкой прокладывающей себе путь, с необъятными далями, уходящими за горизонт. И мало кто знает, что этот домик был свидетелем того, как отсюда, более ста лет назад, красотами русской природы любовались Лев Николаевич Толстой и Иван Сергеевич Тургенев.

Домик в Покровском — единственное здание, уцелевшее от усадьбы, в которой с 1847 года жила сестра великого писателя Мария Николаевна Толстая.

Знакомство И. С. Тургенева с владельцами Покровского состоялось осенью 1854 года. Случилось оно вот при каких обстоятельствах.

С весны 1852 года, отбывая ссылку, Тургенев проживал в Спасском. В один из дней он получил «Современник», в котором было опубликовано первое крупное произведение Л. Н. Толстого «Детство». Тургенев сразу определил, что автор «Детства», несомненно, крупный талант.

В письме от 12 декабря 1852 года родственница Толстых, жившая в их доме, Т. А. Ергольская писала по этому поводу Льву Николаевичу из Покровского на Кавказ: «А теперь поговорим о твоем сочинении, мы его прочли с огромным удовольствием… Твое выступление на литературном поприще вызвало много шума и произвело большое впечатление среди соседей Валерьяна (муж сестры Толстого). Все любопытствовали узнать, кто автор, выступивший в свет с таким успехом. Всех заинтересованнее в этом деле Тургенев, автор «Записок охотника», он у всех расспрашивает, нет ли у Маши брата на Кавказе, который мог бы быть писателем. (Ежели этот молодой человек будет продолжать так, как он начал, говорит он, он далеко пойдет.)»1

Стремление узнать поскорее нового автора и познакомиться с ним привело Тургенева в Покровское. Об этом сообщала Т. А. Ергольская в своем письме от 3 декабря 1854 г. Толстому: «Ты уже слышал от Валерьяна и Машеньки, что они познакомились с Тургеневым, который в восхищении от твоего последнего сочинения, он говорит, что оно наделало много шума во всем

Петербурге, что расхваливают тебя на все лады, и что литераторы предсказывают тебе блестящее будущее».

В ответном письме Толстой писал из Севастополя 6 января 1855 года:

«Николенька мне пишет, что Тургенев познакомился с Машенькой; я в восторге от этого; ежели вы встретитесь с ним у них, скажите Вареньке (дочь М. Н. Толстой. — В. Н.), что поручаю ей поцеловать его от меня и сказать ему, что, хотя я знаком с ним только по его сочинениям, я многое бы хотел ему сказать».

Поездки в Покровское, его знакомство с владельцами сельца оставили заметный след в творчестве Тургенева.

В это время И. С. Тургенев лично с Л. Н. Толстым еще не был знаком. 24 октября 1854 года, захватив с собой только что вышедший в свет свежий номер журнала «Современник», И. С. Тургенев из Спасского отправился в Покровское. В журнале была напечатана повесть Толстого «Отрочество». В беседе с сестрой писателя Тургенев говорил о большом таланте автора новой повести.

Толстой, находившийся в Крымской армии, узнав от родных, что Тургенев приезжал в Покровское, был несказанно обрадован. 21 марта 1855 года он записал в дневнике: «Получил восхитительное письмо от Маши, в котором она описывает мне свое знакомство с Тургеневым. Милое, славное письмо, возвысившее меня в собственном мнении и побуждающее к деятельности»2.

Летом и осенью 1855 года Тургенев продолжал бывать в Покровском. Он привозил сюда свои рукописи и обсуждал их с М. Н. Толстой. Так, первыми слушателями написанного Тургеневым в этом году романа «Ру-дин» были М. Н. Толстая и ее муж. Писатель по совету Толстой внес некоторые изменения в рукописи.

Уезжая осенью в столицу, Тургенев вновь заехал в Покровское. Здесь им 3 октября 1855 года было написано известное письмо Толстому в Крым:

«Я давно собирался затеять с Вами хотя письменное знакомство…. за невозможностью — пока — другого; теперь, уезжая из дома Вашей сестры в Петербург — хочу привести в исполнение это давнишнее намерение… Ваша сестра, вероятно, писала Вам, какого я высокого мнения о Вашем таланте и как много от Вас ожидаю — в последнее время я особенно часто думал о Вас… Ваше орудие — перо, — а не сабля… Я бы много хотел сказать Вам о Вас самих — о Ваших произведениях… Отлагаю все это до свидания личного…»3

Потом, когда Тургенев лично познакомился с Толстым, они

часто вместе приезжали в Покровское. Особенно летом 1856 года. Об этом Толстой упоминает В' своих дневниках. И у Тургенева, и у Толстого в Покровском родились замыслы ряда художественных произведений.

М. Н. Толстая много лет спустя вспоминала: «1855 год Тургенев, кажется, весь провел в Спасском, и наша дружба еще более укрепилась. Мы сошлись еще теснее… Мой муж был такой же страстный охотник, как Иван Сергеевич. С охоты они обыкновенно возвращались к нам и вечер проводили за чтением или беседой. Тургенев читал очень хорошо: просто, вдумчиво, как бы толкуя, но охотнее читал чужое, любимое им, нежели свое… Я помню как он читал нам «Рудина», который и мне и мужу очень понравился. Мы были поражены небывалой тогда живостью рассказа и содержательностью рассуждений»4.

Знакомство Тургенева с М. Н. Толстой вскоре привело к дружеским отношениям между ними. Многие мемуаристы и исследователи утверждают, что некоторые черты М. Н. Толстой Тургенев придал своей героине Вере Николаевне Ельцовой в повести «Фауст». Дочь Толстой Е. В. Оболенская передавала семейное предание о том, что Тургенев так же, как и герой его повести, читал с Марьей Николаевной в беседке. Только не «Фауста», а «Евгения Онегина».

В конце июля 1865 года в Покровском жила Софья Андреевна Толстая. Она была занята перепиской только что написанных глав романа «Война и мир». Толстой в это время отъезжал к знакомым помещикам П. П. Новосильцеву и Н. В. Киреевскому (Орловская губерния). Туда Софья Андреевна адресовала письма из Покровского Льву Николаевичу. В одном из них она писала: «Приехала Машенька, и видно уж такой был вечер… девочки ушли спать, а она мне и Тане (Татьяна Андреевна Берс, свояченица Л. Н. Толстого. — В. Н.) подробно рассказала свой роман с Тургеневым…»

Тургеневского «Фауста» очень высоко ценил Н. А. Некрасов. В письме А. А. Фету от 31 июля 1856 года он писал: «У него огромный талант, и коли правду сказать, — так он в своем роде стоит Гоголя. Я теперь это положительно утверждаю. Целое море поэзии могучей, благоуханной и обаятельной вылил он в эту повесть из своей души»5.

Эта повесть, написанная в 1855 году, была посвящена М. Н. Толстой. Некоторые черты хозяйки Покровской усадьбы Тургенев, видимо, намеревался передать и другой героине своего произведения.

Характеризуя одну из героинь своей «Незавершенной повести», Сабину, Тургенев записал в черновой тетради:

«впечатлительность страшная, — ¦ суеверие и подозрительность; влюбчива и нечувственна (взять кое-что от гр. Толстой)»6.

В Покровское М. Н. Толстой Тургенев написал 25 писем. Письма Марии Николаевны Толстой к Тургеневу, написанные в Покровском, пока неизвестны. В 1948 году в «Летописях государственного литературного музея» (книга XII) опубликовано одно письма Толстой к Тургеневу. В это время Мария Николаевна находилась в Петербурге (февраль — март 1871 года).

«Я случайно узнала, что Вы здесь, — писала Толстая, — и вздумала Вам написать. Не захотите ли Вы меня навестить? Я еду за границу… Очень желала бы Вас видеть, много бы могли Вам сообщить интересного, и Вы, как психолог, могли бы даже извлечь пользу из моих рассказов и могли бы даже оказать мне большую услугу и всей читающей публике, бросающейся с жадностью на каждое Ваше последнее произведение…» Эта уже 40-летняя женщина жаловалась далее на свою размолвку со Львом Николаевичем, со своими уже взрослыми дочерьми.

В километре от Покровского — в деревне Хитрово — находилась усадьба Дельвигов, родственников друга Пушкина поэта А. А. Дельвига. Тургенев и Толстой бывали у Дельвигов. Тургенева особенно интересовала переписка поэтов Е. А. Баратынского и А. А. Дельвига.

…В Государственном музее-усадьбе И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново» хранится книга. Это повести и рассказы Тургенева. На титульном листе дарственная надпись писателя: «Графине М. Н. Толстой на память от Тургенева. С. Пирогово, июнь 1858». Эту книгу Тургенев подарил Толстой во время их встречи (по-видимому, последней) в селе Пирогове (ныне территория Щекинского района). Разойдясь с мужем, Толстая в Покровском в это время не жила. По поводу этого разрыва Тургенев писал П. Виардо 25 июня 1858 года: «Скажу вам в двух словах, что я провел три очень приятных дня у своих друзей: двух братьев и сестры, прекрасной и очень несчастной женщины. Она принуждена была разойтись со своим мужем, своего рода деревенским Генрихом VIII, преотвратительным»7.

В Покровском Тургенев больше не бывал. Но многое там увиденное и подмеченное им нашло отражение в ряде произведений писателя, в том числе и в романе «Дворянское гнездо».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Здесь и ниже цит. по кн.: Толстой Л. Н. Полное собрание

сочинений (юбилейное): В 90 т. М.: Худож. лит., 1935. Т. 59. С. 210, 280, 294.

2 Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого (1828–1890). М.: Худож. лит., 1958. С. 89.

3 Тургенев И. С. Письма. Т. II, М.; Л.: Изд. АН СССР, 1961. Т. II. С. 315–316.

4 Толстая М. Н. Воспоминания о И. С. Тургеневе (в пересказе М. А. Стаховича) // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. I, М.: Худож. лит., 1969. Т. I. С. 247.

5 Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. М.: Изд. АН СССР, 1952. Т. X. С. 287.

6 Мазон А. Парижские рукописи И. С. Тургенева. М.; Л.: Академия, 1931. С. 160.

7 Тургенев И. С. Письма. Т. III. С. 418.

ТАМ, ГДЕ ЖИЛ ОДНОДВОРЕЦ ОВСЯНИКОВ

Героя своего рассказа «Однодворец Овсяников» Тургенев встретил возле Голоплек. Усадьба Овсяникова находилась в пятистах метрах от этого сельца, на ее юго-западной окраине.

В Голоплеках часто бывает Анатолий Андреевич Овсяников. Он родился и вырос в этом сельце, а теперь — директор Русинской восьмилетней школы. Эта школа находится километрах в четырех от Голоплек, на центральной усадьбе колхоза «Родина».

— Много ли проживало в Голоплеках Овсяниковых? — спросил автор этих строк у Анатолия Андреевича.

— Почти вся деревня, — ответил он. А потом, улыбнувшись, добавил: — Мы, наверное, все приходимся родней тургеневскому однодворцу.

Анатолий Андреевич знает много преданий об однодворце, описанном Тургеневым. Эти предания среди Овсяниковых передаются из поколения в поколение.

Недалеко от Голоплек в южном направлении располагалась деревня Борзенки. О ней Тургенев говорит в нескольких своих произведениях, в том числе романе «Новь», а в «Однодворце Овсяникове» называет Березовкой. Немного западнее Борзенок, за куполами больших ракит, еще недавно было несколько домов бывшей деревни Шаламово, той самой, которую писатель упоминает в «Бежином луге», а в рассказе «Однодворец Овсяников» именует Шутоломовой («У шутоломовских крестьян»).

Вся эта территория входит сейчас в состав колхоза «Родина» Чернского района.

Рассказ директора школы напомнил нам многие детали самого произведения, вспомнились статьи и воспоминания, прочитанные в разных источниках об истории написания рассказа «Однодворец Овсяников», материалы, просмотренные в архивах. И захотелось обо всем этом рассказать. Однодворец Овсяников бывал в Спасском. Его хорошо знала мать писателя.

В одном из писем к сыну Варвара Петровна Тургенева (1838 год) сообщала: «Неотвязный Овсяников упросил меня крестить у него дочь».

Тургенев говорит, что с Овсяниковым он познакомился у соседнего помещика «Родилова и дня через два поехал к нему». Сам Овсяников о своем знакомстве с писателем рассказывает

несколько иначе.

В газете «Московские ведомости» от 24 августа 1908 года напечатана корреспонденция, которая называется «И. С. Тургенев на родине». Автор корреспонденции Павел Россиев рассказывает о встрече с прототипом тургеневского героя Павлом Александровичем Овсяниковым, которому уже «было под девяносто» и он лишь «отчасти напоминал однодворца», каким его представил себе Тургенев и изобразил в рассказе.

По утверждению Россиева. Овсяников знал и «одобрял» тургеневский рассказ про него. «Все хорошо, обстоятельно поведал Иван Сергеевич, — рассказывал однодворец, — кроме годов: я в ту пору был много моложе, толстый, крепкий».

Далее однодворец Овсяников вспоминал, как он впервые увидел Тургенева: «Я гречиху снимал, а он на мое поле верхом заехал. Я бы, может, и не заметил потравщика, да с ним собаки были. Одна из них залаяла. Я голову поднял, вижу — барин. Я и стал его укорять: как же это, мол, так чужое поле топтать?

А он извиняется, по случаю, дескать, охоты заехал. С коня долой, подошел ко мне, сам руку подает, а сам все прощения просит. Слово за слово, да так и свели знакомство.

Тогда и он был молодой… Молодой, однако седина уж проглядывала. Я к нему хаживал в Спасское»1.

А есть ли подтверждение тому, что приводимый рассказ однодворца Овсяникова правдив? Да, есть. Это подтверждает сам автор «Записок охотника». Случай во время охоты на гречишном поле, о котором упоминает Овсяников, Тургенев описывает в незавершенном рассказе «Русский немец». Вот отрывок из этого рассказа: «Однажды я вслед за моей собакой вышел в гречишный клин, нисколько мне не принадлежащий… Не успел ступить я несколько шагов, как услышал позади себя громкие крики. Мне никак в голову не могло прийти, что кричат-то собственно на меня, и я преспокойно продолжал со всею тщательностью добросовестного охотника прохаживаться взад и вперед по полю, пока наконец, явственно не расслышал слов: «Да что же это вы, барин, гречиху-то топчете?..» Я обернулся и увидел мужика в армяке, с необыкновенно живописной и волнистой бородой, (который) шел прямо на меня и сильно размахивал руками. Я остановился… Наконец он подошел ко мне. Я извинился. Он поворчал»2.

Не правда ли, какое разительное сходство между словами однодворца Овсяникова и отрывком рассказа? Как утверждают исследователи, над своим незавершенным рассказом Тургенев работал почти одновременно с написанием «Однодворца Овсяникова» (в 1847 году). Отрывок был обнаружен вместе с

другими незавершенными и неизданными произведениями в парижских архивах писателя.

Знакомство писателя с Овсяниковым, встречи с этим человеком и его окружением дали Тургеневу материал не только для рассказа «Однодворец Овсяников», но и для других произведений.

На первой странице своего рассказа писатель как бы мимоходом упоминает: «Говоря вообще, у нас до сих пор однодворца трудно отличить от мужика: хозяйство у него едва ли не хуже мужицкого, телята не выходят из гречихи, лошади чуть живы, упряжь веревочная».

Жизнь однодворцев писатель мог наблюдать здесь же, в Голоплеках, Борзенках, Шаламове и других деревнях, расположенных рядом со Спасским, земли которых перемежались с помещичьими. Между однодворцами и помещиками шла непрекращавшаяся многолетняя борьба за право владеть тем или иным участком земли.

Однодворец Овсяников в рассказе Тургенева говорит: «— А хоть бы, например, опять-таки скажу про вашего дедушку. Властный был человек! Обижал нашего брата. Ведь вот вы, может, знаете, — да как вам своей земли не знать, — клин-то, что идет от Чаплыгина к Малинину?.. Он у вас под овсом теперь… Ну, ведь он наш, — весь как есть наш. Ваш дедушка у нас его отнял; выехал верхом, показал рукой, говорит: «Мое владенье» — и завладел»3.

О землях, что «в даче пустоши Чаплыгиной», упоминается в ряде архивных документов. Эти земли числились за И. И. Лутовиновым, а затем за матерью писателя.

В произведении рассказчик приводит подробности размежевания. Как по этому случаю съехались помещики «в Березовку, по приглашению посредника…» (Березовка очень многим напоминает Борзенки).

В Государственном архиве Тульской области удалось обнаружить ряд дел, которые несколько проливают свет на борьбу однодворцев с помещиками за землю. Вот первое из них: «Об отделении Чернской округи деревни Борзенок однодворческих земель особо от помещичьих к одним местам».

Для разбирательства дело поступило в Чернский уездный суд. На обложке объемной папки из 156 листов записано, что дело начато 3 июля 1831 года и окончено 15 июля 1841 года.

Однодворцы деревни Борзенки предъявляли свои права на земли, которые были при разных обстоятельствах «приобретены» И. И. Лутовиновым и потом оформлены купчими.

Первое прошение однодворца деревни Борзенки Степана

Герасимова Борзенкова (а при нем «поколенная роспись») поступило в уездный суд Черни в 1803 году. Потом подобные прошения поступали периодически в 1805-м и 1806 годах. Но тогда, когда один из богатейших помещиков всей округи И. И. Лутовинов пользовался неограниченной в здешних местах властью, прошения однодворцев просто-напросто подшивались в суде к делу. Этим все и ограничивалось.

После смерти И. И. Лутовинова однодворцы деревни Борзенки вновь обратились с прошениями. Такие прошения поступали от них в 1815, 1829, 1830 и 1831 годах.

В это время Спасское и другие многочисленные имения принадлежали Варваре Петровне Лутовиновой. Получив наследство после смерти И. И. Лутовинова, она предъявила свои права на земли, расположенные в ряде мест в Чернском уезде, в том числе возле деревень Борзенки, Голоплеки, Кальна и других. В 1815 году в своем прошении в Чернский уездный суд дочь «покойного гвардии капитан-поручика Петра Ивановича Лутовинова Варвара» перечисляла все оставшиеся от ее дяди «крепостные акты» на владение многими участками. Владелица Спасского просила все эти документы рассмотреть и утвердить ее права на земли. Она не собиралась уступать однодворцам ни одной десятины.

Шли годы. Тяжба продолжалась. От однодворцев поступали в суд новые прошения. В ответ на это в Спасском находили новые «купчие» и новые «подтверждения» на владение теми землями, на которые претендовали однодворцы. Так появилось в Чернском суде прошение от «полковника Сергея Николаевича Тургенева и жены его Варвары Петровны дочери Тургеневой» от 5 ноября 1830 года. А следующий документ 18 марта 1831 года.

В журнале Чернского уездного суда по поводу этого записано: «По слушании сего прошения приказано прошение приобщить к делу на дачу деревни Борзенок и вписать из представленных в сей суд от просителя поверенного Галкина крепостных документов».

Судебное разбирательство продолжалось, как видно из самого дела, до 1841 года, но безрезультатно для однодворцев4.

Иван Сергеевич не мог не знать об этом деле, потому что он хорошо был знаком с архивами села Спасского. Об этой истории он мог быть наслышан и из других источников. На первой странице дела стоит подпись: «Посредник Тургенев». Им был дядя писателя, Николай Николаевич, с которым Иван Сергеевич в молодые годы был очень дружен. Несомненно, что дядя делился с племянником своими мыслями о делах, с которыми ему приходилось сталкиваться.

В тургеневском произведении племянник Овсянико-ва Митя

рассказывает историю, как «у шутоломовских крестьян сосед Беспандин четыре десятины земли запахал». И как Митя заступился за них, написал «просьбу».

О подобной истории доносил в Тульскую палату государственных имуществ уполномоченный по размежеванию чересполосных земель казны и государственных крестьян в Чернском уезде.

Речь шла о размежевании «однодворческих земель от помещичьих в дачах Чернского уезда села Шаламо-во с пустошами Якушиной и Тювильдиной». Уполномоченный сообщил в губернскую палату государственных имуществ, что дело о размежевании земли однодворцев с помещиками и «самовольный захват последними земель крестьян» разбиралось Чернским уездным судом 20 октября 1831 года.

Суд принял решение, по которому «все владельцы и государственные крестьяне оставлены при наличии ими владения землями». Потом это дело по «апелляции» государственных крестьян села Шаламово находилось в распоряжении Тульской палаты гражданского суда, «из оной при указе 1841 года 7 января за № 671» прислано обратно в Чернский уездный суд для рассмотрения «крепостных прав» владельцев. В уездном суде дело пролежало еще десять лет. А потом было передано посреднику для «полюбовного соглашения всех владельцев на размежевание между ними земли»5.

В рассказе упоминается Микулино («Федосья-то из Микулино»). Эта деревня находится рядом с селом Тургеневе и входит сейчас в состав колхоза имени Тургенева. Микулино (или Никулино) — ее второе название. Первым же было Васильевское.

В Государственном архиве Тульской области хранятся два документа, относящиеся к этой деревне. Один более позднего периода. В нем говорится о купчей, совершенной «1812 года августа 1-го дня» И. И. Лутовиновым с капитаншей М. Ф. Хитрово на продажу последней Лутовинову земли «в сельце Васильевском» и других деревняхб. Второй документ был написан 4 сентября 1858 года. Он был составлен владельцем «сельца Васильевского» подпоручиком А. А. Бессоновым. Во всем сельце проживало двадцать пять человек, земли имелось девяносто семь десятин. Крестьяне занимались «одним хлебопашеством». Подати платили «казенные», работали круглый год «половину на барщину, а половину на себя». Грамотных в сельце не оказалось7.

В первые месяцы Великой Отечественной войны здешние места были оккупированы гитлеровцами. Всего два месяца в тургеневских местах хозяйничали захватчики. Но и за этот срок они причинили людям огромные беды.

На зверства захватчиков советские люди отвечали жгучей ненавистью и презрением, непримиримой борьбой.

В здешних местах в период немецкой оккупации особенно прославился партизанский отряд, находившийся в Голоплеках. Земляки тургеневского героя беспощадно громили захватчиков.

В Голоплеках партизанским отрядом командовал Афанасий Аксенович Овсяников. За боевые действия в тылу врага он был награжден медалью «За отвагу».

В отряд Овсяникова входили все мужчины деревни, способные носить оружие, в основном молодежь, а также некоторые бойцы, вышедшие из окружения.

Уже на десятый день после прихода оккупантов партизанами был уничтожен вражеский танк. А вскоре взорвалась на мине автомашина, на которой гитлеровцы ехали грабить население. Затем последовал налет на немецкий штаб, захват важных документов, разгром вражеского обоза…

Действия партизан вызвали бешенство у гитлеровцев. Немцы решили покончить с отрядом раз и навсегда. Для этой цели в деревню была направлена большая группа карателей. Но, попав в засаду партизан, фашисты, понеся большие потери, были отброшены. Не раз партизанскому отряду из Голоплек приходилось сражаться с врагом, но в течение всей оккупации района бойцы отряда не позволили немцам заходить в Го-лоплеки и окружающие населенные пункты.

Однажды фашисты разослали по всем деревням приказ, требующий от местных жителей сдачи оккупационным властям крупного рогатого скота. За ослушание гитлеровцы угрожали расстрелом.

— Скот оккупантам не сдавать, а угонять в лес, — последовало распоряжение партизанского командования.

Так и сделали.

Позднее партизаны отряда, который состоял в основном из жителей Голоплек и носивших фамилию Овся-никовых, продолжали громить врага, находясь в рядах действующей армии. Многие погибли в боях с лютым врагом, оставшиеся в живых после войны занялись мирным трудом. Иван Алексеевич Овсяников — учитель, Павел Петрович и Петр Алексеевич Овсяниковы — строители, Александр Семенович Овсяников — железнодорожник, Таисия Ивановна Овсяникова — медицинская сестра. А вот Виктор Васильевич Овсяников стал ученым. Он кандидат физико-математических наук. Многие Овсяниковы трудятся в родном колхозе.

Каждое лето бывшие партизаны собираются в родной деревне. И тогда среди Овсяниковых идут долгие беседы о былых

походах, о том, как они с оружием в руках сражались за свой родной тургеневский край, за Родину.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Московские ведомости. 1908. 22 авг. № 194.

2 Лит. наследство. Т. 73. Кн. I. М., 1964. С. 26.

3 Тургенев И. С. Сочинения: В XV т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 5963. Т" IV. С. 64.

4 ГАТО, ф. 24, оп. 1, д. 73, св. 13, л. 12, 13, 97, 104.

5 ГАТО, ф. 83, оп. 2, д. 264, св. 54, л. 7, 8. е ГАТО, ф. 24, оп. 1, д. 73, св. 13, л. 14.

7 ГАТО, ф. 51, оп. 26, д. 405, св. 33,/л. 301–302.

«САМЫЙ БЛИЗКИЙ ЧЕЛОВЕК»

Так называл Тургенев своего соседа, молодого дворянина Василия Каратеева. Каратеев являлся автором незавершенной и неопубликованной повести «Московское семейство», которая послужила основой для сюжета романа Тургенева «Накануне».

В многочисленных тургеневских сборниках и других источниках о Каратееве ничего не сказано. Не указана даже дата его рождения. Нам также продолжительное время ничего существенного не удавалось найти об этом человеке. И лишь совсем недавно в архивах были обнаружены документы, которые в какой-то мере могут характеризовать Каратеева, явившегося в годы деревенской ссылки Тургенева «самым близким» писателю человеком.

«Ко мне он ездил часто, — говорит писатель о Каратееве, — и его посещения доставляли мне почти единственное развлечение и удовольствие в тогдашнюю, для меня не слишком веселую, пору».

В доме Каратеевых в те годы бывал и Тургенев. Усадьба Каратеевых находилась недалеко от Спасского, на правом возвышенном берегу Снежеди в сельце Лобанове Чернского уезда, что в восьми километрах от села Тургенева, вниз по течению реки.

Теперь здесь одна из бригад колхоза «Родина». Там, где стоял деревянный одноэтажный дом Каратеевых, сейчас находится жилое здание. От старой усадьбы уцелели густые кусты сирени. Они окаймляли барский сад по земляному валу. Сад был размещен на ровном квадрате гектара в два. От липовой аллеи, которая вела к дому, сохранилось несколько старых деревьев.

Места эти живописные. Во времена Тургенева почти к самой деревне подступал лес. Теперь он отошел далеко. Левый берег извилистой реки возвышенный, холмистый. По правому на большом расстоянии тянутся заливные луга, а за ними идут пашни, перелески, пробегают проселочные дороги.

Первое упоминание о Каратееве встречается в письме Тургенева к С. А. Миллер (будущей жене писателя А. К. Толстого) от 12 октября 1853 года: «У меня есть сосед, — сообщает писатель, — в пятнадцати верстах с музыкальными наклонностями, — его сестра даже очень бойко играет на фортепианах…» Более подробно о Каратееве писатель сообщает П. В. Анненкову в письме от 20 ноября 1853 года: «У меня здесь есть сосед, некто Каратеев, малый лет 22, очень неглупый — хоть и глуздырь пока. В нем очень много симпатического — но он немножко церемонится слишком».

Летом 1854 года в Спасское приезжал Н. А. Некрасов. Видимо, здесь состоялось его знакомство и с Ка-ратеевым. В письме Н. А. Некрасову от 29 октября 1854 года Тургенев писал: «Я привезу с собою небольшую, но очень недурную повесть Каратеева (которую ты у меня видел)».

После Некрасова в Спасском побывали литератор В. П. Боткин, писатели А. В. Дружинин и Д. В. Григорович. Как видно из дальнейшей переписки с ними Тургенева, они тоже успели познакомиться с Карате-евым. 17 июня 1855 года Тургенев пишет В. П. Боткину: «Каратеев не приезжал… Помнишь: «Ах Василий — о Василий!». На Дружинина Каратеев тоже произвел впечатление. «Что делает Каратеев (о Василий!)»1, — спрашивает он у Тургенева в письме от 28 июля 1855 года. О тех днях, когда у Тургенева в Спасском находились столичные гости, он писал, что «…мы очень весело проводим время, затеяли домашний театр…». Часто бывал в Спасском и Каратеев. Его беседы с писателями оставили у них определенное впечатление об этом человеке.

Кто же таков Каратеев и почему он обратил внимание на себя не только Тургенева, но и писателей «Современника»?

В печатных источниках о Каратеевых сообщается совсем немногое.

«Каратеев Владимир Васильевич, инженер подполковник, чернский помещик», — пишет тульский историк И. Афремов об отце В. Каратеева в своей книге «Историческое обозрение Тульской губернии» (Часть первая. Москва, 1850).

В Государственном архиве Тульской области хранится список потомственных дворян Чернского уезда, «имевших право участвовать в выборах через уполномоченных» в 1837 году. В нем значится капитан Владимир Васильевич Каратеев, 37 лет, за которым числилось 72 крепостных. В списке от 11 сентября 1852 года упоминается подполковник В. В. Каратеев. Других данных об отце Василия Каратеева найти пока не удалось. Зато о самом Василии собран ряд материалов.

Перед нами «Дело по рапорту Чернского посредника об определении в канцелярию его на вакансию писца неслужащего дворянина Василия Владимировича Каратеева».

Дело это начато 19 июля 1854 года, когда Карате-евым уже была написана повесть «Московское семейство», о которой упоминает Тургенев. И думается, что на эту должность (лишь бы числиться на службе) Каратеев был определен не без содействия писателя.

Из рапорта чернского уездного посредника и других документов, находящихся в деле, стали известны некоторые штрихи биографии Каратеева.

19 июня 1854 года посредник писал в Тульскую губернскую посредническую комиссию (комиссия занималась размежеванием владельцев земель и разбором земельных споров): «9-го числа сего июня в поданном ко мне неслужащий дворянин Василий Владимирович Ка-ратеев прошении объяснил, достигнув совершеннолетия и окончив полный курс учения в Московском дворянском институте с правом на чин XIV класса при вступлении в гражданскую службу при канцелярии моей на вакансии старшего писца»2.

Далее идет перечень документов, которые представил Каратеев. Это: копия с протокола о дворянском происхождении его, аттестат Московского дворянского института, «данный ему в окончании курса учения 30 июня 1849 г. за № 470», и свидетельство о времени «рождения и крещения его, данная 2-го Морского полка полковым священником Гавриилом Климентовым 20 июля 1832 года за № б»3.

Эти сведения несколько расходятся с теми, которые приводятся Тургеневым «В предисловии к романам». Прежде всего, неверно указан возраст Каратеева. По свидетельству документа, в 1855 году ему было не 25, а 23 года. Далее писатель отмечает, что Каратеев воспитывался в Московском университете. На самом деле Каратеев учился в Московском дворянском институте, который считался закрытым мужским средним учебным заведением для детей дворянского происхождения. Таким образом, после окончания института, когда Ка-ратееву было 17 лет, и до поступления на должность старшего писца в канцелярию чернского посредника в 1854 году, пять лет он числился «неслужащим дворянином».

В академическом издании Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева год рождения В. В. Каратеева поставлен условно «1830?». Теперь нам известна точная дата его рождения.

В канцелярии уездного посредника Каратеев прослужил всего год. Это — вторая половина 1854-го и первая половина 1855 годов. По представлению тульской посреднической комиссии в инспекторский департамент гражданского ведомства, из Петербурга пришло распоряжение об утверждении Каратеева в должности «канцелярским чиновником в канцелярию посредника полюбовного размежевания земель Чернского уезда с 27 июля 1854 года, с чином коллежского регистратора»4.

В архиве есть несколько дел чернского посредника, оформленных рукой Каратеева. Он знал много историй «полюбовного» размежевания земель среди помещиков, однодворцев и крестьян. И очевидно, рассказывал о них со всеми подробностями в Спасском. И не этими ли рассказами Каратеева

были восхищены Тургенев и его петербургские гости, когда восклицали: «Ах Василий — о Василий!»

В формулярном списке о службе на «старшего писца Чернского посредника I разряда Василия Владимировича Каратеева», составленного в 1855 году, находим новые о нем данные. Записано, что Каратеев 23 лет, знаков отличия не имеет, жалованья получает 80 рублей в год. Упоминается, что за родителем его полковником Владимиром Васильевичем Каратеевым числится деревня Лобаново, Мацнево тож (Чернский уезд Тульской губернии), 99 душ, 350 десятин земли. Земля и крепостные имелись в Орловской и Курской губерниях. Записано далее, что под судом и следствием он не был, холост.

Во время крымской войны приказом по подвижному ополчению 23 апреля 1855 года Каратеев был определен в Тульское ополчение в Чернскую дружину № 88 прапорщиком.

Список офицеров, входивших в состав Чернской дружины был опубликован в газете «Русский инвалид» в номере от 28 апреля 1855 года. Среди других была названа фамилия и прапорщика Каратеева. Тургенев ошибочно писал, что Каратеев служил в Орловском ополчении. Вместе с дружиной 22 июля 1855 года Каратеев выступил в поход в Крым. Тургенев об этом сообщал писателю А. В. Дружинину в письме от 20 августа 1855 года: «Бедный Каратеев был у нас накануне выступления в поход с ополчением. Мы проводили его с шампанским — и пожелали ему всех благ. Он был очень мил — и комически забавен, хотя и самому ему было грустно — и мы грустили о нем».

В формулярном списке о службе сообщается, что вместе с ополчением Каратеев 21 сентября 1855 года прибыл в лагерь при Чонгарском мосту для возведения береговых укреплений. С 27 ноября он находился на работах в траншеях под неприятельским огнем. 9 февраля 1856 года был переведен в село Акимовку, откуда выступил в обратный путь. В Чернь прибыл 9 августа 1856 года. После увольнения со службы в ополчении Каратеев был зачислен сверхштатным чиновником при канцелярии Тульского гражданского губернатора.

Во время службы в ополчении Каратеева Тургенев не переставал им интересоваться. В письме к В. П. Боткину от 11 июня 1856 года он писал: «Каратеев еще не вернулся, но по слухам цел и невредим». А когда Каратеев прибыл в свою усадьбу, Тургенева в Спасском уже не было. Не приехал он в Россию и в 1857 году. Каратеев вновь встретился с Иваном Сергеевичем лишь в 1858 году. В Спасское Тургенев приехал в июне и прожил здесь до ноября. В своих письмах за этот период писатель не упоминает о Каратееве. Но надо думать, что после трехлетнего перерыва со

времени их последней встречи, они не могли не стремиться побыстрее свидеться. Тургеневу было интересно узнать, как изменился его молодой сосед за прошедшие годы, послушать от него уездные и губернские новости. Все располагало к тому, чтобы Иван Сергеевич и Каратеев, жившие поблизости друг от друга, не единожды обменялись дружескими визитами.

Во всяком случае об одной встрече писателя с Ка-ратеевым мы можем утверждать точно.

1 сентября 1858 года в Туле проходило губернское дворянское собрание для выборов членов губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян. На собрании выступали две группы дворян: консервативная и либеральная. Представители последней составили свое, особое «мнение», по вопросу об освобождении крестьян. Этот документ был потом опубликован в «Современнике» (№ 12, 1858). Под ним стояли подписи 105 дворян, в том числе Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и В. В. Каратеева.

Вопрос освобождения крестьян от крепостной зависимости был жгучим. Больше других он занимал Тургенева. Надо считать, что свою подпись под «мнением» Каратеев поставил не без влияния Ивана Сергеевича.

К этому времени относится один документ, написанный собственноручно Каратеевым, который значительно расширяет наши знания об этом человеке. Документ, этот называется: «Сведения о состоянии имения, принадлежащего губернскому секретарю Василию Владимировичу Каратееву Чернского уезда сельца Лобанова, Мацнево тож». Сверху титульного листа дата — «4 сентября 1858 г.».

Данные составлены в форме ответов на вопросы, которые высылались помещикам за подписью губернского предводителя дворянства. Ответы на шестнадцать поставленных вопросов каждый землевладелец должен был доставить уездному предводителю дворянства в спешном порядке.

Документ написан черными чернилами, одной рукой (от начала и до конца). Изложение ответов свободное, грамотное. Почерк размашистый, твердый, разборчивый.

В конце документа той же рукой подписано: «Помещик сельца Лобаново, Мацнева тож губернский секретарь Василий Владимирович сын Каратеев».

Сомнений быть не может. Документ составлен самим владельцем сельца.

Каратеев писал, что «крестьяне работают на барщину за известное количество земли, предоставленное в их пользование». Живут они «в двадцати отдельных избах, при каждой из которых

находятся их клети, сараи, одним словом, все хозяйство».

«Земли я не нанимал и не отдавал в наймы», — заявлял владелец сельца Лобаново. Крестьяне сельца занимались хлебопашеством и плотничеством. В зимнее время ходили в извоз.

Далее Каратеев пишет, какие исполняют повинности тягловые крестьяне и какие дворовые. Любопытная деталь. Часть дворовых находилась на оброке. То же самое было и в Спасском у Тургенева5.

Много лет спустя Тургенев писал о своем соседе: «Каратеев заставлял себя заниматься хозяйством, в котором ровно ничего не смыслил…»

Зиму 1859 года Тургенев находился в Петербурге. Сюда до него дошло известие о тяжелом заболевании Василия Каратеева.

«Как жалко, однако, милого Каратеева! По всем известиям, он если не умер, то уже безнадежен… Горько!» — писал Иван Сергеевич в письме к знакомому помещику И. В. Павлову от 15 февраля 1859 года.

В конце марта Тургенев возвратился из Петербурга в Спасское. Его предположение в отношении Каратеева оправдалось. 27 марта 1859 года он пишет к своей знакомой графине Е. Е. Ламберт: «Я нашел здесь все в прежнем виде; только смерть, к истинной моей горести, похитила в мое отсутствие почти единственного нашего соседа, очень милого и доброго молодого человека, по имени Каратеева… Смерть уносит людей, не разбирая».

О своей горести писатель спешит уведомить всех близких и знакомых. В тот же день он написал И. В. Павлову, делясь своим переживанием: «А бедный Каратеев?..»

Известил об этом Тургенев и Полину Виардо. 31 марта (12 апреля) 1859 года он писал ей в Париж: «Единственный сосед, которого мы имели, добрый и милый малый, недавно умер. Грустно мне вспоминать об этом».

Более подробно о смерти Каратеева Тургенев рассказывает в письме к своей знакомой В. Я. Карташевской (31 марта 1859 года). Здесь же он делится и своими литературными планами: «Я теперь занят планом повести, мысль которой извлечена мною из одного рассказа Каратеева — и, если я ее кончу, посвящу ее его памяти. — В одном лице я постараюсь изобразить его самого».

А какова же судьба повести Каратеева «Московское семейство»? Еще при жизни автора Тургенев делал попытку опубликовать повесть в «Современнике». Об этом упоминает в своих воспоминаниях П. В. Анненков. Но редакторы журнала сочли повесть недоработанной. Иван Сергеевич делал еще одну

попытку напечатать произведение Каратеева с помощью журналиста С. С. Дудышкина, у которого, по заявлению писателя, она и осталась. Дальнейшая судьба этой повести неизвестна. Возможно, и сейчас она находится где-то в архивах. Для исследователей творчества Тургенева рукопись повести Каратеева представляет несомненный интерес.

По свидетельству исследователей, началом работы Тургенева над романом «Накануне» является январь 1858 года. Уже тогда (Каратеев еще был жив) в списке действующих лиц нового романа значится имя Каратеева. В этом же списке один из героев назван Кон-дауровым. И тут небезынтересно вспомнить замечания известного исследователя творчества Тургенева профессора А. Мазона. Он говорит, что произведения Тургенева «тысячами уз связаны с действительностью. Персонажи его в некоторой части — лица живые: имена знакомых, друзей, родных перемешаны с именами вымышленными. Списки действующих лиц испещрены намеками на живых лиц»6.

Фамилия Кондаурова не выдумана писателем. Она принадлежала реальному лицу.

В 1854 году чернским уездным дворянским предводителем было направлено дело в губернское дворянское собрание «О неповиновении своей матери» отставного юнкера Ивана Андреева Кондаурова. Дело это было шумным… О нем должен был знать и Каратеев. В это время он уже служил в канцелярии уездного посредника. Через канцелярских служащих все уездные дела ему хорошо были известны. А главное то, что Кондауров был сосед Каратеева, усадьба которого находилась в пяти километрах от сельца Лобанова. Подробности «дела» Кондаурова Тургенев мог узнать от Каратеева. И возможно, какие-то черты сына-«бунтаря» вызвали интерес у писателя. Во всяком случае фамилия Кондаурова запомнилась Ивану Сергеевичу.

В своем «Предисловии к романам» Тургенев дает такую характеристику Каратееву: «…Романтик, энтузиаст, большой любитель литературы и музыки, одаренный притом своеобразным юмором, влюбчивый, впечатлительный и прямой…, особенно любил чтение да разговоры с людьми ему симпатичными»7. Такими чертами писатель наделил и одного из героев романа «Накануне» — Шубина. В этом утверждении сходятся многие тургеневеды, в их числе и известный советский литературовед Н. Л. Бродский.

Как видно из писем Тургенева, Каратеев умер в марте 1859 года. В то время ему еще не исполнилось 27 лет. Похоронили Василия Каратеева на отдаленном сельском кладбище близ деревни Лапино, окруженном со всех сторон березовой рощей. С

тех пор прошли годы, целые десятилетия. Могилу его теперь уже трудно найти, она ничем не отличается от других. Но вечным памятником молодому «романтику» будут бессмертные творения великого писателя.

И многие поколения людей с благоговением будут читать слова одного из тургеневских героев, сказанные им от имени людей иной эпохи, к которой принадлежал и Василий Каратеев: «Играйте, веселитесь, растите молодые силы, жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить: вам не придется, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о том, как бы уцелеть — и сколько из нас не уцелело! — а вам надобно дело делать, работать, и благословение нашего брата, старика, будет с вами».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Тургенев и круг «Современника». М; Л.: Академия, 1930. С. 184–185.

2 ГАТО, ф. 81, он. 1, д. 465,св. 23, л. 1, 2.

3 Там же.

4 Там же, л. 9.

5 ГАТО, ф. 51, оп. 26, д. 405, св. 33, л. 358–363.

6 Мазон А. Парижские рукописи И. С. Тургенева. М.; Л.: Академия, 1930. С. 45.

7 Тургенев И. С. Сочинения: В XV т. М; Л.: Изд. АН СССР, 1966. Т. XII. Кн. 1. С. 304, 305.

НА ИСТЕ, У МАЛИНОВОЙ ВОДЫ

На этой реке и в ее окрестностях писатель бывал много раз. Места здесь лесные, охотничьи, входившие во времена Тургенева в состав бывшего Белевского уезда, а теперь это территория Арсеньевского района Тульской области. Иста берет начало вблизи поселка Первомайский, протекает через весь район, разделяя его на две части, и ниже села Большие Голубочки впадает в Оку.

Поездки на Исту, встречи с людьми разных сословий, вдумчивые наблюдения послужили писателю богатым материалом для его произведений. Читателям хорошо известны рассказы Тургенева «Ермолай и мельничиха» и «Малиновая вода». В первом писатель дает подробную характеристику самой реке, а во втором — источнику под названием Малиновая вода.

Жители тургеневских мест хорошо знают дорогу на Исту, к знаменитому источнику. После тургеневской усадьбы Спасского путь надо держать на Кальну. Возле села Костомарове откроется панорама Снежеди, с густыми зарослями кустарника по берегам, с прибрежными лугами, с раскинувшимися по обеим сторонам реки многими деревнями. Здесь и Юдины Выселки, те самые, которые упоминаются в рассказе «Касьян с Красивой Мечи». В этой деревне автор «Записок охотника» встретил Касьяна, переселенного из ефремовских мест.

После Костомарова начинаются Троицкие леса, упоминаемые в письмах и некоторых произведениях писателя. Лес подходит к самой окраине большого села.

…Медленно текут воды реки Зуши. Правый берег крутой, высоко дыбится над водной гладью своими коричневыми оползнями, поросшими мелкой зеленью.

На такой круче стоит село Троицкое (или, как его называют, Троицкое-Бачурино), находящееся в самом юго-западном углу Чернского района.

Красивые здесь места. У окраины села с северо-восточной стороны Снежедь впадает в Зушу. А та, в свою очередь, вдоволь погуляв меж холмов, зеленых лугов и кудрявых кустарников, могучим потоком вливается в красавицу Оку.

История села уходит далеко в глубь веков. Отметил в своих произведениях село и Тургенев. Здесь, через Троицкое, когда-то пролегал белевский большак, по которому приходилось проезжать и писателю, заметившему в рассказе «Малиновая вода»: «Проезжающие по большой орловской дороге молодые чиновники и другие незанятые люди (купцам, погруженным в

свои полосатые перины, не до того) до сих пор еще могут заметить в недальнем расстоянии от большого села Троицкого огромный деревянный дом в два этажа, совершенно заброшенный, с провалившейся крышей и наглухо забитыми окнами, выдвинутый на самую дорогу. В полдень, в ясную, солнечную погоду, ничего нельзя вообразить печальнее этой развалины. Здесь некогда жил граф Петр Ильич, известный хлебосол, богатый вельможа старого века».

«Богатый вельможа» — это владелец села — полковник в отставке В. И. Протасов. В 1793–1795 годы Протасов был предводителем дворянства в Чернском уезде. О мотовстве и «бурной» жизни Протасова и поныне рассказывают местные старожилы.

В личном архиве тургеневеда Н. М. Чернова (г. Москва) хранится дневник семьи Протасовых. В дневнике есть строки, свидетельствующие о расточительстве бывшего владельца села Троицкого.

За Троицким протекает маленькая речушка Саль-ница, а затем начинается село со странным названием — Тшлыково, которое вместе с селом Троицкое входит теперь в состав крупного колхоза «Путь Ильича».

И Тшлыково не забыл писатель. Один из его героев повести «Два приятеля» сообщает своим собеседникам, что «в Шлыкове падеж». В просторечии село и сейчас называют «Шлыково», как в повести у Тургенева.

«После Тшлыкова пойдут леса, а за деревней Поляны недалеко и до Исты», — рассказывают старожилы местного края. Иста небольшая, но веселая река. Ее песчаные берега густо заросли кустарником. В своем рассказе «Ермолай и мельничиха» Тургенев так описывает эту реку: «У многих русских рек, наподобие Волги, один берег горный, другой луговой; у Исты тоже. Эта небольшая речка вьется чрезвычайно прихотливо, ползет змеей, ни на полверсты не течет прямо, и в ином месте, с высоты крутого холма, видна верст на десять с своими плотинами, прудами, мельницами, огородами, окруженными ракитником и гусиными стадами. Рыбы в Исте бездна, особливо головлей (мужики достают их в жар из-под кустов руками)».

Говорят, что внешне Иста как будто со времен Тургенева мало чем изменилась, если не считать, что на реке не осталось ни одной мельницы и запруды. По рассказам местных жителей, изрядно поубавилось в реке и рыбы.

В нижнем течении реки на ее правой стороне — дома жителей деревни Протасове, а километрах в трех от нее, каждый, кто попадет в эти места, встретит большое село. Это Комарево.

Название знакомое. Комаревские болота, места, где охотился Иван Сергеевич.

Эпизоды из охотничьей жизни Тургенева подробно описывает журналист, автор книги «Черты из жизни И. С. Тургенева» И. Ф. Рында. Вот один из них.

Как-то чернские помещики, соседи Тургенева, Кривцов и Черемисинов из Шлыковских кустов приехали на Комаревские болота с намерением переночевать, а потом «взять утреннее поле». Еще раньше из Парахин-ских кустов сюда же приехал Тургенев и остановился в одной из изб. К этой же избе подъехали Кривцов и Черемисинов. Узнав, что здесь находится Тургенев, охотники собрались уезжать, но Иван Сергеевич оставил их. А утром бросили жребий, кому куда идти. Так и разошлись в разные стороны1.

Тургенев имел несколько ружей. Но было у него, как пишет И. Ф. Рында, одно «тульское, сделанное ему по заказу. Этим ружьем Иван Сергеевич всегда хвалился и по поводу его фантазировал, чего может достичь отечественное производство»2.

Многие годы бессменно егерем у Тургенева был Афанасий Тимофеевич Алифанов, бывший крепостной чернских помещиков Черемисиновых, а затем Глаголева. Современники Тургенева рассказывали историю выкупа писателем Алифанова, находившегося на оброке. Для этого требовалась тысяча рублей ассигнациями. Тургенев дал нужную сумму с условием, чтобы Алифанов «откупился на волю с семьей».

В лесу недалеко от Спасского стоял домик Афанасия с пристройками для охотничьих собак. Вместе с писателем Алифанов совершал многоверстные походы, выезжая в разные места на охоту. Афанасий явился прототипом Ермолая в рассказе «Ермолай и мельничиха» и других произведениях.

В селе Ползиково и в окрестных деревнях Чернского района, откуда происходил егерь Тургенева, до последнего времени проживало несколько семей Алифановых.

На Исте и в ее окрестностях во время охотничьих походов Тургенев встречал на пути много сел и деревень. Отдельные из них ему особенно запомнились и потом использовались в работе над художественными произведениями. Иногда получалось так, что своих героев писатель наделял фамилиями по названию того или иного села или деревни. В среднем течении Исты, на ее правом, возвышенном и каменистом берегу раскинулось большое село Литвиново. Можно предположить, что название села помогло писателю дать фамилию одному из главных героев романа «Дым» — Литвинову.

В нескольких километрах от тех мест, где берет начало Иста,

есть село с довольно звучным названием — Рудино. Думается, что это название знал Тургенев, когда работал над романом «Рудин». Стоит зачеркнуть в слове «Рудино» последнюю букву, как мы получим фамилию главного героя названного романа.

В рассказе «Малиновая вода» упоминается мужик Влас, который ходил в Москву, к барину, чтобы тот «оброку сбавил, аль на барщину посадил». А барином тем был «граф… Валериан Петрович». Не намек ли здесь на Валериана Петровича Толстого, имение которого Покровское находилось невдалеке от Спасского?

Сам В. П. Толстой Чернскому предводителю дворянства о повинностях своих крепостных сообщал следующее: «Они обязаны были половину недели работать на барина. Кроме того с каждого крестьянского двора в пользу помещика поставлялось по барану, гусю, поросенку, по три курицы, по пятнадцати яиц и по три фунта коровьего масла. Женщины кроме поля и гумна работали в саду и в огороде, пряли пряжу»3. И многое еще они обязаны были делать на барина.

Каждому, кто задумает совершить поход по тургеневским местам, в среднем течении Исты, на ее левом холмистом берегу попадется небольшой поселок, который называется Колодези. А причиной такому названию является обилие замечательных ключей. Вода в них изу-"мительно чистая, вкусная — «малиновая», — как говорят старожилы. И один из источников поэтому носит название «Малиновая вода».

Одни утверждают, что находится он на окраине Колодезей, другие относят его местоположение на противоположный берег Исты.

Сам же писатель о знаменитом источнике говорит следующее: «Кое-как дотащился я до речки Исты, уже знакомой моим снисходительным читателям, спустился с кручи и пошел по желтому и сырому песку в направлении ключа, известного во всем околотке под названием «Малиновой воды». Ключ этот бьет из расселины берега, превратившейся мало-помалу в небольшой, но глубокий овраг, и в двадцати шагах оттуда с веселым и болтливым шумом впадает в реку»4.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Рында И. Ф. Черты из жизни Ивана Сергеевича Тургенева. "Спб., 1903. С. 46.

2 Там же. С. 49.

3 ГАТО, ф. 51, оп. 26, д. 405, св. 33, л. 592.

4 Тургенев И. С. Сочинения: В XV т. М.; Л.: Изд. АН СССР,

1963. T. IV. C. 33.

МЕЛКОПОМЕСТНЫЕ СОСЕДИ

В «Записках охотника» Тургенева подробно описана жизнь мелкопоместных дворян. Этой теме посвящен и рассказ «Чертопханов и Недопюскин» (Современник. 1849. № 2).

Вот как Тургенев описывает усадьбу своего героя из этого рассказа:

«Несколько дней спустя после первой моей встречи с обоими приятелями отправился я в сельцо Бессоново к Пантелею Еремеичу. Издали виднелся небольшой его домик; он торчал на голом месте, в полуверсте от деревни, как говорится, «на юру», словно ястреб на пашне. Вся усадьба Чертопханова состояла из четырех ветхих срубов разной величины, а именно: из флигеля, конюшни, сарая и бани. Каждый сруб сидел отдельно, сам по себе: ни забора кругом, ни ворот не замечалось».

Чтобы картина была полной, писатель делает еще несколько мазков:

«Жилище господина Чертопханова являло вид весьма печальный: бревна почернели и высунулись вперед «брюхом», труба обвалилась, углы подопрели и покачнулись, небольшие тускло-сизые окошечки невыразимо кисло поглядывали из-под косматой, нахлобученной крыши: у иных старух-потаскушек бывают такие глаза».

Бессоново писатель не выдумал. Оно находилось в двух верстах от села Тургенево, на холме, с левой стороны Снежеди. Сельцо это больше было известно под названием Васильевского. Именовали его и Бессоново, по фамилии владельцев. Старожилы утверждают, что усадьба Бессоновых, расположенная «на юру» с полуразвалившимися постройками, во многом напоминала ту, которая описана Тургеневым в его рассказе.

Владелец Бессоновки, как и тургеневский герой, был наделен «сумасбродной отвагой» и буйным характером. В подтверждение сказанного сошлемся на письмо Варвары Петровны Тургеневой к сыну. Вот что она писала Ивану Сергеевичу 9 августа 1841 года:

«Милый друг Ваничка, я здорова, но!.. Только не очень довольна. 6-го числа я причащалась и была обеспокоена пьяным дворянином…, который приехал или пришел пешком меня поздравить… Его хотели вывести, он дрался, меня перепугал… скверно, скверно. Этого бы не было, но! Дядя… позволил себе более, чем бы позволили… будучи предводитель, он толкнул Бессонова, тот полетел — я обмерла, он вскочил и бросился на дядю… Скандилезно… в благородном доме, в праздник, в день моего причащения, были гости, Протасов с женою. Дядя

опомнился и целый день был как потерянный»1.

Описанное Варварой Петровной не требует особых пояснений. Это довольно яркая, но не единственная картинка могла быть использована для биографии одного из героев рассказа — Чертопханова.

«Чертопханов, Паытелей Еремеич, — читаем в рассказе, — слыл во всем околотке человеком опасным и сумасбродным, гордецом и забиякой первой руки».

Эта характеристика целиком и полностью относилась и. к соседу Тургеневых Бессонову. Это было в начале 1844 года. Подходило время дворянских выборов. Тульский губернский предводитель дворянства потребовал от уездных предводителей представить списки дворян, находившихся под судом и следствием. Чернский предводитель дворянства Н. Н. Тургенев, дядя писателя, не. замедлил выслать данные на таких лиц. Среди них мы находим и Александра Афанасьевича Бессонова. Он привлекался уездным земским судом за буйство в пьяном виде в усадьбе своего соседа Череми-синова и за то, что отнял у работника чернского мещанина Петра Ситникова лошадь.

У Бессонова есть и другие сходства с Чертопхановым. «Служил он весьма недолгое время в армии, — пишет Тургенев о своем герое, — и вышел в отставку «по неприятности», тем чином, по поводу которого распространилось мнение, будто курица не птица».

Военная карьера Бессонова, как и Чертопханова, не удалась. В формулярном списке о службе значится, что Бессонов был в школе подпрапорщиков, но «за нерадение к наукам и ненадежное поведение разжалован в рядовые с определением в резервный батальон…». «Неприятность» у Бессонова вышла и в том, что за клевету на офицера своей части и какую-то дикую выходку он находился под следствием «с выдержкой на гауптвахте».

Наконец, начальству, видимо, надоело возиться с Бессоновым. Ему «по высочайшему повелению» был присвоен чин прапорщика, а потом он был «уволен от службы по домашним обстоятельствам…».2

Напрашивается вопрос, каким образом писатель мог узнать такие подробности из биографии Бессонова? Об этом, видимо, рассказал Ивану Сергеевичу дядя, Николай Николаевич. Будучи предводителем дворянства в Чернском уезде, он о всех делах дворян своего уезда был хорошо осведомлен. И, конечно, о том, что знал по службе, рассказывал в семейном кругу.

Бессонов, уйдя в отставку, поселился в маленьком отцовском имении Васильевском. Наследство отставной прапорщик получил незавидное. Кругом одни долги.

В письме от 25 июня 1842 года Варвара Петровна сообщала Ивану Сергеевичу, что Бессонов половину своего имения предлагает продать им, Тургеневым. А другая его часть «будет продаваться с аукциона за долги». «…И хотя я, — пишет Тургенева, — чрезвычайно бы хотела иметь бессоновское имение… но мысль, что помещик принужден был продать [его] богатым людям как будто будучи притесняем предводителем, мне неприятна».

От полного разорения Бессонова, видимо, спасла женитьба. В 1858 году Бессонов сообщал уездному предводителю дворянства о состоянии своего имения. В Васильевском за Бессоновым числилось двадцать пять душ. «Крестьяне отбывают господские повинности тяглами, которых существует в настоящее время шесть». Крепостные трудятся круглый год: половину — на барина, половину — на себя, особенно интенсивно работа происходит в период с половины апреля по 1 сентября.

«Земли в сельце Васильевском девяносто семь десятин. Все означенные земли отмежеваны особо и состоят в одних окружных межах».

Документ этот собственноручно составил и подписал «подпоручик Александр Афанасьевич Бессонов»3.

Теперь, когда мы знаем, что прототипом Чертопханова послужил в какой-то мере и сосед Тургеневых Бессонов, напрашивается вопрос, а как же Бессонов, неужели он не узнал себя в рассказе? Здесь мы можем ответить словами самого Тургенева: Бессонов, как и многие другие мелкопоместные соседи писателя, были «не из числа читающих».

Мелкопоместным отведено определенное место и в рассказе «Однодворец Овсяников». Однодворец делает вывод из своих наблюдений: «Мелкопоместные — все либо на службе побывали, либо на месте не сидят…» Главный персонаж рассказа довольно образно рисует сцену съезда местных помещиков по поводу размежевания земель.

«…Первый забуянил Овчинников Порфирий… И из чего буянит человек?.. У самого вершка земли нету: по поручению брата распоряжается… Марфу Дмитриевну обидел кровно. Та кричит: «Как вы смеете мою репутацию позорить?» — «Я, говорит, вашей репутации моей бурой кобыле не желаю». Насилу модерой отпоили».

Запомним слова в отношении «репутации» Марфы Дмитриевны.

В Государственном архиве Тульской области хранятся донесения чернского предводителя Тургенева на дворян, «бывших под судом и ныне находящихся под следствием». Вот одно из

таких донесений: «Прапорщик Петр Иванович Беленков — за поношение чести дворянской дочери Жиленковой. По решению правительствующего сената выдержан под караулом три дня при Черненой городской полиции со взысканием на удовлетворение Жиленковой за бесчестие 400 р.».

В другом документе уточняются действия Беленкова. Он донес на Жиленкову — девицу, что якобы «родила она блудного младенца и неизвестно куда оного скрыла»4.

Захудалая усадьба вдОвы Жиленковой и ее дочери находилась в сельце Селянинове, недалеко от Спасского. Рядом со Спасским жили и Беленковы. Члены этой большой мелкопоместной дворянской семьи неоднократно упоминаются в переписке Тургенева.

В донесениях Н. Н. Тургенева сообщается и о других «выходках» мелкопоместных дворян Чернского уезда, о которых писатель мог знать. Например, коллежский секретарь Петр Григорьев сын Корсак — Кулаженков судился «по делу в битии им и отнятии кошелька с деньгами у чернского помещика прапорщика Федора Иванова сына Булгакова». Сам же «сын Булгаков» тоже не оставался в долгу. Его привлекали «за бесчинства в суде и за драку».

Братья Тютеревы, имевшие усадьбу возле сельца Голоплеки (в трех километрах от усадьбы Тургеневых), отличились в «битии прапорщицы Авдотьи Борзенковой».

Второй Беленков упражнялся в «битии крестьянской женки Аксиньи Филипповой». Коллежский регистратор Иван Антонов Овсяников находился под судом «за битье им однодворца Алексея Борзенкова деревни Борзенки»5.

В рассказе «Хорь и Калиныч» говорится о том, что помещик Полутыкин (один из героев рассказа) «отправился в город по делу с соседом Пичуковым, который «запахал у него землю и на запаханной земле высек его же бабу». А родитель тургеневского героя Чертопханова вдруг приказал «перепороть всех старых баб на деревне», подозревая их в колдовстве. Тут можно твердо сказать, что писатель не сгущал краски. Подобных примеров было достаточно.

Особенно многие из помещиков изощрялись в физических расправах над крепостными. Крепостники были властны. И их редко по этим делам призывали в суд. А если и заводили судебное дело, то для помещика, как правило, оно кончалось благополучно. Вот один из многих примеров. Чернский помещик, титулярный советник Беляев «судился по делу за битие крестьянской его девки Авдотьи Прокофьевой, которая после умерла». Дело рассматривал Чернский уездный суд. Не пришел

ни к какому решению и направил дело в Тульскую уголовную палату. А оттуда переслали его в столицу, в департамент правительствующего сената. И что же? «Оный Беляев в бое девки… оставлен в подозрении». Его предупреждали, чтобы он «впредь при наказании подчиненных ему людей был осмотрительнее»6.

По цензурным условиям Тургенев не мог привести в «Записках охотника» подобные примеры. Но он о них знал. В черновых записках писателя мы находим некоторые примеры зверств помещиков, например, в незавершенном рассказе «Землеед». «Ведь у меня, — говорил Тургенев своей знакомой Н. А. Островской, — было заготовлено много рассказов для «Записок охотника», которые так и не попали в печать»7. (Н. А. Островская — автор воспоминаний о Тургеневе, которые были опубликованы после кончины писателя.)

Великий писатель умело отбирал жизненные факты, служившие ему основой для художественных построений. А если учесть, что «Записки охотника» писались в период разгула крепостнической реакции, нельзя не дивиться мужеству Тургенева, смело выступавшего против российского рабства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 ГПБ, ф. 795, И. С. Тургенев, ед. хр. 98.

2 ГАТО, ф. 39, оп. 2, д. 197, л. 62–66.

3 ГАТО, ф. 51, оп. 26, д. 405, св. 33, л. 301, 302.

4 ГАТО, ф. 39, оп. 1, д. 805, св. 78, л. 7.

5 Там же, л. 5.

6 Там же, л. 2, 2 об.

7 Островская Н. А. Из «Воспоминаний об И. С. Тургеневе»//И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит. С. 73.

ТУЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ

Родственники Ивана Сергеевича (по отцовской линии) издавна были связаны с Тулой. Здесь род Тургеневых внесен в дворянскую родословную книгу. Усадьбы и земли этой многочисленной дворянской семьи находились в основном в Тульской губернии.

У деда писателя, Николая Алексеевича, отца Сергея Николаевича и дяди Николая Николаевича в Туле был довольно широкий круг знакомых, к которым они нередко обращались с разного рода просьбами.

Этими связями пыталась однажды воспользоваться и мать писателя Варвара Петровна, когда уговаривала старшего сына Николая переехать на службу в Тулу. Вот что она писала об этом Ивану Сергеевичу в Берлин 25 июля 1842 года: «В воскресенье брат после обеда уехал из Спасского. Я его провожала до Тургенева. Он мне почти дал слово или идти в отставку или перейти на службу в Тулу, где по удельной части Левшин начальник, приятель и родня отца. Он с радостью брата принимает, дядя видел его в Туле. Чины будут идти, а жить будет почти дома. О! Когда бы это можно было бы сделать»1.

Из переписки Тургенева, официальных документов, архивных данных видно, что Иван Сергеевич "стал бывать в Туле еще в молодые годы. Но чаще посещал этот город и встречался с нужными ему людьми в конце 40-х годов прошлого века, когда он работал над «Записками охотника».

Однажды, во время удачной охоты на тетеревов, Тургенев был вынужден поехать в Тулу за покупкой дроби и лошади. Случай, который произошел во время этой поездки, и лег потом в основу рассказа «Стучит!». Впоследствии в письме к П. В. Анненкову он признавался, что «это — анекдот из моей охотничьей жизни».

Место, где охотился Тургенев, в рассказе «Стучит!» не указано, упоминается лишь, что было это в сорока пяти верстах от города.

В октябре 1841 года, как видно из письма Варвары Петровны к Ивану Сергеевичу, он жил продолжительное время у своего дяди А. Н. Тургенева в селе Суходол Богородицкого уезда. В те годы, когда писались «Записки охотника», писатель бывал в селе Сергиевском (ныне город Плавск) и его окрестностях. Об этом говорится в черновом автографе рассказа «Певцы». В письме к писателю С. Т. Аксакову от 17 октября 1852 года, рассказывая о своих охотничьих походах, Тургенев пишет: «…Как много и как далеко я ездил — нельзя сказать, чтобы я охотился удачно. Я

ездил за тетеревами в Козельск и Жиздру, за болотной дичью в Карачев и Епифань».

После смерти матери (1850 год) Тургенев стал владельцем земель в ряде уездов в Тульской и других губерниях. Это обязывало чаще выезжать в доставшиеся ему деревни и в губернский город для оформления всевозможных бумаг, по другим делам.

Писатель много раз передвигался на перекладных, останавливаясь на постоялых дворах. У известного русского художника А. К- Саврасова есть картина «Проселок». На полотне изображена разбитая и размытая проселочная дорога, по ее обочинам — исхлестанные дождем ветлы, вдали желтеющие хлебные поля. Вот по таким проселкам и приходилось ездить Тургеневу.

Всякий раз, когда он отправлялся из Петербурга и Москвы в Спасское и в обратный путь, писатель останавливался в Туле на кратковременный отдых.

Так было и в марте 1853 года. В это время писатель находился в Спасском. Весной 1852 года по приказу царя за «ослушание» (напечатание некролога о смерти Гоголя, а фактически за антикрепостнические «Записки охотника») он был посажен на месяц под арест, а затем сослан в свою усадьбу под негласный надзор местных властей.

Во второй половине марта 1853 года из Петербурга в Москву приехала на гастроли знаменитая певица Полина Виардо. «Почти одновременно туда же, обманув бдительность «мценского полицейского цербера», по фальшивому виду на жительство, тайно приехал Тургенев и провел там 10 дней…»2. Во время одной из своих встреч с Полиной Виардо_ Тургенев передал ей только что вышедшие из печати два тома «Записок охотника», предназначенных для Герцена3.

Во время этой поездки в Москву и обратно Тургенев заезжал в Тулу на короткое время.

Став владельцем большого числа крепостных, писатель предпринимает ряд мер, чтобы освободить своих крестьян от крепостной зависимости. В конце 50-х годов Тургенев почти в каждом письме к друзьям и знакомым обязательно вел разговор о крестьянских делах.

Да это и понятно. Писатель принадлежал к тем передовым людям своего класса, которые настойчиво боролись за ликвидацию крепостничества.

«…Я решился посвятить весь будущий год, — писал Тургенев Л. Н. Толстому 25 ноября 1857 года, — на окончательную разделку с крестьянами; хоть все им отдам — а перестану быть

«барином». На это я совершенно твердо решился — и из деревни не выеду, пока всего не кончу».

Так же определенно отвечал на этот вопрос Иван Сергеевич и литератору Д. Я. Колбасину в письме от 8 апреля 1858 года: «Что же касается до моих инструкций, — в деле устройства крестьян, — то вот они, в двух словах: я готов на все жертвы». В стране нарастал невиданный до этого подъем крестьянского движения.

«Крестьянство Тульской губернии, как и других районов страны, было чрезвычайно возбуждено слухами ©¦ воле, о близкой свободе, — пишет преподаватель Тульского пединститута кандидат исторических наук В. И. Крутиков. — На этой почве возникают многочисленные «недоразумения» и «неповиновения» крестьян. В канцелярию губернатора поступают многочисленные письма помещиков, выражающие тревогу и беспокойство по поводу настроения и поведения крестьян». (Крутиков В. И. Крестьянское движение в, Тульской губернии в конце XVIII и первой половины XIX века. Тула, 1972. С. 62.)

Напуганный революционной ситуацией царизм вынужден был пойти на отмену крепостного права. Для проведения «освобождения» крестьян по всем губерниям Российской империи, в том числе ив Тульской, создавались дворянские комитеты. Вернувшись из-за границы в июне 1858 года в Спасское, И. С. Тургенев стал готовиться к выборам в комитет, которые в Туле должны были начаться 1 сентября. Об этом говорит его переписка с князем В. А. Черкасским, проживавшим в Ве-невском уезде. Семья Черкасских и Тургенев зимою 1857–1858 года жили в Риме. Много тогда между ними было переговорено о предстоящей крестьянской реформе. Впоследствии В. А. Черкасский, общественный и государственный деятель царской России, публицист, представитель аристократической оппозиции, принимал активное участие в подготовке и проведении крестьянской реформы (1858–1861).

Тургенева с В. А. Черкасским, прежде всего в то* время, сближали взгляды на крестьянский вопрос. 30 июля 1858 года Иван Сергеевич писал В. А. Черкасскому: «…Я увижу Вас только в Туле, в Александров день (30 августа). С величайшей благодарностью принимаю Ваше предложение остановиться у Вас в Хуле — привезу с собой железную кровать. Посмотрим, что нам в Туле удастся; здесь все идет — пока — довольно скверно»4.

Черкасский снимал квартиру в Туле на Киевской улице (теперь проспект Ленина) в доме статского советника П. Ф. Хрипкова. Сюда приехал и Тургенев, установил в одной из комнат свою «железную кровать». Дом был деревянный, чистенький и

светлый, с балконом. Находился он рядом с Дворянским собранием (теперь гарнизонный Дом офицеров). Сейчас на этом месте построено здание партийного архива Тульской области.

После двух опустошительных пожаров 1834 года за полтора десятка лет Тула заметно обстроилась. Об этом сообщалось в «Описаниях видов города Тулы, составленных Н. Ф. Андреевым, с рисунками, литографированными К- Фон Шеле». Печаталось «Описание» в Тульской губернской типографии в 1856 году.

«Большая половина домов на Киевской улице, — пишет Н. Ф. Андреев, — обвешана разноцветными вывесками. Это наш Кузнецкий мост, наша Тверская. Здесь находятся богатые магазины и лавки с разным» товарами».

О книжной торговле автор говорит, что она упала и что в книжных лавках «редко купят в день два, три учебника или две, три дешевых книги»5.

«Тульские губернские ведомости». Так называлась еженедельная газета, выходившая по субботам. Номера газеты за июль и август 1858 года пестрят сообщениями о розыске крепостных, сбежавших от своих хозяев, о судебных разбирательствах по поводу случаев их неповиновения. Наконец появилось сообщение о том, что на выборы дворянского комитета в Тулу съехались дворяне со всех уездов.

Заседания в дворянском зале нового здания открыл губернатор П. М. Дараган. Делегаты каждого уезда располагались на специально отведенном месте под гербом своего города.

Писатель видел помещиков, приехавших еще в допотопных мундирах, сидевших на них словно мешки, а на других они еле-еле сходились. На комитетские выборы в дворянском мундире прибыл и Тургенев. «Поблагодари от меня твоего Василия (слуга Некрасова. — В. Н.), — писал он 17 сентября 1858 года Н. А. Некрасову, — за исправное доставление мундира. Я в нем щеголял на комитетских выборах в Туле».

Заседания продолжались четверо суток. Они были бурными. В зале «кричали, стучали саблями, ломали стулья».

Довольно злую и ядовитую характеристику дал комитетским выборам и тульскому дворянству небезызвестный князь Петр Владимирович Долгоруков, впоследствии ставший добровольным эмигрантом и корреспондентом «Колокола» Герцена. «Уезды Тульский, Чернский, Новосильский, Ефремовский, Крапивенский и Алексинский — обильные парники стародуров, — писал Долгоруков литератору Н. В. Путяте. — …Осьмидневное пребывание мое в Туле, в кругу 400 дворян, внушило мне, должно Вам признаться, глубокое неуважение к провинциальному дворянству… Отсутствие ума, образованности и воспитания,

дикий средневековый взгляд на вещи, убеждение, что одно дворянство составляет государство, и что дворянин создан иначе, чем остальная часть рода человеческого, внушают жалость и презрение»6.

О том, что комитетские выборы были бурными и возбуждение тульских дворян доходило до небывалых крайностей, подтверждает и И. С. Тургенев. В письме к дочери Полине от 8 сентября 1858 года Иван Сергеевич сообщал:

«Дорогая моя девочка, два дня тому назад я вернулся домой и спешу ответить тебе на твое письмо…

Г-жа Виардо, вероятно, рассказала тебе, зачем я ездил в Тулу (наш губернский город); думаю, что тебя это не очень интересует. Я много спорил, говорил, кричал, вернулся совсем усталым — но здоровым».

В те дни, пока Тургенев находился в Туле, он старался как можно больше узнать о жизни губернского города.

У писателя было много встреч с разными людьми, накопилось много впечатлений. Все это не пропало даром.

Где бывал и с кем имел возможность обмениваться мыслями Иван Сергеевич, можно узнать частично из воспоминаний князя Д. Д. Оболенского. Он писал: «Мы проводили зиму 1858–1859 года в Туле, так как вотчим мой (барон В. М. Менгден. — В. Н.) попал в Тульский комитет по выбору. Зима эта была крайне интересна, ибо в Туле постоянными гостями нашими были: братья Самарины, Лев и Сергей Толстые, Григорович, Васильчиковы, А. С. Хомяков, Тургенев и многие другие…»7.

Интересные воспоминания о проходивших в Туле выборах, в которых принимал участие Тургенев, оставила Екатерина Ивановна Раевская (урожденная Бибикова). Она была живым свидетелем всего происходившего в те дни в Туле. «Лишь только начались выборы, — писала Раевская, — сестра, дочери мои и я стали проводить утренние часы на хорах дворянского собрания»8.

Тургенев был знаком с Е. И. Раевской (1818–1899) и ее сестрой баронессой Елизаветой Ивановной Менгден (1821–1902) еще с детских лет. Мать сестер Бибиковых и мать Тургенева числились в родстве.

Е. И. Раевская написала ряд интересных воспоминаний. Она была не только талантливой журналисткой, но и художницей. Ее кисти принадлежит портрет поэта Александра Полежаева и опубликованные воспоминания о нем. К рассказу Е. И. Раевской о комитетских выборах в Туле в этом очерке мы еще будем возвращаться.

Младшая сестра Раевской Елизавета Ивановна Менгден является автором мемуаров о Москве 30-х годов и правдивых

воспоминаний.

В Туле, как рассказывала Елизавета Ивановна, она вновь встретила Тургенева, спустя почти 20 лет, у князя Черкасского, когда тульские дворяне съехались для обсуждения вопроса об освобождении крестьян. Менгден заметила, что Иван Сергеевич во внешности очень переменился в «свою пользу, лицо побледнело, черты удлинились и облагородились, длинные волосы, слегка волнистые, падали до плеч; глаза не имели ничего презрительного… Иван Сергеевич был весел, разговорчив, прост».

Елизавета Ивановна вспоминала, что «Тургенев всегда с восторгом говорил о музыке, любил беседовать с женщинами…В один из этих памятных вечеров он рассказал фантастическую повесть…» Речь идет о рассказе «Собака», который был опубликован в «Санкт-петербургских ведомостях» в № 85 за 1866 год9.

Известно неопубликованное письмо Е. И. Менгден к Тургеневу, которое хранится в Пушкинском доме в. Ленинграде. «Позвольте Вам напомнить, — писала Елизавета Ивановна, — что я имела удовольствие провести ¦ с Вами день в Ясной Поляне прошлого лета». Эта встреча была в 1878 году.

Посещение квартиры Менгден, встреча с сестрами Е. И. Раевской и Е. И. Менгден в дни комитетских выборов в Туле, напомнили писателю детские и юношеские годы, прожитые им в Москве, родных и знакомых, в дома которых часто возила их с братом мать.

Приятными были встречи Тургенева в эти дни с писателем «Современника» Д. В. Григоровичем (ему принадлежало сельцо Дулебино Каширского уезда) и поэтом А. С. Хомяковым — одним из идеологов славянофильского лагеря (владелец села Богучарово).

На тульских выборах у Тургенева была возможность насмотреться и на выходки ярых крепостников. Одним из них был хорошо известный писателю граф В. А. Бобринский.

Рассказывали, что при встрече с Александром II Бобринский стал распространяться об опасностях для трона и монархии. На это царь заметил: «Не следует быть монархистом больше, чем сам монарх».

Этот граф после 1840 года, когда в Тульской губернии был страшный голод, продал «на своз» 2000 душ крестьян из Епифанского уезда в Херсонскую губернию. Памятной была и еще одна довольно скандальная история Бобринского, которую в письме к А. И. Герцену от 21 февраля 1857 года Тургенев пересказывал со всеми подробностями — это драка между графом В. А. Бобрииским и профессором Московского университета С. П.

Шевыревым. «Ратоборство» происходило на заседании совета Московского художественного общества 14 января 1857 года. В заключение Тургенев писал: «Вот тебе, милый Герцен, подробное — и во всех своих подробностях точное описание знаменитой драки, от которой по всей Москве стон стоял стоном».

Крепостников, подобных Бобринскому, на выборах в Туле было большинство. Они в избранном комитете создали свою партию, не желавшую освобождать крестьян с выделением надела земли. Эту партию возглавлял чернский предводитель дворянства Минин. Однако и либералы за небольшим исключением были немногим лучше реакционеров. Недаром после окончания съезда 4 сентября 1858 года Л. Н. Толстой записал в своем дневнике: «Компания Черкасского дрянь такая же, как и их оппозиторы, но дрянь с французским языком»10.

Как будут в дальнейшем развиваться события по готовившейся реформе — этот вопрос не переставал волновать Тургенева. «Если Вы вздумаете написать мне — то я еще здесь до 30-го октября, — сообщал Иван Сергеевич в письме от 10 октября 1858 года писателю А.В.Дружинину. — От 20-го до 28-го я буду в Орле; хочу набраться провинциально-дворянской жизни, послушать толков по комитету и т. д. Это же самое буду я делать в Туле до 5-го нояб[ря]».

Губернатор П. М. Дараган в своем кругу слыл человеком «просвещенным». В 1856 году он обратился с письмом к писателям Л. Н. Толстому, Д. В. Григоровичу, А. С. Хомякову, И. С. Тургеневу и другим. В этом письме говорилось, что еще в 1833 году в Туле было положено основание публичной библиотеки. Но удобного и приличного помещения не было. С окончанием строительства здания Дворянского собрания, как сообщалось далее в письме, «библиотека размещена просторно и весьма удобно… Для хранения книг, рукописей и проч. устроены прекрасные шкафы, равно и все принадлежности для чтения».

Но за двадцать три года своего существования библиотека приобрела всего лишь 2300 книг. Дараган просил, чтобы библиотека пополнилась книгами сочинений тульских писателей.

Тургенев, будучи на комитетских выборах, очевидно, вспомнил об обращении губернатора. А возможно, при встрече с писателем Дараган вновь напомнил ему об этом. И вот уже из Москвы 12 ноября 1858 года Тургенев пишет на имя губернатора: «Честь имею при сем препроводить экземпляр моих повестей и рассказов, которые за особенное удовольствие считаю поднести Тульской публичной библиотеке».

Письмо И. С. Тургенева к Дарагану хранится в Государственном архиве Тульской области".

В середине ноября Тургенев был уже в Петербурге, где прожил всю зиму. 26 марта 1859 года писатель вновь вернулся в Спасское. По пути он заезжал в Тулу и Ясную Поляну. «В Туле я видел Черкасского, а в Ясной Поляне графиню Толстую», — писал Тургенев В. П. Боткину 29 марта 1859 года. Надо полагать, что при встрече с Черкасским Тургенев был подробно информирован о том, чем в прошедшие месяцы после дворянских выборов занимался Тульский комитет, о деятельности партии Черкасского в этом комитете.

Летом 1859 года Тургенев находился во Франции, но и здесь, вдали от родины, он горячо интересовался всем, что делалось в России. «За описание провинциального брожения, сверху кислого, в середине пресного, внизу горько-горячего — нижайшее спасибо», — писал Иван Сергеевич 1 августа 1859 года литератору П. В. Анненкову.

Сообщение о крестьянской реформе застало Тургенева в Париже. Уведомив А. И. Герцена о полученных известиях, он стал собираться домой. «Сгораю жаждою быть в России», — писал он П. В. Анненкову. Месяц спустя писатель вернулся в Спасское, а через несколько дней отправился в Тулу. Об этой поездке Тургенев сообщал в письме к своей петербургской знакомой графине Е. Е. Ламберт от 19 мая 1861 года. «…Я видел в Туле Вашего мужа и беседовал с ним около часу… Не очень веселая его должность…»

О чем мог беседовать Тургенев с генералом И. К. Ламбертом?

Реформа 1861 года проводилась царскими властями в пользу помещиков. Она была, по выражению В.И.Ленина, «бессовестнейшим грабежом крестьян». (Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 20. С. 173.) В ряде губерний России, в том числе и Тульской, произошли крестьянские волнения. Для наведения «порядка», а в случае необходимости принятия «чрезвычайных мер», из Петербурга в губернии были командированы генералы и флигель-адъютанты. В Тулу приехал с таким поручением генерал-майор И. К- Ламберт.

Ламберту без «дела» сидеть не пришлось. К губернатору Дарагану поступила «жалоба» от ярого крепостника, чернского помещика Войта на «неповиновение» крестьян. Войт заставлял своих бывших крепостных выполнять барские работы даже в праздничные дни. Но крестьяне сами установили для барщинных работ два дня в неделю.

Губернатор Дараган распорядился ввести в имение Войта (село Гладкое) военную команду в составе двух рот. Приехал сюда и генерал Ламберт. По его приказанию многие крестьяне были подвергнуты порке розгами, а двое отправлены в Тулу в

арестантскую роту12. Действительно, у столичного генерала «не очень веселая» была должность.

В начале сентября 1862 года вышел в свет знаменитый роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». Ряд тульских наблюдений, возможно, нашли отражение на его страницах. Это касается прежде всего показа споров о реформе, отношения к ней представителей различных слоев общества, показа двух дворянских партий — либералов и правых, различия между которыми носят по большей части формальный характер, как и в Тульском дворянском комитете.

Один из персонажей романа — губернатор «города***» — напоминает многими чертами тульского губернатора того времени П. М. Дарагана.

«Город***, куда отправились наши приятели, — говорится на одной из страниц романа, — состоял в ведении губернатора из молодых, прогрессиста и деспота, как это сплошь да рядом случается на Руси».

Подобная характеристика особенно подходила к тульскому губернатору.

Дараган хотел прослыть либералом, не чуждым новым веяниям, но когда дело касалось отношений между помещиками и крестьянами, он всегда становился на сторону крепостников, беспощадно отправляя крепостных в арестантские роты, подвергая порке, ссылая на каторгу.

Интересной фигурой была в Туле жена губернатора А. М. Дараган. Однажды своей знакомой Н. А. Островской И. С. Тургенев рассказывал: «…Я, бывало, как приеду в провинциальный город, так первым делом стараюсь узнать, кто в городе «львица». Такая «львица» должна непременно иметься в каждом провинциальном городе. Узнаю и познакомлюсь. Тут уж непременно увидишь всех и все…»13.

Кого писатель считал тульской «львицей»? Больше подходило это к самой губернаторше. Анна Михайловна Дараган была «очень энергична». Не зря ее прозвали «ураган». Она считалась «умной» особой. Ее книга для детей «Русская азбука» была в свое время положительно отмечена В. Г. Белинским (Отечественные записки № 1, 1846).

Одно время А. М. Дараган была назначена Николаем I начальницей Николаевского сиротского института. Но продержалась она там не долго. Сама она об этом назначении так рассказывала: «Если вам скажут, что вот губернатор П. М. Дараган кого-нибудь побил — никто не поверит, а скажут это про меня — все поверят.

Когда меня покойный государь Николай Павлович назначал

директором института, я прямо ему сказала: «Государь, не гожусь, это будет мое Ватерлоо, не назначайте…» Ну, конечно, так и вышло, я и не выдержала».

Тульский князь Д. Д. Оболенский в своих мемуарах писал: «Г-жа Дараган была умная особа и бывать у ней было очень приятно. Да и вообще общество было тогда в Туле отборное»14.

Не вызывает сомнения то, что Тургенев это «отборное» общество хорошо знал.

В дни комитетских выборов, как вспоминала Е. И. Раевская, «давались балы в собрании и у губернатора, были и благородные спектакли…»

Иван Сергеевич, очевидно, воспользовался случаем, чтобы еще раз посмотреть на «отборное» общество губернского города. И не отсюда ли взято Тургеневым описание в «Отцах и детях» бала у губернатора, на котором присутствовали главный герой романа Евгений Базаров и его друг Аркадий Кирсанов.

В последующие годы связи у Тургенева с Тулой не прекратились. Писатель продолжал посещать город, вел переписку с рядом лиц.

У Тургенева был давнишний приятель, уроженец тульского края, Михаил Александрович Языков (1811–1885). «… Прекраснейший, честнейший и милейший человек, которого я люблю от души», — признавался Иван Сергеевич в письме к писателю А. К. Толстому от 13 мая 1855 года. Это М. А. Языков первым навестил Тургенева, когда писатель находился под арестом по приказу царя (апрель, 1852 год).

Языков был приятелем не только Тургенева, но и Белинского, Панаева, Некрасова, Гончарова и других писателей. В 40-е годы принимал некоторое участие в делах редакции «Современника».

В 60-е годы прошлого века М. А. Языков жил в Туле. Он занимал пост управляющего питейно-акцизных сборов губернии. Тургенев неоднократно прибегал к помощи Языкова, устраивая на службу своих родственников и знакомых. Языков в свою очередь обращался к Тургеневу с просьбами о покровительстве некоторым начинающим писателям, которых он хорошо знал. Дружеские отношения и переписка между Тургеневым и Языковым сохранялись до последних дней жизни писателя. Известны семь писем Тургенева к Языкову.

В нашем крае и в самой Туле проживали многие прототипы тургеневских литературных героев. В том числе повестей «Фауст», «Затишье», «Вешние воды», «Отчаянный», романов «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Новь». Иван Сергеевич знал в наших местах многих людей разных сословий. Взять хотя бы вопрос отношения Тургенева к писателям-тулякам. В

литературной судьбе каждого из них, начинающего или уже широко известного, он принимал самое дружеское, самое искреннее участие.

Известно, например, что Тургенев оказывал моральную и материальную поддержку Николаю Успенскому. В Государственном архиве Тульской области сохранились довольно интересные материалы о взаимоотношениях между писателями.

Иван Сергеевич высоко ценил творчество Глеба Успенского. Он всячески содействовал опубликованию его произведений, неоднократно встречался с Глебом Ивановичем в России и за границей, переписывался с ним.

Особую страницу жизни и литературной деятельности Тургенева занимает его отношение к Л. Н. Толстому. Неоднократные встречи классиков литературы происходили в Петербурге, Москве, Туле, Ясной Поляне, Спасском, Покровском, Никольском, Пирогове, в Новоселках у поэта Фета и в других местах.

…В начале мая 1881 года Тургенев из Парижа приехал на родину. Остановившись в Петербурге, он заболел подагрой. В это время гостиницу, где находился писатель, посетило много его знакомых. В один из дней пришли сюда и студенты Петербургского университета В. Н. Шаталов и П. Ф. Якубович. Они просили Тургенева принять участие в готовившемся ими литературнол: сборнике «Отклик». На эту просьбу, как вспоминал потом Шаталов, писатель ответил: «Поеду вот теперь в Спасское, приложу ухо к родной земле, может быть, она вдохновит меня и тогда напишу что-нибудь для вашего сборника»15.

Сюда же, в Петербург, пришло письмо от тульского вице-губернатора князя Л. Д. Урусова, с которым Тургенев был хорошо знаком. «Дорогой Иван Сергеевич, я знаю, что Вы в Петербурге и скоро собираетесь в наши края, — писал Урусов. — Надеюсь, что Вы не проедете мимо Тулы не повидавшись со мною и не пренебрежете моим радушием и гостеприимством»16.

Наконец болезнь утихла и писатель отправился в свою усадьбу. Много гостей в это лето побывало в Спасском: поэт Я- П. Полонский с семьей, писатель Д. В. Григорович, литератор Н. В. Гербель, артистка М. Г. Савина, Л. Н. Толстой. Приезжал сюда и Л. Д. Урусов.

Сам Иван Сергеевич, словно предчувствуя, что это его последний приезд на родину, спешил встретиться со многими своими близкими и знакомыми, обменяться письмами, о многом переговорить.

За эти дни Тургенев успел съездить в Ефремовский уезд в свои имения, дважды побывал в Туле, навестил Л. Н. Толстого в

Ясной Поляне.

И вот новая поездка в губернский город. «В понедельник я принужден ехать в Тулу крестить племянника…», — сообщал писатель своему знакомому Александру Михайловичу Сухотину. На сей раз Тургенев направлялся к своей родственнице Варваре Николаевне Ар-сеньевой (урожденная Тургенева, дочь Н. Н. Тургенева — дяди писателя). Она приходилась писателю двоюродной сестрой.

Усадьба Арсеньевых Судаково находилась под Тулой, вблизи Ясной Поляны. Л. Н. Толстой был хорошо знаком с семьей Арсеньевых. Вот сюда-то и прибыл Тургенев. Он принимал участие в крещении сына В. Н. Арсеньевой. В деле дворян Арсеньевых, хранящемся в Государственном архиве Тульской области, есть документы и об этом событии. Крещение состоялось 4 августа 1881 года в церкви села Прудного. На одной из страниц архивного документа записано, что восприемником был «коллежский секретарь Иван Сергеев Тургенев»17.

Тургенев продолжал активную литературную деятельность. В это время им была закончена работа над повестью «Песнь торжествующей любви». У него появились новые творческие планы, которые он рассчитывал осуществить не столько там, во Франции, сколько здесь, дома, куда намеревался вскоре вернуться и на более длительный срок, а может, и совсем.

Но судьба распорядилась им по-иному. Его намерениям не суждено было осуществиться.

В 1908 году общественность России отмечала 90-летие со дня рождения И. С. Тургенева. Почтить память писателя, сделать его имя более известным народу решили и туляки. Постановлением городской думы от

12 ноября 1908 года одна из улиц в городе была переименована в Тургеневскую.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 ГПБ, ф. 795 И. С. Тургенева, ед. хр. 98.

2 Розанов А. Полина Виардо-Гарсиа. Л.: Музыка, 1969. С. 100.

3 Летопись жизни и творчества А. И. Герцена, 1851–1858. М.: Наука, 1976. С. 147, 153, 158.

* Тургенев И. С. Письма. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1961. Т. III. С. 231.

5 Андреев Н. Описание видов города Тулы. Тула, 1856. С. 1, 2.

6 Мурановский сборник. Мураново, 1928. Вып. 1. С. 112.

7 Историч. вестник. 1893. № 12. С. 666.

8 Рус. архив. 1896. № 2. С. 225–226.

9 Встречи с И. С. Тургеневым (из дневника современницы)// Тобольские губернские ведомости. 1893. № 27, 28.

10 Толстой Л. Н. Собрание сочинений. В XX т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 19. С. 234.

11 ГАТО, ф. 90, оп. 1, д. 25145, л. 34, 35, 62.

12 ГАТО, ф. 74, оп. 1, д. 62, св. 2, л. 1, 1 об., 2.

13 И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1969. Т. 2. С. 96.

14 Рус. архив. 1894. № 10. С. 260.

15 Центральный государственный архив литературы и искусства. Москва (далее ЦГАЛИ), ф. 1337. оп. 1, ед. хр. 29, л. 227, 280.

16 ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, д. 131.

17 ГАТО, ф. 39, оп. 2, ед. хр. 89, л. 164.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

За правдивость и глубокую связь с жизнью произведения И. С. Тургенева высоко ценил В. И. Ленин. «Когда Ильичу было 14–15 лет, — писала Н. К- Крупская, — он много и с увлечением читал Тургенева. Он мне рассказывал, что тогда ему очень нравился рассказ Тургенева «Андрей Колосов», где ставился вопрос об искренности в любви. Мне тоже в эти годы очень нравился «Андрей Колосов» (Крупская Н. К- Педагогические сочинения. Детство и ранняя юность Ильича. М., 1980. Т. VI. С. 322).

В своих работах Владимир Ильич часто использовал меткие выражения из романов «Рудин», «Отцы и дети», «Дым», повести «Ася», «Стихотворений в прозе» и «Записок охотника».

Давая отповедь либералам, Ленин еще в 1914 году в статье «Нужен ли обязательный государственный язык?» писал: «Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч» (Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 24. С. 294).

«Литературная деятельность Тургенева, — писал М. Е. Салтыков-Щедрин, — имела для нашего общества руководящее значение, наравне с деятельностью Некрасова, Белинского и Добролюбова»1.

Заслуги Тургенева перед русской литературой огромны. Он явился одним из создателей русского реалистического романа. Писатель уделял основное внимание борьбе идей, духовной жизни общества. Тургенев сыграл большую роль в пропаганде и распространении русской литературы за рубежом.

Даже в последние месяцы своей жизни, будучи прикованным к постели, писатель не прекращал своей творческой деятельности.

После опубликования последнего своего романа «Новь» в одном из писем Тургенев говорил: «…Я не потерял времени даром и сослужил — и отслужил — службу моему поколению — пожалуй, даже моему народу»2. Эти слова применимы ко всему творчеству великого писателя.

И. С. Тургенев умер 3 сентября 1883 года. Смерть его глубоко переживали все передовые люди России и среди них революционер-поэт П. Ф. Якубович. Им от имени «Народной воли» была составлена прокламация, отпечатанная в нелегальной типографии. Якубович писал, что Тургенев «служил русской революции сердечным смыслом своих произведений… он любил революционную молодежь, признавал ее «святой» и «самоотверженной»3.

За многие годы, прошедшие с того времени, когда жил и творил писатель, сменились поколения, которые в жестокой борьбе и страданиях прокладывали путь к счастью.

И для всех поколений произведения Тургенева остаются неиссякаемым источником, как тот удивительный родник «Малиновой воды».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Тургенев в русской критике. М.: Госуд. изд. худож. лит., 1953. С. 397.

2 Тургенев И. С. Письма. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1966. Т. XII. С. 38–39.

3 Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л.: Академия, 1930. С. 8.